

ИПО «Издательство «Наука» РАН
Редакция журнала «Славянское право»
119334, Москва, Ленинский проспект, 32А
Тел.: 923-01-20
e-mail: jurslaw@rambler.ru

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

6

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

2007

НОЯБРЬ •

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ДЕКАБРЬ •

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Содержание

СТАТЬИ

<i>Косик В.И.</i> (Москва). Русский балет в Югославии	3
<i>Валева Е.Л.</i> (Москва). Развитие исторической науки в Болгарии на современном этапе	16
<i>Старикова Н.Н.</i> (Москва). Словенский исторический роман второй половины XX века	31
<i>Ильина Г.Я.</i> (Москва). О творчестве писателей в мультилитературной среде (на материале югославянских литератур сербскохорватского языкового ареала)	46
<i>Кривошапова Ю.А.</i> (Екатеринбург). Об одной символической модели в славянской народной энтомологии	57
<i>Колосова В.Б.</i> (Санкт-Петербург). Этноботанические заметки. I. Василек	71
<i>Жуйкова М.В.</i> (Луцк). Метафора угощения в языковых единицах со значением военных действий: когнитивный и культурный аспекты	80
Из словаря "Славянские древности"	90

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Созина Ю.А.</i> A. Zupan Sosič. Zavetje zgodbe: sodobni slovenski roman ob koncu stoletja	115
<i>Косик В.И.</i> Деятели славянской культуры в неволе и о неволе. XX век	120

ЮБИЛЕИ

<i>Иванов С.А.</i> К юбилею Бориса Николаевича Флори	122
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 2007 году	124

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, С.В. НИКОЛЬСКИЙ, В.Я. ПЕТРУХИН,
Л.А. СОФРОНОВА, А.С. СТЫКАЛИН, Б.Н. ФЛОРЯ, В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии),
Стыкалин А.С. (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Пономарева Е.В., Веслова И.Ю.*

Адрес редакции: *119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а, Телефон 938-01-20*
E-mail: jurslav@rambler.ru; zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Российская академия наук, 2007 г.
© Редколлегия журнала “Славяноведение”
(составитель), 2007 г.

© 2007 г. В. И. КОСИК

РУССКИЙ БАЛЕТ В ЮГОСЛАВИИ

“То, что сделано в балете, должно только поражать и изумлять. Белградский балет в настоящее время, благодаря Поляковой и Фортунато, может доставлять большое удовольствие и искушенному балетману. Успех у публики балет имеет громадный и неизменно наполняет зрительный зал. На первом месте в балете необходимо поставить Кирсанову, московскую балерину, характерную танцовщицу и горячую, темпераментную исполнительницу. Весь состав балета насчитывает 45 человек, из них 30 русских балерин и танцовщиков. Из русских балерин следует отметить прекрасных характерных танцовщиц Оленину, Шматкову, Грунд и Нечепоренко, опытную танцовщицу Бологовскую и подающих надежды молодых Ланкау и Васильеву. Конечно, балету еще многого не достает, но время, школа Поляковой и неукротимая энергия и талант режиссера дают надежду, что балет не застынет на достигнутом. С большой гордостью и радостью мы все русские смотрим на это наше создание.” [1. С. 43]. Эти слова можно с полным правом отнести ко всему творчеству русских мастеров искусства балета на югославской земле.

Начну с Белграда. В отличие от оперы в балете не было языковой проблемы, но само искусство Терпсихоры было определенным “вторжением” для сербской культуры. В газете “Политика” так было обрисовано концертное выступление в 1921 г. русской балерины Маргариты Фроман, ее коллег и учеников: “Долгожданный русский балет... представил на суд многочисленных зрителей множество мелких пьесок. Мы имели возможность насладиться художественной продукцией ног, весьма выразительных и красноречивых... Госпожа Фроман живо и грациозно исполнила свои элегантные номера, а госпожа Бекефи, дама темпераментная, танцевала с необычайным огнем и такой стремительностью, что публика все время с замиранием ждала, что у нее вот-вот отлетит либо рука, либо нога. Лишь она была на сцене в длинной юбке, что, впрочем, не помешало ей до пояса оголить свое искусство” [2. С. 306–307]. И тем не менее... Во многом благодаря совместным усилиям директората Народного театра в Белграде и собственно русских артистов сербская публика “приучалась” видеть балетное искусство вначале в виде номеров в оперных спектаклях, потом,

Косик Виктор Иванович – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ “Эмиграция и иммиграция в странах ЦЮВЕ” № 05-01-01-283а.

опять-таки вследствие обоюдного интереса в 1920 г. создается под руководством известной балерины Клавдии Лукьяновны Исаченко “Малая балетная школа”. Здесь можно вспомнить и В.Д. Чалееву, руководившую школой танцев (ул. Короля Милана, 69), в которой обучали пластике, ритму, бальным, но не модным, танцам. Месячная плата за 12 уроков составляла 120 динаров [3. 10 VII 1925].

Это примерно была одна пятая жалованья неквалифицированного рабочего. Ежегодно белградская читающая публика через прессу оповещалась о годовых концертах учащихся этой заметной в столице школы.

Вскоре школа танцев вошла в актерско-балетную школу Народного театра, где хореографию стала вести Елена Дмитриевна Полякова.

Эта замечательная балерина родилась 7 мая 1884 г. в Санкт-Петербурге. Поступила в северной столице в балетную школу, училась в классе Клавдии Михайловны Куличевской, дружила с Тамарой Карсавиной. После завершения в 1902 г. учебы была принята в Императорский Мариинский театр. Уже в 1903 г. переведена в звание корифейки кордебалета, в 1904 г. – второй балерины. Танцовщицей первого ряда стала в 1913 г. и тогда же награждена серебряной медалью на Владимирской ленте. В 1908 г. попала в труппу Адольфа Болма на гастроли по северной Европе – Хельсинки, Стокгольм, Копенгаген, Прага и Берлин, танцевала вместе с Анной Павловой. Репертуар – “Коппелия”, “Жизель”, “Пахита”, “Лебединое озеро” (II действие) и др. В 1909 г. с труппой вновь была на турне. В том же году вышла замуж за Владимира Николаевича Седикова, родив через несколько лет дочь Людмилу. В 1910 г. в Париже в труппе С.П. Дягилева избрана ведущей солисткой. После революции в конце 1918 г. уехала на юг. Некоторое время была в Кисловодске, где в “Казино-театре” участвовала в благотворительных концертах и давала часы мастерства. Концертмейстером ее был Сергей Прокофьев. Потом были Одесса, Царьград, Салоники, Скопле (совр. Скопье), Люблина. 14 февраля 1922 г. прибыла в Белград с партнером и учеником Сергеем Стрешневым и ученицей Меткой Франке. Тогда в театре было два десятка балерин во главе с Клавдией Лукьяновной Исаченко как режиссером. Не было поставлено ни одного балетного спектакля, только дивертисменты. После триумфального выступления им было предложено остаться в Белграде. Полякова – прима-балерина, хореограф, режиссер в Народном театре и педагог классического балета в актерско-балетной школе, основанной в 1921 г. Сергей Стрешнев – первый танцовщик.

Первый белградский сезон в Народном театре Полякова начала 1 сентября 1922 г. постановкой балета в опере “Проданная невеста” Б. Сметаны. В последующие сезоны поставила балеты в операх “Кармен” Бизе и “Еврейка” Фроментала (4 апреля и 15 мая 1923 г.), в которых танцевала заглавные партии. 11 июня 1924 г. Полякова в “Коппелии” танцевала Сванильду: режиссура и хореография А. Фортунато, дирижер Д. Ризнич, декорации В. Жедринского. В оперно-балетном репертуаре станцевала еще одну партию в “Пиковой даме” Чайковского и как хореограф поставила два балетных номера в операх: “Лакме” Делиба 23 ноября 1923, “Манон” Массне 1 февраля 1924 г. В сезоне 1924/1925 г. исполняла сольную балетную партию в опере “Аида” 1 мая 1925 г., в “Лебедином озере” 29 июня 1925 г. . Как хореограф 29 октября 1924 г. поставила танцы в драме “Свадебный марш” А. Батая. В мае 1925 г. выступала в Сараеве. В сезоне 1925/1926 г. сыграла Королеву фей в “Жизели” и др. В балетно-актерской школе поставила балет-пантомиму “Кот в сапогах” В. Нелидова в

трех картинах. В следующем сезоне танцевала Аврору в “Очарованной красавице”. Ангажемент Поляковой закончился в сезоне 1926/1927 г. Она продолжала выступать, но уже как приглашенная балерина в отдельных балетных спектаклях. 21 мая 1929 г., отметив 25-летие выступления на сцене ролью Царевны в балете Ц. Пуни “Волшебный конек”, она простилась с белградской публикой. Награждена орденами св. Савы 5 и 4 степени. Круг судьбы завершился: она исполняла эту партию после окончания училища в Царском селе перед русским монархом и завершила в том же балете перед югославским королем. После ухода со сцены, на которой она выступала с Вагановой, Преображенской, Кшесинской, Павловой, Карсавиной, Спесивцевым, Легатом, Фокиным, Нижинским, много времени отдавала педагогике, которой она занималась с 1922 г. в актерско-балетной школе. После того как в 1927 г. школа, вследствие недостатка денег, закрылась, Полякова открыла свою студию. Именно там готовились артисты и артистки балета, мастерство которых будет восхищать поклонников этого завораживающего своей красотой искусства. Полякова воспитала и выпустила Бошкович, Живкович, Оленину, Бологовскую, Грундт, Васильеву, Жуковского, Панаева и др. В русской прессе подчеркивали: “В школе Поляковой, кроме русских, много и сербских учениц, – сама школа так прочно срослась с Белградом, стала неотъемлемой частью его культурной жизни, – что восторженные отчеты сербских газет с одинаковой радостью называют, независимо от национальности, имена новых балерин, созданных школой Поляковой”. Уроки мастерства у нее брали и солисты из Народного театра. С 1937/1938 г. по 1940/1941 г. вела балетный класс в средней музыкальной школе при Музыкальной академии в Белграде. В марте 1943 г. Полякова с мужем, дочерью и зятем покинула Белград. По некоторым данным, причина отъезда была в том, что зять, также русский, бывший на немецкой военной службе, должен был отправиться на Восточный фронт. Свой класс в Музыкальной академии и учеников своей школы передала танцовщику и педагогу Милораду Йовановичу Милету. 15 марта 1943 г. простилась с учениками и на следующий день уехала поездом в Вену. Начались несчастья. В дороге заболел муж, она получила слабый инсульт, после чего с трудом говорила. Работала в венской “Volksoper” и в балетной студии Dia Lussa. Потом была в Кицбухеле, где ей помогал ее бывший ученик Борис Пилат, а затем в Инсбруке аранжировала балетные номера в операх и опереттах. Поставила балет в оперетте “Бал под масками”. Перед входом советских войск в Вену двинулась к Мюнхену, к западной зоне. В поезде умер муж. Похоронила через три дня в Зальцбурге. Между 1947 г. и 1949 г. теряется всякий ее след. Где-то в беженском лагере ждала визу в США. В 1949 г. с дочерью и зятем прибыла в Чили. Сняла студию, давала часы, потом была принята педагогом в Национальный балет Чили и в оперный Муниципальный театр в Сантьяго. Проработав 20 лет, ушла на пенсию. Балетный архив в Сантьяго носит ее имя Archivo Internacional de Ballet “Elena Poliakova”. Мэр Сантьяго наградил ее Золотой медалью Сантьяго. В июле 1972 г. заболела и после выхода из больницы умерла дома. Похоронена на Русском кладбище под Сантьяго [2. С. 307; 4–6].

Москвичка Оленина Марьяна Петровна (1901, Москва – 1963, Белград) после школы у Поляковой и стажировки в Париже стала с 1923 г. солисткой Народного театра в Белграде. Пожалуй, она единственная из русских балерин, которая во время Второй мировой войны участвовала в народно-освободительной борьбе. После войны – художественный руководитель и хореограф ансамбля

Югославской народной армии, основатель и хореограф балетной труппы Сербского народного театра в Нови Саде [7. С. 560].

Другая ее ученица – Васильева Яна Владимировна (1912, Варшава) также танцевала на сцене Народного театра в Белграде. В 1942 г. с мужем, А. Жуковским, покинула Югославию. Выступала в Вене, Германии, Франции. До 1950 г. входила в труппу “Оригинальный русский балет” полковника де Базили (наст. фам. Воскресенский В.Г.) в Европе. В США балетный педагог в Сан-Франциско и в собственной студии “Про арте” в Паоло Альто [8. С. 238–239; 9. 1999. Т. 1. С. 636–637].

Ее муж балетмейстер Анатолий Жуковский писал о ней: “Самым главным фактором моей жизни было мое счастливое супружество с Яней, которая оказалась не только идеальной женой, но и другом, сотрудником, единомышленником и поддержкой во всех моих начинаниях и тяжелых минутах жизни...” [10].

Было известно ценителям балета и имя балерины Ксении Федоровны Грундт-Дюме (? – Канны, 1979), солистки Народного театра в Белграде, стажировавшейся в Париже под руководством Ольги Осиповны Преображенской. В октябре 1930 г. по возвращении из Лютеции она, надо полагать, восхитила привезенными оттуда танцами всех “направлений и стилей от классических до гротесков и характерных и индусских танцев – последнее увлечение Парижа” [3. 9 X 1930; 7. С. 259].

Добавлю, что она много гастролировала в Бельгии, Голландии, Франции. Участвовала в драматических спектаклях [7. С. 558].

Из солистов назову Соню Ланкау, Тамару Полонскую, З. Маркович, М. Коржинскую, Тамару Максимову, Александра Доброхотова, Михаила Панаева, Олега Гребенщикова, Машерова, Наташу Бошкович. Пианистами в балете были Ольга Цакони, вышедшая замуж за Александра Слатина, виолончелиста из харьковской музыкальной семьи [11. С. 467], потом на протяжении 15 лет – Дмитрий Конради [12]. На большие постановки на белградскую сцену приглашали Маргариту Фроман из Загреба, Елизавету Никольскую из Праги, Бориса Романова из Метрополитен Опера, поставившего “Болеро” М. Равеля и “Тамару” М. Балакирева [12].

И конечно, нельзя не назвать имя Анатолия Михайловича Жуковского – балетный танцор, солист, хореограф, режиссер, шеф балета Народного театра в Белграде в 1925–1943 гг. Он родился в 1906 г. в польском городе Седлец в семье офицера. Детство провел в родительском имении Сурмачевка Полтавской губернии. С началом Первой мировой войны поступил в Киевский кадетский корпус им. св. Владимира. Находился вместе с отцом в составе Добровольческой армии. В 1920 г. во время Новороссийской эвакуации эмигрировал с отцом в греческие Салоники, здесь он вступил в ряды скаутов, связав всю последующую жизнь с этим молодежным движением, отдавая ему все свободное время, имел лесное имя “Сип”. В 1922 г. был отправлен в Королевство сербов, хорватов и словенцев (СХС) для продолжения образования в разместившийся там Крымский кадетский корпус. После его завершения в звании вице-унтер-офицера в том же году поступил сразу в Белградский университет на строительный факультет и как бедный студент был рад всякой работе, за которую могли заплатить. Так был принят в 1922 г. в Белградскую оперу статистом оперы и драмы. Днем учился, а вечером в оперу – работать. Потом, по совету балетмейстера А. Фортунато, прибывшего в Белград в 1924 г. на пару сезонов, ставившего “Коппелию” и “Лебединое озеро”, поступил в балетную школу Елены Поляко-

вой. Его талант заметила и поддержала не только Полякова, но и Анна Павлова, школьная подруга Поляковой, приехавшая в гости в Белград. Постепенно, заменяя уезжавших на гастроли артистов, он стал исполнять весь балетный репертуар. «Так как уже я заиклился на балете и потерял всякий интерес ко всему иному, хотя и еще числился студентом, но главным был балет, и мне, – писал А. Жуковский в своей “Исповеди”, – всучили главные роли. Я не был готов к этому, но им было нужно, и они меня уговорили. Вероятно, был смешон как Дон Жуан у Кристофа Глюка, но это мне много помогло, так как я обращал внимание на себя, на то, как я работаю. И день и ночь учился, репетировал, читал. Вошел в постоянный состав Народного театра, т.е. стал чиновником Королевства Югославии. Плата была мизерной, но я не был голоден». Первый раз его имя упоминается в официальном списке танцовщиков балета Народного театра в сезоне 1925/1926 г. С сезона 1927/1928 г. он – солист балета. Потом по приглашению Ф. А. Васильева с русской Оперой выступал на гастролях в Барселоне: в 1927 как солист, в 1929 как помощник Васильева. Начал ставить самостоятельно некоторые хореографии. По возвращении ставил хореографию балета “Путешествие вокруг мира” Б. Нушича, обратившего на него внимание и поселившего его у себя, пока Жуковский не найдет себе квартиры. “Я у него жил три месяца. Он меня называл “Скакавац” (Кузнечик. – В.К.). У него была пожилая родственница, которая заботилась и обо мне. Чувствовал себя как сыр в масле. Так началась моя хореографическая карьера”. Одновременно продолжал солировать в балете. Потом заменил Макса Фромана в главной роли “Конька-Горбунка” – Иванушку Дурачка. С 1932/1933 г. – первый танцовщик. В 1932 г. венчался с прима-балериной Яной Васильевой. Танцевал больше всего с Н. Бошковиц, Я. Васильевой, Н. Кирсановой, М. Олениной и А. Прелич. В середине 1930-х годов был поставлен исполняющим обязанности балетмейстера. С 1938 г. – официальный балетмейстер. С 1935 по 1941 г. поставил 11 балетов в операх и 10 хореографий в балетном репертуаре. В 1938 г. после выступления в Болгарии получил орден от царя Бориса III. Изучал народные танцы. Был в числе организаторов неофициальной группы фолкбалета. В Коларчевом университете его выступление было встречено восторженно публикой. Для Жуковского “народные игры” не воняли “крестьянином”, а были настоящим искусством. В 1938 г. на фестивале в Праге на всесоюзном слете получил первую награду. Во время войны поставил патриотический балет “В долине Моравы”, выдержавшего только четыре представления, после которых он был закрыт немцами, увидевшими в нем “националистическую пропаганду”. В 1941 г. пошел добровольцем в армию, воевал до “непобедного конца”, попал в плен к немцам, бежал на третий день и вернулся в Белград, где русские антикоммунисты ненавидели Жуковского и его жену за то, что они не с ними, а сербы за то, что не идут в партизаны. Сам же он, по его словам, не был героем, чтобы бросить Яну, которая не могла идти “в лес”. Положение осложнялось тем, что их успехи в балете многим кололи глаза. В 1943 г. было принято решение об отъезде в Вену, где было много знакомых. В конце войны, когда театр был закрыт, сумел выйти к французской армии, перешедшей Рейн. Стал ее солдатом, освобождал Штутгарт и другие города. После завершения войны остался до 1948 г. во французской армии (5-я бронированная дивизия) как артдиректор труппы, в которой стала работать и его жена. Отказались с женой от лестных предложений из “красных” Белграда и Софии. Потом был контракт с Русским балетом полковника Базили (наследника Дягилева), отъезд в Париж и турне до конца 1949 г. по

Европе и Африке. После распада труппы вследствие болезни ее директора работали с женой в Королевском оперном театре в Бельгии, ожидая визу в США. Потом в 1951 г. была Америка, куда он с женой приехал с 50 долларами в кармане. Ставили по школам и университетам представления, связанные с югославянским фольклором, балканским фольклором. Потом стал преподавать в Сан-Францисском университете, в котором отработал до 1978 г., в городской консерватории. Изучал фольклор американских индейцев. Написал книгу об искусстве народного танца. Со студентами ставил представления в университетском театре с фолктанцами. Его имя внесено в палату Славы в университете. В своей “Исповеди” он писал: “Ни о чем не жалею, видели много и многому научились. Всюду, где мы были, получили признание, везде нас оценили. К концу пути мы видели, что родились не в том времени и не в том месте. Попали в тяжкие времена. Сейчас работаю над своими мемуарами” [10; 11. С. 202; 13. С. 287, 290, 292–300; 14. С. 137–140]. Умер А.М. Жуковский 5 октября 1998 г. в Калифорнии.

И еще небольшое добавление к биографиям этой звездной пары: «Жуковский и Васильева ездили в Париж и привозили оттуда знаменитые постановки Мясина, Лишина и Фокина. Обладая феноменальной... хореографической памятью, они восстанавливали талантливые постановки “королей” балета. Особенно удавались балеты на музыку пятой симфонии Чайковского “Человек и Судьба” и на его же музыку “Франческа да Римини”. В репертуаре были, кроме трех балетов Чайковского, “Жар-Птица” Стравинского, “Павильон Армиды” Черепнина, Фокинские “Сильфиды” на музыку Шопена и др.» [12].

Блистательный успех имела и Нина Васильевна Кирсанова, отдавшая десятилетия сцене. Будущая звезда родилась в Москве 21 июля 1898 г. в семье Василия и Зинаиды Венер. Фамилию Кирсанова взяла как псевдоним. В семье было два актера Большого театра: дед по отцу – Вильгельм Венер и бабушка по матери – Елизавета Медведева. Отец не хотел, чтобы дочь была балериной. Только в двенадцатилетнем возрасте после того, как девочка чуть не наложила на себя руки, отец позволил учить балет и поступить в частную балетную школу Лидии Ричардовны Нелидовой, балерины и педагога. Параллельно ходила в гимназию свв. Петра и Павла, которую завершила в 1916 г. Затем записалась в Московское театральное училище к педагогу Вере Ильиничне Масаловой, у которой проучилась два года, потом была два года у А.А. Горского. Завершила учение в 1919 г. Выступала по московским театрам – в Малом государственном театре, театре музыкальной драмы и др. Потом был Воронеж, где играла Одиллию. Вскоре опять вернулась в Москву. В конце 1919 г. вышла замуж за Бориса Попова, оперного солиста Большого театра, затем – бегство в Польшу. Выступала в Варшаве, Кракове, а также во Львове вместе с Александром Фортунато (1921–1923). Во время выступлений в Бухаресте последовало приглашение в Белград. Первое выступление состоялось 7 ноября 1923 г. вместе с Фортунато в “Вечере балета”, потом 9 ноября – в “Шехерезаде”, 15 ноября – в “Вальпургиевой ночи” и “Фаусте”. Успех обусловил предложение ангажемента, который был подписан 24 февраля 1924 г. после истечения срока соглашения с Бухарестом. Нина стала прима-балериной, а Фортунато директором-режиссером и первым танцовщиком Народного театра в Белграде. Тогда балет начал свой четвертый год существования, но еще не было ни одного целостного балетного спектакля. 1 июня 1924 г. Фортунато поставил “Коппелию” с Кирсановой в роли Сванильды. С 1923 г. по 1926 г. она танцевала заглавные партии в “Шехере-

заде”, “Копелии”, “Лебедином озере”, “Жизели” и др. В операх “Фауст”, “Манон”, “Пиковая дама”, “Проданная невеста”, “Миньон”, “Еврейка”, “Аида” исполняла балетные партии. Выступала в Русском доме и в Офицерском доме. В конце июля 1926 г. не возобновила контракт и уехала вместе с Фортунато в Париж – центр балетного искусства. Там давала со своим партнером концерты. Одновременно брала уроки у Любови Николаевны Егоровой, великой балерины. Подписала ангажемент с Русской оперой, разъезжавшей по миру. В 1926–1927 гг. в турне по Южной Америке выступала с Борисом Князевым в известном театре Teatro Colon в Буэнос-Айресе, в котором хореографом была Бронислава Нижинская. В 1927 г. вступила как прима-балерина в труппу Анны Павловой – объехала все континенты. После смерти в 1931 г. Павловой труппа распалась. Но Кирсанова уже стала звездой, и двери всех театров были для нее открыты. Слава уже пришла к ней. С 1931 по 1934 гг. – опять Белград. Была и прима-балериной, и шефом балета, и режиссером, и хореографом Народного театра: поставила 28 хореографий в балетном и оперно-балетном репертуаре: “Жизель”, “Тайна пирамиды”, “Охридская легенда”, “Петрушка”, “Осенняя поэма” и др., станцевала 18 главных партий в балетах и 11 балетных соло в операх. В 1934–1939 гг. танцевала на европейских сценах, была балетмейстером и хореографом. Вначале была Голландия, опера де Monte Carlo – шеф балета, прима-балерина, хореограф. С 1 июня по 1 октября 1937 – Англия, Шотландия, Испания. В сезоне 1937/1938 г. – Литва, Каунас – прима-балерина и хореограф. В сезоне 1938/1939 г. – Франция, Голландия, Италия. Потом последовало возвращение в Белград. Были гастроли в Болгарии. В Югославии опять ставила хореографию, была прима-балериной. Имела свою частную балетную студию. Третий контракт с Народным театром подписала 12 мая 1942 г., руководила балетом в тяжелейших условиях. После бомбардировки Белграда 15, 16, 17 апреля 1944 г. союзниками, когда город лежал в руинах, а население уменьшилось наполовину, Кирсанова стала медицинской сестрой. Во время освобождения Белграда она перевязывала раненых, работала хирургической сестрой, забросив на время балет. В 1946 г. основала балетную студию, которая быстро переросла в государственную балетную школу. Последний контракт длился с 1 марта 1946 г. до 1 декабря 1950 г. Поставила балет в четырех операх: “Женитьба Фигаро”, “Проданная невеста”, “Князь Игорь”, “Травиата”, и четыре коротких балета – “Сильфиды”, “Вторая рапсодия”, “Вальпургиева ночь”, “Болеро”. После окончания ангажемента поставила свой последний спектакль “Лебединое озеро”. В 1947 г. была одним из учредителей и основателей средней балетной школы в Белграде. Ее ученики Милорад Мишкович и Душанка Сифниос. Работала в театрах Сараева, Скопье, Риеки. По завершении балетной карьеры (1961) посвятила себя археологии. В 1964 г. завершила курс археологии на философском факультете Белградского университета. В 1969 г. стала магистром. Готовила докторскую, но не успела. 3 февраля 1989 г. умерла. Похоронена в Аллее великанов на Новом кладбище в Белграде [15. С. 117–136].

Русские не только учили, но и руководили на протяжении ряда лет белградским балетом. Работа хореографами нередко сочеталась с выступлениями на сцене. Благодаря русским хореографам уже только в 1920-е годы было поставлено около 40 спектаклей! При этом следует отметить, что некоторые хореографы стремились ввести в постановки элементы национального танца. Жуковский даже создал на их основе особый балетный стиль. Практически, труд и мастерство русских позволили белградскому балету не только обрести себя, но и

войти в русло европейского музыкально-сценического искусства. Даже по прошествии войны, в 1950–1960 гг. прослеживалось их влияние, позволявшее балету творчески расти и совершенствоваться [2. С. 306–310].

Имена русских балерин вошли в историю и словенского балета. Прежде всего это Елена Полякова, которая была принята в Словенский народный театр прима-балериной и хореографом За два сезона 1919/1920 г. и 1920/1921 г. поставила три балета: “Сильфиды”, “Шехерезаду” и словенский спектакль “Танцевальная легенда” Р. Савина, а также два балета в операх “Таис” и “Лакме”. Можно вспомнить и выступление в “новом стиле” люблянкой танцовщицы Висяковой, показавшей свое искусство и белградской публике. В феврале 1926 г. записной театрал К. Я. Шумлевич так писал о выступлении этой представительницы левого течения в хореографии: «Танцы ее можно назвать как угодно: футуристическими, кубическими, даже “квадратурукубическими”, только, конечно, не классическими и не характерными, т.е. не теми танцами, которые создали мировую славу русскому балету... Висякова не танцует, а на наш взгляд – кривляется. Это хореографическая Марина Цветаева. Танцует она босоножкой. Но то, что прощалось Айседоре Дункан, не прощается г-же Висяковой. Некоторые танцы (“Ветерок”) она танцует почти пие. Для этого рискованного шага требуется гармония линий, пластичность поз, богатство мимики – ничего этого у модернистской танцовщицы не наблюдалось... Лучше других танцев был исполнен “кэк-вок” Дебюсси, если смотреть на него с точки зрения пародии. Но беда именно в том, что танцевалась не пародия, а какой-то футуристический кэк-вок. Танцовщица двигалась на сцене, как картонный паяц на шарнирах и кончила тем, что уселась к публике... спиной, в чем, при желании, можно было усмотреть некоторую символичность». Ее партнером был пражский танцовщик Влчек [3. 21 II 1926]. Что ж, для тех лет были характерны революции во многих сферах искусства, в том числе и в балете.

Кардинальные изменения произошли и в хорватском театре, где с конца XIX в. на балетной сцене доминировали итальянки. Развитие этой сферы искусства в XX в. было связано с плеядой русских мастеров, связавших свою жизнь с балетом. Прежде всего назову имя Маргариты Фроман. Как и Нина Кирсанова она родилась осенью 1890 г. в Москве. Ее отец был шведом, часто путешествовал, зарабатывая на жизнь игрой на трубе. Во время гастролей в России женился на девушке из хорошей семьи, остался на ее родине. Известно, что он играл в одном из симфонических оркестров, преподавал в Московской консерватории. После блестящего окончания в 1909 г. Московского императорского театрального училища Маргарита была принята солисткой в балет Большой оперы в Москве, став партнершей своего учителя В.Д. Тихомирова. Одновременно готовила роли с талантливейшим Михаилом Михайловичем Мордкиным, но совместные выступления не состоялись, ввиду ее перехода в труппу С.П. Дягилева и гастрольями по Европе и Америке вместе с Анной Павловой, Екатериной Гельцер, Тамарой Карсавиной, Вацлавом Нижинским, с которым она в 1916 г. танцевала на сцене Метрополитен Опера. Вернулась на родину, когда там уже произошла революция. В первопрестольной она выступила в балете “Азиада” Гютеля (хореография Мордкина). Потом вместе с М.М. Мордкиным смогла выбраться из Москвы в Крым, где дала несколько блестящих представлений. Там вместе с братом Максимилианом она даже открыла свою балетную школу. Через Стамбул добралась в Королевство СХС и обосновалась в Загребе со своей небольшой труппой. Тогда в ее состав входили Максимилиан Фроман, Ольга

Орлова, Юлия Бекефи, Анна Редель, Наталья Миклашевская. Послевоенный город, точнее, балет, тогда нуждался в “свежей крови”, поэтому неудивительно, что именно блестящая представительница русской балетной школы стала балетмейстером в государственном Народном театре, руководительницей балетной школы и прима-балериной. Ее партнером стал Максимилиан Петрович Фроман, родной брат. Первый раз имя Маргариты Фроман появилось на плакатах, объявлявших о спектаклях загребского театра 16 января и 2, 6, 13, 15, 27 февраля 1921 г. Тогда, “к дням гастролей Московского Художественного театра в Загребе” Фроман поставила балет “Шехерезада” и “Половецкие пляски”, имевших большой успех. В балете “Петрушка”, который М. Фроман в числе 28 других балетов, поставила на сцене театра в Загребе, выступала вся семья Фроман: Балерина – Маргарита Фроман, Петрушка – Макс Фроман, Арап – Валентин Фроман. Художником-декоратором был Павел Фроман, а соло на рояле в оркестре исполняла талантливая пианистка Ольга Фроман (сестра прима-балерины). После, в Загребе, шутили, что у них в опере целая “династия” Фроманов. Загреб стал для М. Фроман родным городом: только в 1927–1930 гг. она жила вне его сцены, выступая в Белградском театре, куда была официально откомандирована. За это время она поставила десять балетов, в том числе “Петрушку” и “Жар-птицу”, три дивертисмента, балетные партии в нескольких операх, станцевала Одетту/Одиллию, Сванильду, Аврору, Раймонду, Царевну. Часто по приглашению выезжала в другие страны. Перестала танцевать на сцене в 1934 г., но продолжала заниматься постановками, хореографией. В “Ла Скала” поставила балет для спектакля “Джоконда” и балет “Щелкунчик”. Гастролировала в 1925 г. в труппе Анны Павловой во время турне по Европе. Ее искусство видели в Швейцарии, Польше, Голландии, Болгарии... Делала постановки балета в Париже, Вене и Лондоне, получила несколько призов за хореографию. В 1956 г. уехала в США, где до своего ухода из жизни продолжала заниматься педагогической деятельностью в своей студии и как профессор в консерватории в Хартфорде и в университете Сторс (Коннектикут). “Прима-балерина, хореограф, балетный педагог, шеф балета, оперный режиссер, и артистка, которая установила твердое основание для югославского балета, вдохновительница композиторов, впервые создавших национальные югославские балеты” – слова, которыми пестрят воспоминания о Маргарите Фроман. 24 марта 1970 г. на 74 году жизни она скончалась в Бостоне [16; 17. S. 142–158].

И немного о ее трех братьях. Валентин (1906, Москва – США), закончил балетную школу в первопрестольной. После революции вместе с семьей вначале переехал и обосновался в Болгарии. Потом был Белград. С 1922 г. по 1928 г. танцевал в Хорватском народном театре. Затем перебрался в Европу, жил в США, играл в Голливуде. Максимилиан (1889, Москва – 1981, США), как и брат закончил ту же балетную школу. С 1907 г. по 1917 г. солист Большого театра. С 1919 г. входил в труппу Дягилева. Обосновался в Загребе, где танцевал с 1921 г. по 1925 г. в балетной труппе Народного театра. Автор хореографии в таких спектаклях, как “Микадо”, “Прекрасная Елена”, “Баядера”, “Снегурочка”, “Евгений Онегин”. Потом танцевал в Братиславе, в Белграде (с 1927 по 1929 гг.), затем вернулся в Загреб. Некоторое время выступал на сцене Словенского народного театра в Любляне. После Второй мировой войны основал свою балетную студию в США. Как и сестра занимался преподавательской деятельностью. Павел (1894, Москва – 1940, Брестовац, вблизи Загреба), художник, сценограф. Учился живописи в родном городе. С 1921 г. обосновался в Ко-

ролевстве СХС. До 1939 г., за некоторым исключением, например, работы сценографом в Белградском народном театре в 1924–1927 гг., входил в труппу Загребского народного театра [8. С. 318; 17. S. 159].

Известны имена и других русских мастеров балета: ученица Маргариты Фроман Ольга Александровна Кононович (12. 04. 1908, Санкт-Петербург – 20. 06. 1998, Антиб, Франция), выступавшая за пределами Югославии под псевдонимом Ольги Старк. Танцевала в “Русской опере” Марии Кузнецовой, в Фоли Бержер, снималась в кино вместе с Сержем Лифарем, была в труппе Бориса Романова и в других театральных труппах знаменитых антрепренеров. На сцене загребского театра выступали Федор Васильев, Ольга Орлова, Анна Ройе [17. S. 161–162; 18. S. 169–171].

Благодаря исследованию хорватского ученого З. Подковаца, можно назвать еще имена Александровской Ирены (Строци), Бекефи Юлии, Браницкой Наталии, Брюховецкой Нины, Чагодаевой Неды, Чудиновой Кати, Касимовой Кати, Миклашевской (Узелац) Натальи, Маркович Зоры, Маркович Радмилы, Пастуховой (Веригиной) Ольги, Редл (Хрусталевой) Анны, Сидоровой (Мироновой) Татьяны, Захаревской Ольги, Касимова Алексея, Илинского Николая, Коровина Александра, Малосея Ивана, Скригина Л., Скригина Георгия [17. S. 158–159].

Несколько слов о некоторых из названных. Ирена Александровская (Строци) – ученица школы М. Фроман. Была солисткой в Народном театре в Загребе. Потом – Варшава, Париж, где она три года танцевала в Фоли Бержер. В 1933 г. вернулась на некоторое время в Загреб, чтобы потом вновь уехать в Париж, где она и умерла в середине 1980-х годов [17. S. 163].

Нина Брюховецкая (1907 – ?) танцевала в Загребском театре в 1922–1934 гг. После Второй мировой войны и смерти мужа покончила жизнь самоубийством [17. S. 163].

Наталья Миклашевская (Терехова) (25.08.1901, Москва – ?) прибыла в Загреб вместе с М. Фроман. Исполняла сольные партии, гастролировала иногда вместе с Фроманами. Мастер характерных ролей. Вышла замуж за художника М. Узелца. Потом был Париж, труппа Дягилева [17. S. 164].

Необычно судьба сложилась у Анны Аркадьевны Редель (01.10.1908, Москва – 13.05.2003, Москва). Московский репортер Евгений Эпштейн писал о ней: «... Начало карьеры Анна Аркадьевна Редель относит к трехлетнему возрасту, когда впервые выступила с импровизированным танцем на публике: это было в фойе кинотеатра перед сеансом – маленькая Нюра Редель к ужасу мамы танцевала под музыку оркестра. Однажды ее увидел известный артист балета Большого театра Л. Жуков, который сказал: “Эту девочку надо учить, у нее танцевальная душа”». Но учиться Анна Редель начала не в родной Москве, а в Ялте, куда они бежали с мамой, спасаясь от голода. В ту пору Ялта была средоточием знаменитостей, на набережной можно было запросто встретить Александра Вертинского, Ивана Мозжухина, Михаила Мордкина, за которыми толпами ходили влюбленные девочки. Партнерша Мордкина, Маргарита Фроман, открыла в Ялте балетную школу, и Нюра Редель стала одной из первых ее учениц – у нее был фантастический подъем, которому могла бы позавидовать сама Анна Павлова, и очень крепкие пальцы, позволявшие танцевать на них даже босиком. Со школой юная балерина отправилась в свое первое концертное турне.

«В Константинополе... нас ждал финансовый провал, хотя в газетных рецензиях хвалили наши выступления. Дело в том, что эмигрантская волна, хлынувшая из России, была еще впереди, а турки концертам классического балета предпочитали кафе-шантан. И если бы не опытный антрепренер Л. Леонидов, возивший группу артистов Художественного театра, где были Качалов, Книппер-Чехова и другие знаменитости, наша балетная школа прекратила бы свое существование – он взял нас под свое крыло и прокатил по Болгарии, Сербии, Чехии, где мы прошли с большим успехом. В Софии мы танцевали с моей подружкой Валей Гуревич танец “Кошечки” в присутствии болгарского царя. И вдруг в самый разгар танца наши кошачьи хвосты сцепились, и мы начали судорожно отрываться друг от друга. Валя чуть не рыдала, а я остервенело старалась отцепиться и вырвала хвост своей партнерши с корнем. Успех был ошеломляющим, а мы за кулисами размазывали слезы».

В 14 лет Нюра Редель стала ведущей солистской балета в Загребе – М. Фроман, знаяшая наизусть все постановки М. Фокина, поставила для нее “Тамару” на музыку Балакирева, “Шехерезаду” Римского-Корсакова, “Петрушку” Стравинского [19]. Потом было после “долгих скитаний и приключений” возвращение в Москву. В училище Большого театра, вспоминала она, ее сочли “переростком” (ей было 16 лет) и не приняли. Тогда она поступила в театральный техникум имени Луначарского на отделение классического танца. Затем начала выступать с громадным успехом на эстраде со своим будущим мужем М. Хрусталевым. В годы Великой Отечественной войны работала во фронтовых театральных бригадах. После войны гастролировали во многих странах, в том числе и в Австрии, где танцевала с мужем “Вальс” Штрауса, что было, казалось, равносильно поездке в Тулу со своим самоваром. Но они рискнули и венцы встретили их искусство восторженно [19]. Имя Анны Редель, нашей современницы, вошло в историю эстрады.

В 1920 г. на сцене Загребского народного театра публика видела Елизавету Андерон (правильно: Андерсон. – *В.К.*) и Александра Кочетовского, в 1930 г. – Никольскую Елизавету и Андрея Дроздова [17 S. 141].

Немного из их биографий.

Выпускница Московской балетной школы Е. Андерсон-Иванцова (1893–1973) танцевала на сцене Большого театра, исполняя заглавные партии в “Лебедином озере”, “Коньке-горбунке”, “Раймонде”, “Спящей красавице”, “Дон-Кихоте” и других спектаклях. Позже ставила балетные номера для “вещичек” Н. Балиева. С его театром “Летучая мышь” в 1923 г. приехала в США, где организовала свою балетную студию [11. С. 25].

Елизавета Николаевна Никольская (урожд. Булкина, по материнской линии – Олигер) (1904 – до 29 ноября 1955 г., Каракас, Венесуэла). Ее имя теснее всего связано с Прагой, где она была прима-балериной, балетмейстером столичного национального театра, директором организованной ею в 1922 г. балетной школы в Праге. В знаменитом мае 1945 г. покинула “новую” Чехословакию навсегда [9. 2004. Т. 5. С. 129].

Другая судьба, трагическая, ждала ее партнера, георгиевского кавалера, офицера-деникинца Андрея Федоровича Дроздова (1891, Одесса – 15 (16) августа 1935, Будаки, Бесарабия). Эмигрантские дороги приводили его в Азию, Европу, Америку. Был солистом национальной оперы в Праге. Гастролировал с Елизаветой Никольской по многим странам. В Румынии, куда он приехал по контракту, был забит до смерти румынскими солдатами в отместку за его слова

о том, что Бессарабия – “земля русская, а румыны – захватчики” [9. 1999. Т. 2. С. 427].

Навсегда связала свою жизнь с Хорватией Орлова-Наумова Ольга Дмитриевна (07.05.1903, Киев – 23.12.1993, Риека). Учила хореографию у жены Нижинского. Потом была Ялта, где она училась балету в школе Маргариты Фроман. В 1920 г. в составе ее труппы Ольга Орлова вместе с Анной Редель, Натальей Миклашевской, Беловой выступала в Болгарии, в Королевстве СХС. После концерта в Загребе дирекция театра подписала контракт со всей труппой. С 1921 г. выступала на сцене Загребского народного театра, в сезоне 1932/1933 г. – в составе труппы Осиекской оперы. В ее “послужном списке” выступления в составе “Русской оперы” в Париже, в труппе Анны Павловой и др. Она танцевала в “Жар-птице”, “Лебедином озере”, “Половецких плясках”, “Шехерезаде” и других спектаклях. После возвращения в Загреб вплоть до 1949 г. продолжала как и ранее исполнять сольные партии. Уже после войны, в 1949–1954 гг. работала шефом балета и хореографом в театре хорватской Риеки, куда была перемещена решением министерства. Этот перевод восприняла вначале как “отъезд в Сибирь”, но потом она уже не жалела о своем приезде в этот город. Последний раз танцевала в “Охридской легенде” в 1949 г. В 1956 г. вышла на пенсию [8. С. 287; 17. S. 159, 161].

И “на десерт” назову имя Ольги Михайловны Соловьевой (1900–1974), искусство танца которой было известно ценителям Терпсихоры в Азии, Европе и Америке. Она танцевала в русском балете у Михаила Фокина в Нью-Йорке и в Филадельфии, у Михаила Мордкина в Канаде, в других странах, континентах, в центрах цивилизации и ее глухих углах вроде Тринидада. После окончания своей карьеры, она время от времени выступала на сценах Королевства Югославии, где обосновалась до конца своих дней. В 1929 г. ее искусство можно было увидеть в Сараевском народном театре, в 1930 – в Нови-Саде, в 1931 г. в словенском Мариборе. Конечно, были выступления и в Белграде, где она в 1931–1933 гг. успела и успешно сняться в нескольких фильмах известного знатокам истории кино Александра Черепова. Ее дом, вблизи Дубровника, построенный ею на мысе Цавтата, посещали Святослав Рихтер, Мстислав Ростропович, Арам Хачатурян [20. S. 71–75].

Жизнь в искусстве русских балерин и танцовщиков ушла в прошлое, которое живет в книгах, воспоминаниях, в том, что называется памятью и не дает забывать жизнь...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. “Театрал”. Русское искусство в Королевстве С.Х.С. // Призыв. Белград. 1926. № 4. Июль.
2. Павлович М. Становление оперы и балета в белградском Народном театре и русские артисты // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996.
3. Новое время.
4. Россия и славянство. Париж. 1933. 1 VII. № 222.
5. Р. Русское искусство в Югославии // Часовой. Брюссель, 1939.
6. Шукулевић-Марковић К. Јелена Димитријевна Пољакова // Руси без Русије. Београд, 1994.
7. Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракитиными 1928–1938 // Мнемозина. Документы и факты из истории отечественного театра XX века. М., 2004. Вып. 3.
8. Арсенов А. Биографски именик руских емиграната. // Руска емиграција у српској култури XX века. Зборник радова. Београд, 1994.
9. Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997. М., 1999–2007. Т. 1–6.
10. Жуковский А.М. Мой жизненный путь // Архив автора.

11. *Александров Е.А.* Русские в Северной Америке. Биографический словарь. Хэмден; Сан-Франциско; Санкт-Петербург, 2005.
12. *Конради Д.* Русские эмигранты в музыкальной жизни Белграда // Новое русское слово. 1982. 22 IX.
13. *Жуковски А.* Моја исповест // Руси без Русије. Српски Руси. Београд, 1994.
14. *Шукуљевић-Марковић К.* Балетско стваралаштво Анатолија Жуковског // Руси без Русије. Српски Руси. Београд, 1994.
15. *Шукуљевић-Марковић К.* Балетско стваралаштво Нине Кирсанове, примабалерине, кореографа и педагога // Руси без Русије. Српски Руси. Београд, 1994.
16. *Солодовников А.* Прима-балерина Маргарита Фроман // Библиотека-фонд Русское Зарубежье. Научный архив. Альбом № 1. "Некрополь" А. Калугина.
17. *Podkovac Z.* Iz povijesti zagrebačkog baleta // Ruski emigranti u Hrvatskoj između dva rata Rubovi, memorija. Zagreb, 2006.
18. *Kononović O.* Uspomene o baletu Zagrebačkog kazališta // Ruski emigranti u Hrvatskoj između dva rata Rubovi, memorija. Zagreb, 2006.
19. http://www.kultura-portal.ru/tree_new/culpaper/article.jsp?number = 60&rubric_id = 210
20. *Arsenjev A.* Ruska emigracija u Dubrovniku // Ruski emigranti u Hrvatskoj između dva rata Rubovi, memorija. Zagreb, 2006.

© 2007 г. *Е. Л. ВАЛЕВА*

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В БОЛГАРИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Уточним с самого начала: в данном обзоре речь пойдет об основных тенденциях развития болгарской историографии в постсоциалистический период, то есть после 1989 г. Они являются следствием и в то же время отражением перемен, которые наступили в государстве и обществе в процессе экономической и политической трансформации. Перемены не могли не затронуть средств массовой информации, систему образования, учреждения науки и культуры. На протяжении переходного периода¹ академические и вузовские центры по изучению истории, каждый историк в отдельности вынуждены были адаптироваться к новым условиям. Это означало не только организационную перестройку, реформирование уже существовавших и создание новых, как правило, частных институтов и центров, не только “борьбу за выживание” после резкого уменьшения государственных субсидий, выделяемых на науку. Сами болгарские историки констатируют смену исследовательской парадигмы в результате отрицания марксизма как единственной истинной философии и методологии, приближение истории к социальной проблематике и интердисциплинарной методике исследований, включение в мировой историографический дискурс, формирование и утверждение новых профессиональных установок или идентичности [2. С. 8].

Цель данной обзорной статьи состоит в том, чтобы познакомить более широкие круги российских славистов с современным состоянием болгарской исторической науки, имеющим, несомненно, много общего с сегодняшней историо-

Валева Елена Любомировна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ По вопросу об окончании переходного периода среди болгарских ученых и политиков до сих пор ведется острая дискуссия. Некоторые полагают, что в сегодняшней геополитической реальности критерием (с моей точки зрения, чисто формальным) окончания переходного периода в восточноевропейских странах следует считать принятие постсоциалистических государств в Европейский Союз – ведь это должно означать, что в данной стране существует стабильная система политического плюрализма и конкурентоспособная рыночная экономика. В таком случае, при всей условности этого критерия и неоднозначной оценке итогов экономической и политической трансформации в Болгарии, годом окончания переходного периода в этой стране должен считаться 2006 г. – с 1 января 2007 г. Болгария стала полноправным членом ЕС. Однако существует мнение, главным образом среди социологов, что большинство экономических, социальных и политических параметров болгарского общества приводят к выводу об окончании переходного периода в 2004 г. (см., напр., [1. С. 111–117]).

графией всех постсоциалистических стран. Переход к политическому плюрализму, рыночной экономике и правовому государству создали условия для перехода исторической науки в этих странах к автономности, методологическому разнообразию, расширению тематики и информационному обновлению. Вхождение этих государств в ЕС ставит новые вызовы перед исследованиями прошлого, а также перед распространением научных исторических знаний.

Стимулом для написания данного обзора послужила публикация обстоятельного исследования А. Запряновой, Бл. Нягулова и Ил. Марчевой “Историография между преемственностью и переменами” [3]. В основу статьи легли результаты проведенного ими глубокого анализа, а также материалы “круглого стола” на тему “Историческая наука в Болгарии – состояние и перспективы”, состоявшегося в Институте истории Болгарской академии наук 23–24 ноября 2005 г. Задачей этого научного форума было “обсуждение проблем производства и распространения исторических знаний в условиях постмодернизма, глобализации и предстоящего полноправного членства Болгарии в Европейском Союзе” [2. С. 21]. “Круглый стол” был проведен по результатам анонимного анкетирования “Историки об истории”, которое преследовало цель выяснить отношение широкого круга историков в Болгарии и других странах к истории как профессии, науке и социальной практике, а также к современной проблематике болгарской исторической науки². Коллектив сотрудников Института истории БАН в составе А. Запряновой, Бл. Нягулова и Ил. Марчевой провел огромную работу по обработке и обстоятельному анализу собранных анкет, а также представил на страницах журнала “Исторически преглед” широкую картину условий развития, новых подходов и состояния исторической науки в Болгарии за 15 лет [3]. Этот же коллектив явился составителем и автором обширной вступительной статьи в вышедшем год спустя сборнике материалов “круглого стола” “Историческая наука в Болгарии – состояние и перспективы” [2].

В начале своего исследования болгарские авторы останавливаются на некоторых особенностях развития исторической науки на современном этапе. До Второй мировой войны в мировой историографии господствовали национализм и позитивизм. Затем политическая история теряет свой приоритет, происходит значительное расширение тематики исследований, интегрирование с другими науками, появляется постмодернистский деконструктивизм. В конце XX в. заговорили о кризисе истории как научной дисциплины. Основываясь преимущественно на западной литературе, болгарские историки заключают, что кризис традиционной исторической науки выражается в распространении так называемой “новой” истории, корни которой лежат во французской школе “Анналов”, в постмодернистской критике исторического познания. В отличие от описательно-событийной и объясняющей истории, характерной для позитивизма, проблемная история, вышедшая из школы “Анналов”, требует “активного вмешательства историка в сам ход процесса исследования”. Традиционной политической истории противопоставляются новые направления: интердисциплинарность, использование количественных методов исследования, интерес к так называемому долгосрочному периоду. Для “новой”, альтернативной истории характерны обособление новых направлений в историографии, таких, как исто-

² Всего было распространено 500 анкет, получено заполненными 331, из них 315 – от болгарских историков. Таким образом, можно считать, что результаты анкетирования отражают тенденции в развитии именно болгарской исторической науки.

рия социальной психологии, гендерные исследования, история рас, этносов и нацменьшинств, историческая социология и др. Понятно, что новые темы требуют новых методов и интердисциплинарных подходов в исторических исследованиях и в преподавании истории.

До середины 40-х годов прошлого века болгарская историография следовала модели западной науки и пыталась применить ее на “болгарской почве”. Определяющими в работе болгарских историков были позитивизм в качестве методологии и национально ориентированный взгляд на прошлое. После 1944 г. в стране ускоренными темпами происходила модернизация исторической науки, что выражалось в институциональном и кадровом развитии, расширении источниковой базы и тематики исследований. Однако одновременно историческая наука в Болгарии, как и в других социалистических странах, попала под жесткий партийно-государственный контроль, вынуждена была принять принцип исторического материализма в качестве единственно правильного подхода и отказаться от преемственности в науке. С 1960-х годов партийный идеологический диктат несколько ослабевает, марксистский анализ становится все в большей степени проформой. В эпоху Т. Живкова исторические исследования всячески стимулировались, а болгарская история героизировалась. Историография оставалась национально ориентированной (при этом национализм поддерживался политической элитой страны), в ней преобладали позитивизм, описательность, предпочтение политической истории, отсутствовало методологическое и теоретическое обновление.

После 1989 г. болгарская историография оказалась в положении “догоняющей” западные школы и тенденции в гуманитарных науках. Однако в преобладающей своей части она так и не смогла добиться заметного перелома [2. С. 79]. Более того, если в 70–80-е годы XX в. среди отдельных видных болгарских историков встречались сторонники нетрадиционных подходов и интердисциплинарности, то сегодня, как отмечает западногерманский болгарист В. Хепкен, положение изменилось даже в худшую сторону, поскольку у “новаторов” находятся преемники лишь среди культурологов, но не историков [2. С. 15, 30].

Несмотря на то, что включению болгарской историографии в более широкий региональный и общемировой контекст способствовала посредническая и поощрительная деятельность западноевропейских и американских фондов и научных или культурных центров [3. С. 12], болгарские авторы делают важный вывод о доминировании традиции над обновлением в болгарской историографии. Они объясняют это сохранением уже существовавших академических и университетских центров и работающих там ученых, а также уже сформировавшейся ориентацией исторических исследований в стране [3. С. 92]. При этом уточняется, что если традиция и преемственность в большей степени присущи “старым” научным центрам, то альтернативные идеи в болгарской историографии чаще всего воспринимаются в новых или периферийных по отношению к традиционной науке центрах и профессиональных кругах.

В конце 80 – начале 90-х годов XX в. в Болгарии, как и во всех постсоциалистических странах, развернулась масштабная критика марксистской историографии, марксистско-ленинской методологии с ее принципами партийности и классового подхода ко всем явлениям жизни. Радикальный пересмотр господствовавших на протяжении десятилетий теоретических основ исторических исследований можно без преувеличения назвать методологическим переворотом. Однако сменой методологических основ “перестройка” в исторической науке не

ограничивалась. Как отмечал В.К. Волков, больше всего в глаза бросалось изменение исследовательских приоритетов и характера освещения поднимаемых проблем [4].

В первые годы после 10 ноября 1989 г.³ внимание общества было сконцентрировано на недавнем прошлом – 45-летнем периоде социализма и на “белых пятнах” в освещении этого отрезка истории. Как и в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы, переживших “бархатные” революции 1989 г., на передний план вышли вопросы, связанные с приходом коммунистов к власти, становлением и развитием коммунистического режима, его репрессивной политикой. При этом характерным было негативное отношение большинства граждан к исторической науке, которая воспринималась как элемент идеологической обработки населения.

В начале переходного периода интерес к прошлому подчинялся текущей политике. Он проявлялся по-разному в зависимости от принадлежности к различным политическим группам (члены БКП или антикоммунистическая оппозиция)⁴, а также в зависимости от возраста. Полностью оправдался тезис о социальной функции истории, в которой каждое поколение ищет интерпретацию и мотивацию для решения проблем своего времени. Поэтому вполне объяснимо, что возникла необходимость в “переписывании” истории, причем на всех уровнях – от исторических исследований, обобщающих трудов, учебников для школ и вузов до популярной литературы. Однако, как справедливо полагают болгарские исследователи И. Баева и Е. Калинова, в революционные годы переходного периода перемены происходят с такой быстротой, что никто не хочет ждать, пока профессиональные историки освоят новые документальные материалы и создадут серьезные исследования. Поэтому задачу дать новую интерпретацию социалистического прошлого взяли на себя главным образом публицисты, мемуаристы, журналисты и популяризаторы истории [2. С. 268]. Их работы отличались, как правило, низким научным уровнем, но зато отражали перемены в общественно-политических настроениях.

Надо отдать должное тем болгарским историкам, которые в годы трансформации занялись переоценкой или демифологизацией отдельных исторических процессов, событий или спорных фигур в болгарской истории с учетом новых тенденций в мировой историографии [5]. В качестве конкретного примера постепенного отхода от стереотипов можно привести переоценку понятия “болгарский фашизм”, вокруг которого в свое время было сломано немало копий. До 1989 г. в Болгарии состоялось несколько научных дискуссий, однако движение идей фактически проходило в рамках превращенных в догму установок VII конгресса Коминтерна (1935 г.) о фашизме и об их полной применимости к Болгарии. Такая постановка вопроса позволяла вместить в понятие “фашизм”

³ В этот день пленум ЦК БКП отстранил от власти Т. Живкова, что послужило началом трансформационных процессов в болгарском обществе и государстве, которые привели к смене общественного строя.

⁴ Впрочем, немалая часть бывших идеологических кадров БКП очень быстро переориентировалась в новой обстановке и при финансовой поддержке различных международных организаций приняла участие в создании новых политологических и аналитических институтов и центров. Другая часть стала выступать с позиций новоиспеченных правых политических формаций, включившись в кампанию по разоблачению политических репрессий в период социализма [2. С. 271].

почти все, связанное с развитием страны в 1918–1944 гг., хотя к концу 1980-х годов уже большинство марксистских формулировок, связанных с темой “фашизм”, ставилось под сомнение.

В ходе разгоревшейся в 90-е годы XX в. в Болгарии дискуссии большинством авторитетных историков было высказано мнение, что в межвоенный период и в годы Второй мировой войны правящие режимы были скорее авторитарными, но не фашистскими. Перевороты 9 июня 1923 г. и 19 мая 1934 г. характеризуются сегодня как военные, а не как военно-фашистские. В 1935–1943 гг. существовал личный (авторитарный) царский режим с ограничением некоторых гражданских прав и свобод. Известное усиление авторитаризма и профашистских тенденций наблюдалось после вступления Болгарии в Тройственный пакт 1 марта 1941 г., но и тогда режим не принял тоталитарного характера [6]. В пользу этого говорят отсутствие массовой фашистской партии и ее социальной опоры, монолитного парламентского большинства, легальное проявление оппозиции. Нелишне отметить, что в российской историографии сегодня также преобладает аналогичная точка зрения [7].

Что же касается изучения самого переходного периода после 1989 г., то наиболее полное его освещение и анализ с позиций исторической науки даны в монографии преподавателей Софийского университета Е. Калиновой и И. Баевой “Болгарские переходы”, выдержавшей уже три издания, причем каждое последующее значительно дополняет и расширяет предыдущее [8]. Под переходными периодами авторы подразумевают переход Болгарии к социализму советского образца, начавшийся в сентябре 1944 г., и возвращение к европейской модели развития – переход к парламентской демократии и рыночной экономике, начало которому положила смена власти 9 ноября 1989 г. Богатейшая источниковая база, критическое использование практически всей болгарской и зарубежной литературы по исследуемому периоду, глубокий, непредвзятый и взвешенный анализ как давно минувших событий, так и современности, исчерпывающая библиография, приложения, включающие краткие биографические сведения о политических деятелях рассматриваемого периода, статистику и хронику важнейших событий, – все это сделало книгу практически “настольной” не только для болгарских и зарубежных специалистов, изучающих новейшую историю Болгарии, но и для тех, кто ищет объяснения постсоциалистическим реалиям в стране. Фактически монография Калиновой и Баевой по сей день остается единственным историческим исследованием, в котором предпринята весьма успешная, на мой взгляд, попытка представить современную историю Болгарии “по горячим следам событий”, сквозь призму глубоких политических, социально-экономических и культурных трансформаций, начавшихся после 1989 г.

Остальные авторы, внимание которых обращено на текущий период истории Болгарии, являются главным образом политологами, социологами или публицистами. Хотя сегодня насчитывается, пожалуй, не один десяток книг, посвященных переходному периоду, почти все они отражают личное впечатление автора, чаще всего, одностороннее и предвзятое, о пережитых годах, не содержат серьезного анализа, нередко вообще представляют собой собранные в одной книге статьи того или иного журналиста, опубликованные в прессе 1990-х годов [1; 9]. Отдельного внимания заслуживают мемуары участников минувших событий и сегодняшних политических деятелей [10].

Для тех, кто не имел о социализме собственных впечатлений, главным средством формирования исторического сознания стала система школьного и выс-

шего образования. Однако и она в годы трансформации оказалась в кризисной ситуации. Необходимо было известное время, чтобы заменить старые школьные учебники истории на новые. Весной 1992 г. по приказу министра образования из употребления были изъяты все учебники по истории. Новые учебные программы и учебники были подготовлены лишь в 1995 г. на конкурсной основе. Следуя принципу плюрализма, утверждавшемуся в болгарском обществе, министерство образования допустило для преподавания в школах все одобренные учебники, предоставив право выбора учителям. В дальнейшем разработка новых учебников для различных ступеней образования превратилась в постоянный процесс. Их авторами стали главным образом университетские преподаватели или сотрудники научных институтов [2. С. 270–271]. Кризис в системе образования и происходившая смена парадигмы в учебных программах временно понизили роль школы в переоценке и критическом восприятии социалистического прошлого. В то же время значительно возросла роль средств массовой информации, сначала печатных, а затем все в большей степени электронных.

В середине 1990-х годов усугубляющиеся социальные и экономические проблемы переходного периода привели к уменьшению общественного интереса к истории в целом и к переосмыслению социалистического прошлого. В целом же очередные попытки дать новую оценку предшествовавшей эпохе следовали за политическими переменами и находились в прямой зависимости от результатов выборов. А их в Болгарии в переходный период было немало! За 16 лет в стране сменилось 11 правительств, у власти находились различные политические силы и их комбинации. Две основные противоборствующие политические силы, Болгарская социалистическая партия (БСП – наследница БКП) и Союз демократических сил (СДС), неоднократно сменялись у государственного руля, но каждый раз народ испытывал разочарование от результатов их управления. Очередная иллюзия была изжита после того, как власть оказалась в руках бывшего монарха Симеона Саксен-Кобург-Готского, с триумфом вернувшегося в страну в 2001 г.

Переоценка прошлого шла также волнообразно. В 1989–1991 гг., когда у власти находилась БКП/БСП, ею занимались в основном средства массовой информации и журналисты. Сами же члены компартии стремились в своих мемуарах переосмыслить минувшие события, пытаясь свалить вину за те или иные просчеты БКП на лиц, ее возглавлявших, прежде всего, на многолетнего лидера партии и государства Т. Живкова [11]. После прихода к власти в 1992 г. оппозиционной коалиции СДС начался планомерный пересмотр социалистического периода под углом зрения его полного отрицания, в связи с чем подчеркивались самые неприглядные его стороны, в первую очередь, политические репрессии [12]. Сгущение черных красок вокруг недавнего прошлого имело вполне очевидные прагматические цели – найти позитив в дне сегодняшнем и подчеркнуть заслуги новой политической элиты. В этот пересмотр активно включились со своими мемуарами и уцелевшие жертвы тоталитаризма. Когда же у государственного руля снова оказались социалисты (1995–1996 гг.), в коммунистическом прошлом стали отыскивать позитивные моменты, тогда как с возвращением к власти СДС вновь начал преобладать сугубо негативный взгляд на 45 лет социализма. Новый поворот в оценках произошел после победы на выборах бывшего царя Симеона, вернувшегося в Болгарию с призывом к примирению противоборствующих политических сил. Согласно новой парадигме, в социалистический

период в Болгарии имело место насилие, но в то же время была осуществлена модернизация [2. С. 273].

Интерес представляет не только официальная политическая интерпретация предшествовавшего периода, но и оценка его разными общественными группами. Как пишут И. Баева и Е. Калинова в статье “Исторические рефлексии болгарского переходного периода”, политическое противостояние, разделившее болгарское общество в самом начале переходного периода, отразилось и на отношении к прошлому. Прежде всего, существуют две четко очерченные группы: по своему видению социализма они как будто бы жили в разной исторической реальности. Эти две крайние группы, имеющие непоколебимые убеждения и веру, на которые исторические факты не оказывают никакого влияния, составляют одну пятую часть болгарского общества. Большинство же болгар – четыре пятых – это люди, готовые осмысливать меняющиеся интерпретации социализма, склонные видеть в нем реально существовавший период с различными этапами, с плюсами и минусами развития. Анализируя данные социологических опросов, Баева и Калинова приходят к заключению о наличии “тенденции к примирению с прошлым, которую не следует истолковывать как ностальгию по социализму, а скорее как сравнение обеспеченного, хотя и скромного существования до 1989 г. с трудностями переходного периода” [2. С. 275]. В начале XXI в. болгары воспринимают социализм уже как безвозвратно ушедшую эпоху, поэтому отношение к нему перестало быть элементом политической борьбы. Для болгарской исторической науки это означает, что она может почувствовать себя освободившейся от внешнего воздействия и давления как со стороны правящих кругов, так и со стороны общества. Впрочем, уменьшение общественного нажима на историков объясняется, к сожалению, уменьшением интереса к истории, особенно к современной (поскольку древность вызывает даже “повышенный националистический интерес”). В заключение авторы делают следующий неутешительный вывод: сегодня историки могут работать свободно и независимо, но лишь благодаря тому, что общество все меньше интересуется их продукцией, что, однако, не снимает с ученых их профессиональной ответственности [2. С. 276].

В исследовании А. Запряновой, Бл. Нягулова и Ил. Марчевой большое внимание уделяется институциональной перестройке болгарской исторической науки. До конца 1990 г. историков волновали в первую очередь институциональные перемены, от которых непосредственно зависела их возможность работать по избранной специальности. Как и во многих других постсоциалистических странах, в Болгарии адаптация науки к условиям плюралистического общества, свободного рынка и недофинансирования свелась главным образом к реорганизации уже существовавших институтов и учебных центров. Полная ликвидация коснулась лишь идеологических кафедр по истории БКП, научному коммунизму и политэкономии во всех вузах, а также Академии по общественным наукам и социальному управлению при ЦК БКП. Их закрытие в разгар учебного 1990/1991 года символизировало конец монополии марксистской философии и методологии истории. Значительной трансформации подверглись две прежде весьма авторитетные ведомственные структуры: Институт истории БКП при ЦК БКП (сегодня он существует как малочисленный Центр исторических и политологических исследований при Высшем совете Болгарской социалистической партии) и Институт военной истории при Генштабе армии (ныне – также малочисленный Центр по военной истории при Военной академии). В осталь-

ных учреждениях изменения шли в направлении демократизации управления, получения автономии, внутренней реорганизации и сокращения численного состава [3 С. 17–18].

Проходившая с 1992 по 1996 г. реформа Болгарской академии наук (БАН), имевшая целью ее превращение в демократическое, автономное научное учреждение, привела к уменьшению числа научных звеньев на одну треть, а численности ее персонала – на 40%. По финансовым и иным причинам прекратили свою деятельность единые центры науки и подготовки кадров, в том числе Единый центр по истории (являвшийся связующим звеном между академической и университетской наукой), а также Центр по болгаристике, координировавший исследования по болгарской и балканской проблематике в национальном и международном масштабе. В БАН вводилась система внутренних конкурсов и проектного планирования научной работы. Надо заметить, что перестройка в БАН проходила в условиях действовавшего в 1992–1995 гг. так называемого закона Панева о декоммунизации и люстрации в науке, согласно которому к руководящим должностям в науке не допускались ученые, занимавшие соответствующие позиции в политструктурах компартии по месту работы. Что касается институтов в рамках БАН, непосредственно занимавшихся историческими исследованиями (Институт истории, Институт балканистики, Этнографический институт с музеем, Археологический институт с музеем, Институт фრაкологии), то реформа в них ограничилась незначительным кадровым сокращением и минимальным изменением структур. Считается, что причиной сравнительно бережного отношения к историческим институтам является традиционный приоритет исторических исследований в БАН и их низкая финансовая себестоимость. Финансирование в этих институтах свелось главным образом к выплате невысоких зарплат, то есть к обеспечению жизненного минимума при резком сокращении возможностей для получения информации и публикаций работ. Это стало причиной уменьшения притока в академические институты молодых специалистов [3. С. 18–20].

Основным научным центром, занимающимся фундаментальными и специализированными исследованиями проблем болгарской, а также всеобщей истории, и сегодня остается Институт истории, отмечающий в 2007 году свой 60-летний юбилей. Его сотрудники (по данным на 2004 г. – 84 человека) работают в области комплексной истории болгарской нации, изучают роль и значение Болгарии в мировом историческом процессе, место болгарского государства в двусторонних, региональных и международных отношениях, судьбу болгар за пределами болгарского государства, проблемы болгарской идентичности. Основной тенденцией в научной работе Института является подготовка обобщающих трудов, в которых учитываются новейшие достижения исторической науки в данной области и делается акцент на дискуссионных или малоисследованных проблемах. В настоящее время в Институте разрабатывается свыше 40 научно-исследовательских проектов, среди которых девятый том фундаментального издания “История Болгарии” охватывающий период с 1918 по 1944 год [13].

В сфере высшего образования наряду с государственными университетами исторические дисциплины начали преподавать в недавно созданных частных вузах, таких как Новый болгарский университет в Софии, Американский университет в Благоевграде, Варненский свободный университет им. Черноризца Храброго. Учебные программы и организация учебного процесса в новых вузах строятся по западноевропейскому или американскому образцам, предпочтение

при этом отдается интердисциплинарному и альтернативному подходам в изучении истории. Преподавательский состав новых университетов пополнялся как за счет сотрудников академических и государственных вузов, так и преподавателей ликвидированных идеологических специальностей, что свидетельствует о значительных возможностях историков к адаптации [3. С. 21].

Важную роль в развитии исторической науки всегда играла периодика. Несмотря на серьезные финансовые проблемы в первой половине 1990-х годов, сохранились не только ведущие болгарские исторические издания, но и появились новые, целиком или частично связанные с исторической проблематикой. Прекратили свое существование лишь “Известия на Българското историческо дружество” и журнал “Векове” в связи с закрытием самого Болгарского исторического общества (которое, впрочем, будет восстановлено в соответствии с решениями национальной конференции историков в 2004 г.), а также “Известия на Института по история на БКП” и “Известия на Института по история”. Новые периодические издания, такие как “Эпохи”, “Минало”, “Македонски преглед”, “Историческо бъдеще”, издаются как университетами, так и неправительственными центрами. Болгарские исследователи отмечают, что если для старых изданий в большей степени характерны традиция и преемственность, то для новых или интердисциплинарных журналов (например, “Демократически преглед”) – новаторство [3. С. 23].

Согласно данным опроса “Историки об истории”, из предложенных для определения степени востребованности периодических изданий (“Исторически преглед”, “Минало”, “Векове”, “История”, “Известия на държавните архиви”, “Bulgarian Historical Review” и др.) предпочтение было отдано органу Института истории “Исторически преглед”, который в 2005 г. отметил свой 60-летний юбилей [14]. Традиционно ведущее место этого журнала среди болгарской исторической периодики объясняется не в последнюю очередь демократизмом его редколлегии, для которой единственным критерием всегда был не научный ранг авторов, а их профессиональный уровень.

Надо сказать, что в период 1945–1948 гг., когда компартия устанавливала свою монополию на власть, была поставлена цель перестройки исторической науки на основах марксистской методологии и превращения ее в составную часть коммунистической идеологии. Журнал “Исторически преглед” стал в определенной степени средством новой власти для утверждения ее политики и фактором перестройки болгарской исторической науки. Журнал активно содействовал утверждению марксистской методологии, включению в число научных исследований новых тем, формированию нового типа кадров [15]. После ноября 1989 г., когда ветер перемен вызвал поворот в ценностном научном восприятии прошлого, “Исторический преглед” не мог не откликнуться на необходимость постановки новых или переосмысления уже изученных аспектов болгарской истории. Инновации затронули прежде всего структуру издания. Наряду с традиционными рубриками (“Статьи”, “Сообщения”, “Критика и рецензии”, “Дискуссии” и т.д.) появились новые: “Исторический синтез”, “Болгаристика и болгаристы за рубежом”, “Болгарская историческая наука. Воспоминания и размышления”, “Право на ответ” и др. Стали выходить тематические номера. Так, номер 1–2 за 2002 г. был посвящен различным аспектам такой большой и важной темы, как “Монархия и республика в истории”.

Что касается тематики статей и сообщений, то в них, как и в предшествовавший период, ведущее место занимает история Болгарии при капитализме

(21.7%), за ней следует период османского владычества и возрождения (12.3%). В качестве нового момента можно отметить третье и пятое места, которые заняли проблемы взаимоотношений Болгарии с другими странами (11.5%) и история других государств (9.2%). Увеличивается число публикаций по новейшей истории Болгарии и современному периоду развития страны (10.5%). Выросло число статей в области источников и источниковедения (7.8%) [14. С. 9–10], что отражает положительные изменения в режиме хранения архивных материалов. Следует заметить, что в Болгарии, как и во всех постсоциалистических странах, изменения в сфере пользования архивными документами, активное формирование современной источниковой базы способствовали выработке исследователями новых подходов, выходящих за рамки марксистской парадигмы, отказу от устоявшихся стереотипов.

Отдавая журналу “Исторически преглед” приоритет по сравнению с другими изданиями, респонденты анкеты “Историки об истории” назвали и наиболее слабо изученные и нуждающиеся в новой научной интерпретации аспекты болгарской истории, определив таким образом задачи на перспективу. Таковыми оказались прежде всего новая история Болгарии с акцентом на период управления Стефана Стамболова, болгаро-российские отношения конца XIX – начала XX в., перевороты 9 июня 1923 г., 19 мая 1934 г. и 9 сентября 1944 г., македонский вопрос и др. (29.9%); в современной истории – период социализма, особенно политическая история после 1989 г. (26.2%) [14. С. 11].

Таким образом, в рассматриваемый период основной научный потенциал в области истории в виде академических и университетских центров, а также периодических изданий был сохранен. Продолжали функционировать научные и специализированные научные советы, как и Высшая аттестационная комиссия. Сохранились научные степени и звания, правда, в 1999 г. звание “кандидат исторических наук” было заменено на “доктор по истории”, а “аспирант” – на “докторант”, высшая же ученая степень так и осталась – “доктор исторических наук”. Исторические центры стали автономными по отношению к своим научным задачам, исчезли так называемые социальные заказы, но прекратилось и финансирование в необходимом объеме. В университетской науке положение в начале переходного периода было несколько лучше, чем в академической, поскольку имелись попытки по западному образцу сделать университеты основными звеньями производства научных знаний. Однако унаследованное от социализма главное учреждение фундаментальной науки – БАН – устояло, ее институты продолжают успешно функционировать.

В целом сохранились и кадры болгарских историков. Перемены свелись к обновлению научных центров, пусть небольшим количеством молодых исследователей, более открытыми по отношению к новым идеям и подходам западных школ, а также к формированию новых профессиональных установок у части предыдущих поколений историков. Наличие новых неправительственных исторических центров и появление частных периодических изданий, наряду с сохранением старых, дало А. Запряновой, Бл. Нягулову и Ил. Марчевой основание утверждать, что в Болгарии в переходный период увеличилась институциональная сеть исторической науки, позволяя историкам расширить спектр своих научных интересов, методик и методологий. Оформились две группы исследователей истории – “традиционалисты” и “инноваторы” [3. С. 25]. Если “традиционалисты” выступают за преемственность историографии в ее тематических и институциональных парадигмах, то “инноваторы” критикуют преемственность

прежде всего из-за национальной ориентации и следованию позитивистскому подходу в исторических исследованиях после 1989 г. Западные историки констатируют, что инновации и постмодерные направления в болгарской историографии более свойственны географической и институциональной “периферии” исторической науки, поскольку ученые в старых университетах и академических институтах более подвластны уже установившимся традициям и в меньшей степени стремятся к экспериментированию. Разумеется, деление на две указанные группы в высшей мере условно – ведь на традиционную историографию неизбежно влияют новые тенденции, и она воспринимает некоторые новые подходы и оценки прошлого. В свою очередь, альтернативная история не исключает некоторые методологические подходы, на которых основана традиционная история. К тому же, оба типа ученых получили схожую профессиональную подготовку.

Тем не менее, отсутствие регулярных контактов между двумя типами учреждений и даже в определенной мере оппозиция ведет к капсулированию двух групп ученых, что имеет своим результатом различную оценку ими состояния болгарской исторической науки [3. С. 27].

Большая часть историографических обзоров в рассматриваемый период вышла из-под пера сторонников “новой” или альтернативной истории (как западных, так и болгарских). Критические акценты в этих работах значительно более выражены, чем у “традиционалистов”. Пожалуй, общим для них является вывод о том, что в посткоммунистический период в Болгарии появилось много исследований по запрещенной ранее тематике или корректирующих искажения истории в предшествующий период. Одновременно, однако, появились дилетантские работы часто с откровенно националистическими тенденциями. В частности, это относится к некоторым историкам, занимавшимся македонским вопросом и так называемой турецкой угрозой [3. С. 28].

Для известного германского слависта В. Хепкена болгарская историография после 1989 г. являет собой характерный пример “преемственности в переменах” (*Kontinuitat im Wandel*) [16]. Он усматривает ее в том, что основным объектом исследований по-прежнему остается нация, а основной интерпретационной парадигмой – национализм. Это утверждение вызвало отрицательную реакцию со стороны болгарских историков, по мнению которых по сравнению с историографией других балканских стран национализм в болгарской историографии в годы трансформации является “более чем умеренным” [3. С. 34].

Как и ряд других авторов, германский историк подвергает критике методологическую преемственность, выражающуюся в продолжении описательной традиции позитивизма, в доминировании политической истории и в пренебрежении историей социальной. Общеизвестной слабостью болгарской историографии, по мнению В. Хепкена, является отсутствие теоретического осмысления исторических процессов.

Все исследователи из группы “новаторов” единодушны в том, что преемственность сохраняется и в выполнении исторической наукой социальных функций, в использовании ее потенциала для создания новой идентичности, для легитимации нового политического порядка [3. С. 32].

Надо отметить, что большинство выводов западных авторов развивают констатации, сделанные еще в начале переходного периода болгарской исследовательницей М. Тодоровой, ныне преподающей в университетах США [17]. Делая пессимистический прогноз относительно “революционных перемен” в болгар-

ской историографии в скором времени, она основывалась на генезисе и прошлом этой науки, еще со времен болгарского возрождения обслуживавшей идею нации и национального государства, на состоянии научного потенциала, на направлениях, очерченных руководящими факторами в науке, на отсутствии теоретического и методологического обогащения болгарской истории, которое нельзя сводить только к отрицанию марксизма. Тематическую и методологическую преэминентность Тодорова объясняла как сохранившейся институциональной структурой в основных кузницах историков – институтах БАН и Софийском университете, так и “характерным для болгарской исторической гильдии инстинктом самосохранения и приспособления к политической конъюнктуре, что предполагает лишь поверхностные изменения” [3. С. 15].

При том, что некоторые констатации М. Тодоровой можно признать справедливыми, не следует забывать, что ее критические оценки и прогнозы были сделаны в самом начале трансформации в Болгарии, когда болгарские историки были заняты в первую очередь вопросами своей институциональной и профессиональной сохранности.

Гильдия историков-“традиционалистов” не осталась в стороне от вопросов, стоявших в центре внимания “новаторов”.

10 ноября 2004 г., спустя ровно 15 лет после начала политических перемен в Болгарии, болгарские историки собрались на национальную научную конференцию “Историческая наука перед вызовами перемен”, чтобы впервые дать более целостную самооценку достижений и проблем историографии в минувший период. Она была организована Историческим факультетом Софийского университета.

Пленарные доклады и большинство выступлений на конференции отражали взгляды ведущих болгарских историков на перемены в исторической науке преимущественно с позиций “традиционалистов”. Констатировались “окончательное освобождение болгарской исторической науки от доминирования марксизма как методологии исторического познания; приход в науку многих хорошо подготовленных в языковом отношении молодых людей, обученных в условиях демократии в соответствии с новыми требованиями и критериями; разработка новых, прежде табуированных тем; расширение международных контактов и возможностей для специализации за рубежом” [3. С. 39]. Особое внимание было обращено на количественный рост исторических исследований, несмотря на тяжелые финансовые условия в переходный период. Обращает на себя внимание тот факт, что историки-“традиционалисты” видят первостепенное условие новых исследовательских успехов в наличии или отсутствии новых исторических источников, в то время как методология и ее обновление остаются вопросом личного выбора каждого ученого.

По мнению директора Института истории БАН Г. Маркова, науке и обществу не приносит пользы “самонадеянное вторжение политологов и антропологов в историческую материю, как и частое переписывание истории” [3. С. 40]. Марков призвал не к деидеологизации историографии, поскольку исторические события всегда будут интерпретироваться под знаком определенных идей, а к ее деполитизации.

Учитывая то, что докладчиками на пленарных заседаниях являлись ведущие болгарские историки, многие из которых занимают руководящие посты в исторических институтах БАН и Софийском университете, становится понятным, что на этом научном форуме почти не обращалось внимания на необходимость

институциональных изменений в науке. Поэтому, как объективно отмечают А. Запрянова, Бл. Нягулов и Ил. Марчева, “констатировавшиеся в пленарных докладах перемены могут показаться весьма эволюционными на фоне критических замечаний внешних наблюдателей, которые были описаны выше” [3. С. 42].

Анкетное исследование “Историки об истории” показывает, насколько совпадают представленные аналитические взгляды на современное состояние болгарской исторической науки с мнением и настроениями основной массы историков в стране. Остановимся на некоторых вопросах анкеты, представляющих, с нашей точки зрения, наибольший интерес.

Обращает на себя внимание, что на вопрос о наиболее слабо изученных аспектах болгарской истории респонденты дали убедительный ответ: таковым является период современной или новейшей истории Болгарии после Второй мировой войны (особенно 60–80-е годы XX в.). Этот факт, а также усиленные поиски объяснения постсоциалистическим реалиям в недавнем прошлом приводят к выводу о необходимости сосредоточения усилий исследователей в этом направлении. Другими малоизученными темами были названы история болгар в первые три века османского владычества, болгарское средневековье с VII по XIV в. и история Болгарии с 1878 до 1944 г. Из вышесказанного следует косвенный вывод, что наиболее хорошо изученным периодом болгарского прошлого является история болгарского возрождения [3. С. 84].

Согласно анкете, конкретными проблемами болгарской истории, нуждающимися в новой интерпретации, являются:

– Новая история Болгарии – 29.9% (правление Стефана Стамболова; болгаро-российские отношения конца XIX – начала XX в.; правление БЗНС; перевороты 9 июня 1923 г., 19 мая 1934 г. и 9 сентября 1944 г.; фашизм в Болгарии; так называемая антифашистская борьба или нелегальная деятельность левого движения; поляризация и идеологизация македонского вопроса и вопроса о Северной Добрудже);

– современная (новейшая) история Болгарии – 26.2% (период социализма в целом и конкретно – репрессии, экономические и социальные проблемы, роль СССР, коллективизация, деятельность оппозиционных партий, политическая история после 1989 г.);

– история болгар под османским владычеством – 7.4%.

Среди общих проблем болгарской истории, требующих новой интерпретации, на первое место вышли следующие:

– политические и другие внутренние проблемы и факторы – 9.8% (авторитарные режимы в Болгарии с конца XIX в. до современности; монархический институт, роль партий в общественной жизни, террор, социальная сущность коммунизма, личности в болгарской истории, роль интеллигенции в болгарской истории, региональные исследования);

– этнос, нация, государство – 9.4% (болгары под чужеземным игом, болгарский национализм и нигилизм, национальная доктрина, государственная идентичность, симбиоз между исламом и восточным православием на бытовом уровне, болгарская диаспора);

– геополитические проблемы – 5.3% (влияние геополитических реальностей на исторические судьбы Болгарии; роль СССР в болгарской истории; политика “малой” державы в “большой” истории – не как фактология, а как модель поведения).

Болгарские историки, анализирувавшие ответы респондентов, пришли к обоснованному выводу, что новой интерпретации подлежат те конкретные проблемы болгарской истории, толкование которых до сих пор находилось под влиянием политических и идеологических факторов и оценок на партийной или национальной основе. При этом преобладающая часть историков склонна по-новому интерпретировать исторические проблемы, отягощенные прежде всего партийной, а не национальной политикой и идеологией [3. С. 86].

Разнообразие ответов на вопросы анкеты и высказанных в историографических обзорах мнений (как “традиционалистов”, так и “инноваторов”) подтверждает наличие широкого плюрализма в современной болгарской историографии. Объединяет же болгарских историков как высокое сознание интеллектуального потенциала и полезности исторического познания, так и глубокая неудовлетворенность существующими условиями труда, пожелание решительных перемен в государственной политике в отношении науки.

Важной задачей на будущее болгарские историки считают создание работ по сравнительному историографическому анализу, причем не только в узкорегиональном, но и в широком европейском и мировом контексте, которые позволят оценить более точно соотношение между преемственностью и переменами в различных национальных историографиях на фоне текущих процессов глобализации. Вырисовывается необходимость преодоления таких явлений, как новая политизация и конъюнктурность при ревизии оценок прошлого; дистанцированность и даже отказ институционализированной исторической науки и ее носителей вписаться в плюрализм общественных представлений о прошлом; недоверие историков к философии истории и теории исторического познания [3. С. 93].

В заключение нельзя не согласиться с прогнозом самих болгарских историков, что подлинные перемены в болгарской историографии возможно наступят постепенно как результат более активного сотрудничества и дискуссии между представителями условно разграниченных традиционного и инновационного направлений в науке, каждое из которых имеет право на существование в современном плюралистичном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Райчев А., Стойчев К.* Какво се случи? Разказ за прехода в България 1989–2004. София, 2004.
2. *Историческата наука в България – състояние и перспективи.* София, 2006.
3. *Запрянова А., Нягулов Бл., Марчева Ил.* Историографията между приемственост и промяна: А. За текущата история на историческата наука в България. Б. Анкетно проучване “Историци за история” // *Исторически преглед.* София, 2005, № 1–2.
4. *Славянский мир: проблемы истории и современность (Памяти Владимира Константиновича Волкова).* М., 2006.
5. *Георгиева Ц.* Историята – митологизирана реалност или митовете в историята // *История.* 1995, № 5; *Илчев И.* Митът за Санстефанска България като “свещена крава” на българския патриотизъм // *История.* 1995, № 6; *Тодев И.* Към друго минало или пренебрегвани аспекти на Българското национално възраждане. Сбирка от опити и изследвания. София, 1999.
6. Анкета на сп. “Демократически преглед” – “Имало ли е фашизъм в България?” // *Демократически преглед.* София, 1996, № 4–5.
7. *Болгария в XX веке. Очерки политической истории.* М., 2003.
8. *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи 1944–1999. София, 2000; *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи 1939–2002. София, 2002; *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи 1939–2004. София, 2004.

9. *Дайнов Е.* Политическият дебат и преходът в България. София, 2000; *Тошев Т.* Лъжата. София, 2003–2004. Кн. 1 и 2; *Тамбуев Г.* Особено мнение. София, 2004; *Манолов Г.* Българският преход: политически митове и реалности. Пловдив, 2004; *Спасов М.* Историята на СДС 1993–1997. София, 2004; *Поляков С.* Нежна революция Ltd. София, 2005; *Василев И.* Завръщане в историята. Записки по прехода и глобализация. София, 2005; *Градинаров Б.* Светлосенки на българския преход: България между “нежната” революция и Симеон Саксбургготски. Велико Търново, 2005; *Варзаноцев Д.* “Автобиография” на българския преход 1990–2005. София, 2005 и др.
10. *Младенов П.* Животът – плюсове и минуси. Русе, 1992; *Берон П.* Сини човечета, червени човечета. София, 1993; *Симеонов П.* Голямата промяна 1989–1990. София, 1995; *Дертлиев П.* Ден първи – ден последен. София, 1996; *Желев Ж.* В голямата политика. София, 1998; *Василев Н.* Битката за България: Последното десетилетие на ХХ век. София, 2001; *Първанов Г.* Преди и след Десети. София, 2001; и др.
11. *Чакърров К.* Втория етаж. София. 1990; *Живков Ж.* Кръглата маса на политбюро. София. 1991; *Андреев В.* Живков – мъртъв приживе. София. 1991; *Михайлов Ст.* Живковизмът през призмата на една лична драма. София, 1993; *Яхиел Н.* Тодор Живков и личната власт. София, 1997 и др.
12. *Гунев Г.* Към брега на свободата или за Никола Петков и неговото време. София. 1992; *Мешкова П., Шарланов Д.* Българската гилотина. Тайните механизми на народния съд. София. 1994; Съдът над историците. Българската историческа наука. Документи и дискусии. 1944–1950. София. 1995. Т. 1; *Шарланов Д.* Тиранията. Жертви и палачи. София. 1997; Държавна сигурност срещу българската емиграция. София. 2000; *Попов Ж.* Убити заради идеите си. Политически възход и житейско крушение на фамилия Петкови. София. 2004; *Димитров Г.М.* Спомени. София. 1993; *Огойски П.* Записки за българските страдания 1944–1989. София, 1995. Кн. 1, 2 и др.
13. *Танчев Ив., Янева Св.* Институтът по история през 2004 г. // Исторически преглед. 2005. Кн. 3–4.
14. *Запрянова А.* 60 години списание “Исторически преглед” // Исторически преглед. 2005. Кн. 3–4.
15. *Попнеделев Т.* Списание “Исторически преглед” (1945–1948). Към марксистското преустройство на историческата наука в България. София, 2006.
16. *Hörken W.* Historiographie in Bulgarien seit der Wende // Klio ohne Fesseln? Historiographie in Östlichen Europa nach dem Zusammenbruch des Kommunismus. Österreichische Osthefte. Wien, 2002. Heft 1/2.
17. *Todorova M.* Historiography of the Countries of Eastern Europe: Bulgaria // American Historical Review. 1992. № 94 (4).

© 2007 г. *Н. Н. СТАРИКОВА*

СЛОВЕНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Вторая половина XX в. прошла для словенской литературы и культуры под знаком принадлежности к единому общегославскому социалистическому содружеству. 15 мая 1945 г. Югославия была целиком очищена от оккупантов, а 29 ноября провозглашена Федеративной Народной Республикой (с 1963 г. – СФРЮ). Господствующей идеологией стала коммунистическая, а в качестве образца социализма была выбрана советская модель. Концентрируя власть в своих руках, КПЮ проводила в жизнь стратегию общегосударственной культурной политики, способствовавшей формированию единого культурно-идеологического пространства. Под ее контролем создавались республиканские и федеральные союзы писателей, художников, музыкантов и театральных деятелей, имеющие свои печатные органы. Неслыханными тиражами издавались специально отобранные произведения отечественной и зарубежной литературы, открывались театры и киностудии. Перед искусством была поставлена задача изображения новых героев, служащих примером для строителей нового мира. В качестве основного художественного метода “сверху” начал внедряться социалистический реализм.

Перелом наступил в начале 1950-х годов после разрыва отношений между Югославией и СССР. Именно общественно-политическая ситуация, возникшая в СФРЮ после 1948 г., т.е. после разрыва Тито и Сталина, определила характер литературной жизни в стране в целом и в отдельных ее республиках. Диктатура Тито, стремящегося как можно меньше походить на своего в недавнем прошлом “старшего брата”, оказалась во многом “мягче” сталинской, что чуть ли не в первую очередь отразилось на отношении к культуре, на самом статусе культуры и литературы в Югославии. Социалистический реализм, монополия которого в это время в СССР не подлежала сомнению, был уже к середине 1950-х годов заменен так называемым литературным плюрализмом, в эстетическом плане предусматривавшем значительно большую “свободу маневра” и к тому же базировавшемся на не противоречащих марксизму идеях социалистического гуманизма. Это означало, что за словенской литературой, как и за другими литературами народов страны, в рамках существовавшей политической системы была закреплена определенная автономия, пусть относительная и

Старикова Надежда Николаевна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

условная, но все же дававшая искусству слова определенную эстетическую независимость. Литература получила некоторое право на художественный эксперимент, но была ограничена кругом тем и их трактовкой. Одним из первых попытался “выйти из круга” видный политический деятель, в годы войны один из основателей Освободительного фронта Словении, поэт и прозаик Э. Коцбек, в книге рассказов “Страх и мужество” (1951) показавший войну глазами христианина и гуманиста, а не идеолога нового режима, за что долгие годы пребывал в политической и литературной опале. И не он один. Компанию Коцбеку в разные годы составили В. Зупан, М. Бор, М. Рожанц и многие другие. Под бдительным идеологическим контролем, особенно в первое послевоенное десятилетие, находились художественные произведения, интерпретировавшие как события недавнего прошлого (национально-освободительное антифашистское движение) и настоящего (социалистическое строительство), так и обращенные к национальной истории. Отсюда резкое сокращение в этот период художественных произведений исторической тематики. Например, в 1957 г. “добро” сверху получил лишь историко-биографический роман М. Маленшек “Светоч” о П. Трубаре – эта хрестоматийная фигура не вызывала у власти сомнений.

В свете новых партийных решений власти были вынуждены проявить особую партийную лояльность в области культуры. Ранее уже были терпимо встречены дебюты начинающих поэтов Ц. Злобца, Я. Менарта, Т. Павчека и К. Ковича – сборник “Стихи четырех” (1953) и прозаиков – Л. Ковачича, А. Хинга и Ф. Боханца – сборник “Новеллы”¹ (1954), в которых прослеживалось явное тяготение к формально-стилистическому эксперименту и некоторый отход от социалистической эстетики.

В 1955 г. на Люблянском фестивале драмы произошло знакомство югославской публики с европейской экзистенциалистской драмой и драмой абсурда. Вступающее в литературу молодое поколение проникается духом трагического гуманизма, присущего европейскому интеллектуальному театру. Стремясь внешне отстраниться от текущих проблем социалистического строительства, некоторые молодые авторы ищут выход в экзистенциальных поисках и решениях. Ощущение метафизической драмы человеческой личности присуще поэзии Д. Зайца, В. Тауфера, Г. Стрниши, драматургии Д. Смоле, прозе П. Божича. На смену пропартийным журналам “Novi svet” (1946–1952) и “Mladsinska revija” (1946–1952) приходят провозгласившие принцип освобождения искусства от идеологических рамок “Beseda” (1952–1957), “Revija 57” (1957–1958), “Perspektive” (1960–1964). Вокруг них группируются молодые вольнодумцы: поэты, прозаики, критики И. Минатти, Ц. Злобец, В. Тауфер, Д. Зайц, В. Клабус, П. Козак, Д. Смоле, Т. Кермаунер, М. Меяк, Я. Кос. Они-то и становятся проводниками новых веяний, того “ветра модернизма”, который воспринимался многими молодыми деятелями культуры как способ сопротивления диктату центра.

Отказ от социалистического реализма сопровождался возрождением эстетики модерна, а затем и авангарда, что вскоре привело к эстетическому плюрализму и постепенной смене тематических и художественных приоритетов. Благодаря организации в Югославии международных фестивалей – театральных (Югославские театральные игры “Стериино позорье”, БИТЕФ, Летние дубров-

¹ Первоначально в книгу должны были быть включены рассказы четырех молодых прозаиков, ее рабочее название было “Новеллы четырех”, однако один из авторов, И. Шентюрц, эмигрировал, его произведения изъяли, но книга все же вышла.

нищие игры), музыкальных (БЕМУС), литературных (Октябрьские встречи, Стружские вечера поэзии), кино (ФЕСТ) – и множества республиканских фестивалей и встреч стремительно расширяется культурный контекст. Литературные журналы, театры, художественные выставки открылись для современного западноевропейского искусства, новых философских и культурологических теорий. Одновременно шел процесс возвращения имен и произведений, по разным причинам попавших под запрет, реабилитировались целые направления – импрессионизм, символизм, экспрессионизм, сюрреализм.

К концу 1960-х годов в СФРЮ все острее ощущаются противоречия между декларируемыми правительством свободами и реальным типом власти. Миф о бесконфликтности общества рухнул в результате массовых студенческих выступлений 1968 г., проходивших под лозунгами защиты “истинного социализма”. Они ознаменовали наступление новой эпохи открытых столкновений, влекущих за собой репрессии и новые волнения. Деятели культуры “свинцового” десятилетия (как впоследствии были названы 1970-е годы, когда в СФРЮ режим резко ужесточился) стремились освободиться от пресса господствовавшей идеологии и вступали в конфронтацию с властью.

Внутриполитическая ситуация в СФРЮ рубежа 1970–1980-х годов, обострение межнациональных и межреспубликанских противоречий, антагонизм между центром и субъектами федерации не могли не вызвать реакции со стороны граждан Словении. Литература оказалась в авангарде общественного брожения, политизируясь сама, она политизировала общество. Именно творческая интеллигенция во многом способствовала разрушению существовавшего строя. Она выступила с требованиями демократизации, введения многопартийной системы, установления конфедерации. Важную роль в словенском демократическом движении сыграли возникшие на волне протеста и инакомыслия журнал “Nova revija” (с 1982 г.), литературно-критическое издание “Литература” (с 1989 г), Союз писателей Словении. Весной 1987 г. группа авторов “Nova revija” – поэты Н. Графенауэр, С. Макарович, Б.А. Новак, философ Т. Хрибар, критик А. Инкрет, писатель Д. Рупел опубликовали в пятьдесят седьмом номере журнала свои предложения к программе национального развития, содержащие не только требования рыночных преобразований экономики и политического плюрализма, но и государственной независимости Словении. Новое либеральное руководство словенских коммунистов (с 1986 г. СКС возглавил М. Кучан) после недолгого периода конфронтации с журналом приняло его сторону.

Демократически определившаяся Словения стремилась как можно скорее мирным путем через подписание договора урегулировать свое положение в югославском союзе. Однако предложения Словении и Хорватии о конфедеративном устройстве не нашли поддержки в союзных органах. Тогда словенский парламент принял решение о проведении плебисцита, в ходе которого подавляющее большинство граждан (свыше 85%) высказались в пользу государственной самостоятельности. Независимая демократическая республика Словения была провозглашена 25 июня 1991 г.

Существенную роль в поддержании в обществе внимания к национальной идее, культурным традициям и историческому наследию сыграл в последней трети XX в. исторический роман. Обращение литераторов к национальному прошлому оказывается не просто закономерным – из инструмента общественной борьбы за суверенитет их творчество превращалось в мощное орудие само-

идентификации. Как писал Н. Бердяев, “национальность есть проблема историческая, а не социальная, проблема конкретной культуры, а не отвлеченной общности... Человек входит в человечество через национальную индивидуальность, как национальный человек” [1. С. 57]. То есть всплеск исторической прозы в 1970-е годы был закономерен и подготовлен всем ходом не только исторического и общественного, но и национального развития Словении. Именно в это время центральным вопросом публичного обсуждения становится в республике вопрос национальный. В июле–августе 1970 г. в журнале “Problemi” (выходит с 1962 г.) прошла серия дискуссий, начало которой положил видный историк литературы и критик Д. Пирьевец (1921–1977). Они затрагивали важнейшие для словенской культуры темы: защиту родного языка, национальную идентификацию, поиск национальных корней. Так же как и в 1930-е годы в Королевстве СХС (спор Жупанчича и Видмара), обострение национальных противоречий внутри многонационального государства приводит к тому, что национальная культура начинает искать опору в национальной идее, и в литературе происходит настоящий бум исторической прозы. Этот новый взлет стал также результатом реализации внутренних потребностей самой литературы. При этом значимую роль в обновлении художественного языка и поэтики исторического жанра сыграли романы межвоенного периода, которые часто становились для прозаиков отправной точкой в реализации их новаторских замыслов. Без произведений И. Тавчара, И. Ваште, В. Бартола поступательное развитие жанра и его разновидностей на достойном художественном уровне в 1970–1980-е годы было бы попросту невозможно.

В жанровом плане историческая проза 1970-х годов, продолжая развивать национально-патриотические традиции литературы межвоенного периода, обладает собственной спецификой: остаются востребованными историко-биографический и историко-философский романы, сохраняется “классическая”, близкая вальтер-скоттовской модель, но как самостоятельный жанр почти полностью исчезает историко-социальный. Фактически его место занимает “новый” исторический роман, синтезирующий черты исторического романа разных типов и романа о современности.

В последнее десятилетие правления Тито исторический роман в Словении становится одной из форм альтернативного миропонимания, а иногда и легального инакомыслия, стремится говорить о наболевшем языке истории. За десятилетие с небольшим – с 1968 по 1982 г. – в республике было опубликовано свыше тридцати исторических романов. Авторы стремились искать и находить исторические связи словенцев не только с балканскими, но и с другими европейскими народами, что объяснимо: на протяжении веков Словения входила в состав центральноевропейского государства – Габсбургской монархии. Изменяется угол зрения: теперь большинство прозаиков в первую очередь интересуется то, как национальная история соотносится с современностью, как преломляется в настоящем. Этот интерес объединил писателей, принадлежавших к разным поколениям и художественным школам: романы классика социального реализма А. Инголича (1907–1992) “Прародители” (1975) и “Горели костры” (1977) соседствуют с романами более молодых и модернистски ориентированных В. Кавчича (род. 1932) “Пустота” (1976), А. Хинга (1925–2001) “Чародей” (1976), С. Вуги (род. 1930) “Эразм Предъямский” (1978), Д. Янчара (род. 1948) “Галерник” (1978) и др.

Как вызов тоталитаризму была воспринята читателями главная черта характера героя романа А. Ребулы (р. 1924) “На ветру Сивиллы” (1968) – его свободолюбие, естественное и вневременное стремление человека к независимости. Наблюдения “окультуренного” варвара, вошедшего благодаря уму и природной интеллигентности в свиту императора, за нравами жителей Великой Римской империи времен Марка Аврелия, когда ее просветительская политика стала сменяться военной диктатурой, составляют основу произведения. В манере поведения и взглядах граждан империи автор пытается найти черты современников, ищет духовную связь между словенской культурой и древнеримской цивилизацией. В похожем ключе написан роман М. Михелич (1912–1985) “Иноземец в Эмоне” (1978), с юмором рассказывающий о политических и любовных интригах провинциальной глубинки Римской империи².

Традицию исторической прозы биографического направления, обращенной к судьбам деятелей культуры и искусства важнейших для становления нации этапов прошлого, продолжил целый ряд авторов. Идея популяризации национальной истории и ее героев легла в основу серии книг о знаменитых словенцах, аналогичной советской библиотеке ЖЗЛ. Помимо серьезных монографий, включающих саму возможность творческого вымысла, издаются романы, различные по типу художественной условности, в которых писатели дают волю фантазии, “препарируя” ту или иную историческую личность. Одним из лидеров такой исторической прозы является старейшая писательница Словении М. Маленшек (р. 1919), автор романов о композиторе XVI в. Якобе Галлусе “Послушай, земля!” (1968), дилогии о двух выдающихся поэтах словенского модерна Драготине Кетте (1876–1899) и Йосипе Мурне-Александрове (1879–1901) – “Поющие лебеди” (1970–1971), о Франце Прешерне “Ноктюрн поэта” (1992).

Словенский модерн возник как стихийный протест молодых талантливых поэтов против культурной отсталости Словении и как реакция на влияние клерикализма и клерикальной литературы на общественное сознание. Он имел много общего с аналогичными явлениями рубежа веков в тех странах Европы, где существовало национальное притеснение. Поэзия модерна несла в себе новое миропонимание, обращалась к чувствам современника, обогащала поэтический язык и, что, вероятно, самое важное, определила весь последующий ход развития национальной литературы. В глазах прозаиков 1970-х словенский модерн ассоциировался с первой в истории национальной литературы попыткой эстетического протеста, предпринятой поэтами рубежа веков. В романах М. Маленшек и А. Слюдняка, так же как в книге И. Ваште, фигура национального поэта – знаковая, это “герой времени”, формирующий “культурный слой” словенского общества и определяющий национальные приоритеты. Предлагая свою версию жизни и творчества Драготина Кетте, Маленшек прежде всего исследует его художественную лабораторию, используя не хронологический, а ассоциативно-медитативный принцип подачи материала. Смертельно больной двадцатитрехлетний поэт, находясь то в сознании, то в забытии, вновь переживает наиболее яркие впечатления прожитой жизни, как бы воспроизводя былые ощущения. Герой находится в особом, воображаемом мире, питаемом поэзией Пушкина, Мицкевича, Лермонтова, Кольцова. Бережно включая в текст немногочисленные документальные свидетельства (несколько писем, чернови-

² Эмона – название древнеримского поселения, на месте которого была основана Любляна.

ки, гимназический аттестат), писательница дополняет книгу вымышленными дневниковыми записями поэта.

Вторая часть дилогии, посвященная Йосипу Мурну, написана по-другому, его биография представлена через призму личной трагедии. Особенности происхождения героя (рожден вне брака, не знал родительской ласки, всю жизнь нес на себе печать отверженности) подтолкнули автора к иному повествовательному приему. Ассоциативное перетекание одного эпизода в другой сменяется здесь чередованием глав, каждая из которых рассказывает о конкретном отрезке жизни поэта. Особое внимание уделено университетским годам, когда происходило формирование Мурна как личности и творца. Детальная разработанность фона, на котором развивается действие (пейзаж, среда, исторические детали), способствует воссозданию зримого, “вещественного” представления о времени с его мелочами повседневности, привычками, особенностями кухни и костюма.

Современники не оценили творчества Кетте и Мурна по достоинству. Признание пришло к ним лишь после смерти. Маленшек подходит к своим героям с позиции этого позднейшего понимания художественного масштаба и значимости их поэзии для словенской литературы в целом.

Увлеченность литературой рубежа XIX–XX вв. и течением модерна характерна и для литературоведа и прозаика А. Слодняка (1899–1983), обратившегося в романе “Чужой” (1976) к личности выдающегося словенского писателя и драматурга Ивана Цанкара (1876–1918). Роман вышел к столетию со дня рождения классика как итог многолетней работы литератора, попытавшегося, опираясь в первую очередь на документальные свидетельства, рассказать историю жизни не просто творца нового типа, яростно боровшегося против социальной несправедливости и всем своим творчеством противостоявшего, как писал он сам, “ужасному душевному убожеству окружающей действительности” [2. S. 209], но увидеть в крупнейшем национальном авторе земное, человеческое, противоречивое начало. Формально “Чужой” – заключительная часть “Словенской трилогии” Слодняка, в которую входят также романы о Ф. Прешерне “Нетленное сердце” (1938) и о Ф. Левстике “Умри же, пёс!” (1946), однако это произведение отличается от двух других продуманностью замысла и значительной художественной выразительностью. Если роман о Прешерне был воспринят читателями весьма сдержанно, а критикой расценен как провал (см. рецензию Ю. Козака [3. S. 385]), а книга о Левстике осталась практически незамеченной, то образ Цанкара можно назвать бесспорной удачей автора. Думается, это связано с духовным и профессиональным ростом самого Слодняка, начавшего собирать материал о великом соотечественнике еще при жизни многих его современников: друзей (О. Жупанчич), родственников (К. Цанкар, Из. Цанкар), знакомых (семья Лёффлеров из Вены). Потом все собранное “отстаивалось”, обдумывалось, переосмыслилось в течение нескольких десятилетий. “К работе я приступил уже совершенно сложившимся человеком, которому жизненный опыт и сменившиеся поколения позволяют подступиться к гению” [4. S. 254], – признается автор.

Писатель прибегает к новаторскому для словенской исторической биографии художественному приему: отказывается от изображения живого Цанкара, сознательно начиная повествование с 11 декабря 1918 г. – дня смерти героя, образ которого представлен в романе только в воспоминаниях очевидцев, глазами земляков, друзей, врагов, политических противников, возлюбленных, соседей.

Каждый из персонажей видит героя по-своему, и из этих зачастую диаметрально противоположных характеристик складывается “мозаика его необычного характера” [5. С. 226]. Дерзким и наивным, страдающим и равнодушным, милосердным и жестоким, легко ранимым и способным унижить видится писатель современникам. В четырнадцати главах романа о писателе вспоминают прозаики И. Тавчар, Ф. Финжгар, Ф. Говекар, друзья Л. Крайгер, О. Жупанчич, братья Карл и Изидор, мать венской невесты писателя Штефки Альбина Лёффлер, не ответившая на чувство Цанкара Мица Кесслер, его последняя любовь Милена Рорманн, книгоиздатели и даже люблянский епископ А.Б. Еглич, по приказу которого был уничтожен весь тираж первого цанкаравского поэтического сборника “Эротика” (1899). Разумеется, все эти персонажи, хоть и написаны с реальных людей, интерпретированы автором по-своему, и слодняковский Еглич – это литературный образ, не претендующий на полное правдоподобие. Слодняк обращает внимание на то, какую роль в формировании мировоззрения и черт характера героя сыграла Вена, где писатель провел в общей сложности одиннадцать лучших лет, где он сложился как художник. За это время были написаны “Книга для легкомысленных людей” (1901), комедия “На благо народа” (1901), драма “Король Бетайновы” (1902), романы “На улице бедняков” (1902), “Чужие” (1902), “Обитель Марии Заступницы” (1904), “Мартин Качур” (1906) и многое другое. Талант прозаика и драматурга достиг здесь расцвета. О “венском” периоде рассказывает квартирная хозяйка писателя фрау Лёффлер, пожилая венка, неподдельно горюющая о своем бывшем постояльце. Она не могла по достоинству оценить масштаб и силу дарования молодого словенца (не знала языка), но внутренним чутьем уловила благородство и высокое достоинство его натуры, отнесясь к нему, по мнению автора романа, “с состраданием скорее женским, чем материнским”. Другие были более пристрастны, подчеркивая в бескомпромиссности и принципиальности героя обратную сторону: “Страстность и максимализм составляли суть его натуры, он был безжалостен к себе и не щадил других”, – так характеризует Цанкара Финжгар. Очень показателен эпизод из реминисценций Тавчара, одно время опекавшего юного самородка из Врхники. Руководствуясь искренним состраданием к живущему в страшной нужде другу, Д. Кетте, Цанкар закладывает ростовщику тома Гете и Шекспира, принадлежавшие наставнику и выданные ему для самообразования. Живой классик был глубоко возмущен этим поступком, и в отношениях учителя и ученика возникла трещина. Отдавая должное художественному и публицистическому таланту молодого коллеги, его дару предвидения (в статьях 1909–1912 гг. Цанкар создает концепцию национального литературного процесса, выделив линию демократической литературы), старейшина цеха сознательно отдаляется от разочаровавшего его в этическом плане человека. Холодность людей, близких ему по духу, ранила Цанкара особенно больно.

Проанализировав жизненный путь своего героя, автор выдвигает собственную гипотезу о причине его ранней смерти: это скрытый психический недуг, в основе которого мания вины перед матерью и тяжелейшие депрессивные состояния, выход из которых писатель пытался найти в алкоголе. Цанкар боготворил мать, а когда в сентябре 1897 г. Нежа Цанкарова умерла, у него не было денег даже на гроб. В главе, написанной от лица книгоиздателя Бамберга, приводится сцена нападения убитого горем сына на рассказчика, отказавшегося выдать ему аванс на похороны: “В ярости, не помня себя, он бросился на меня с кулаками и чуть не задушил”. В данном случае гипотеза, как разновидность вы-

мысла, не противоречит общей картине, она оживляет и дополняет факты подлинной биографии героя. По предположению романиста, Цанкара погубил также изнурительный труд – он “работает день и ночь, дома, на улице, в трактире, в компании, даже во сне”. Личные неурядицы и разочарования, потери близких и предательство друзей изменили его и без того сложный характер. “Не умея ничего делать наполовину, он сжигал себя на костре творчества, воплощая в героях своих драм, повестей, романов собственные колебания, минуты отчаяния и отречения, и, наоборот, моменты пробуждения веры”, – пишет автор в эпилоге.

“Ноктюрен поэта”, последнее историко-биографическое произведение М. Маленшек, – роман-воспоминание, в котором показаны несколько последних месяцев жизни в Кране смертельно больного, прикованного к постели Прешерна, облеченные в форму его реминисценций и размышлений о прожитом и пережитом. Воспоминания, содержащиеся в пяти главах романа, связаны в достаточной степени ассоциативно, картины детских лет могут перемежаться с думами о лучшем друге, безвременно ушедшем Матии Чопе, или с болезненными рефлексиями по поводу матери детей поэта Аны Еловшек.

Романистка делает акцент на важнейших событиях европейской истории, свидетелем которых стал ее герой, в первую очередь на наполеоновских походах в их национальном преломлении, уделяет внимание ближайшему семейному окружению героя (сестра Прешерна Катра, его малолетняя дочь Эрнестина и др.), его лучшим друзьям Чопу и Смоле, крупным общественным фигурам (Ф.Л. Челаковский, Е. Копитар, Ф. Миклошич), она строго следует за биографами поэта, практически не прибегая к вымышленным персонажам. Особое место в реализации образа поэта занимают объекты его любовных страстей и потрясений – Юлия Примец и Ана Еловшек.

В романе Маленшек перед читателем проходит путь трагической гениальной личности, которую автор показывает совершенно не романтизируя и не облагораживая. Важную роль в психологическом наполнении образа главного героя играет введение в ткань повествования эпизодов, показывающих идейные баталии поэта с теми современниками, чьи взгляды на настоящее и будущее национальной литературы кардинально отличались от его идей (азбучная война, полемика с Блейвейсом, история стихотворения “Здравица”).

Течение романа Маленшек неспешно, подчинено ритму жизни лежащего больного, умирающего в одиночестве в Кране. Все, что на протяжении пяти глав происходит в романе, происходит собственно в сознании героя, причем реальные события этих дней трогают его меньше, чем некогда пережитое. Финал романа – смерть поэта трактуется писательницей как долгожданное освобождение ее героя.

Главным для Маленшек является опора на документальные свидетельства эпохи и воспоминания современников. Это в первую очередь записки Эрнестины Еловшек, внебрачной дочери Прешерна, написанные в 80-е годы XIX в. и до сих пор являющиеся, пожалуй, самым ярким свидетельством жизни поэта по описанию очевидца. Так, сцена последней встречи детей поэта со смертельно больным отцом в декабре 1846 г. дана словенской писательницей точно в транскрипции Эрнестины. Автор использует также воспоминания сестры Прешерна Ленки, его племянницы Марьяны Гром, свидетельства издателя и друга поэта Й. Блажника, поэта А. Грюна (псевдоним А. Ауэрсберга), домашним учителем которого Прешерн был в 1822–1923 гг. и др. Герой романа по воле автора часто мысленно беседует с ушедшими друзьями, в первую очередь с Чопом. Воспро-

изводя эти диалоги о высоком (о предназначении литературы вообще, о задачах молодой словенской словесности, о том, “нужен ли Любляне, этой большой деревне, Байрон”), романистка опирается на сохранившуюся переписку.

Увлечение зрелого Прешерна Юлией Примец, никак не проявившееся на бытовом уровне, оказалось мощным стимулом для его поэзии – родился “Венок сонетов”. Образ Юлии Примец, по версии Маленшек, должен был сопровождать поэта всю жизнь, поэтому она включает в ассоциативный ряд воспоминаний Прешерна детали реальной встречи поэта с его музой в Трновской церкви 6 апреля 1833 г. Вообще тема любви и страсти невымышленного персонажа требует от автора биографии предельного такта и понимания того, какое место в жизни и интимном мире художника занимает его призвание. Здесь надо отдать должное мастерству Маленшек, очень деликатно подошедшей к одной из самых непростых сторон жизни Прешерна – к его взаимоотношениям с Анной Еловшек. В целом этот роман, продолжая традиции словенской художественной прешернианы, дает еще одну субъективную версию жизни главного национального поэта Словении.

В центре внимания С. Вуги в “классическом” историческом романе “Эразм Предъямский” оказывается персонаж, сыгравший принципиальную роль в формировании словенской исторической прозы, – Эразм Предъямский из повести Ф. Малавашича “Эразм из Ямы” (1846), героико-трагическая судьба которого стала в середине XIX в. эталоном изображения прошлого в исторической прозе. В своем объемном романе Вуга в традиционной манере рассказывает о жизни и смерти благородного разбойника, жившего в XV в., Эразма Люгера, прозванного в соответствии с местом, где он скрывался – Предъямским замком, Предъямским. Повествование ведется от лица племянника героя Франца, последнего представителя рода Люгеров, умирающего в тюрьме города Камника. Рассказчик начинает с описания трагических событий, предопределивших судьбу героя: по приказу Фридриха III казнят друга Эразма Андрея Баумкирхера, и тот в порыве мести убивает маршала императора Папенхайма, что и оказывается причиной гонений на него со стороны властей. Эразм оказывает сопротивление правительственным войскам и становится вне закона, начинает грабить богатых путешественников и обозы с государственной казной, его подвиги обрастают слухами и легендами, в глазах простого люда он становится великодушным борцом за справедливость. Каждый отдельный эпизод повествует о конкретном событии из жизни Предъямского: рассказ об отражении турецких набегов сменяется описанием нападения венгров, этот сюжет, в свою очередь, – историей столкновения героя с местными аристократами. Центральное место в романе занимает описание взаимоотношений Эразма и триестского воеводы Гаспара Равбара, столкновение с которым в конечном итоге приводит разбойника к гибели. Многоперсонажный и красочный роман-фреска Вуги, подробно изображающий быт и нравы позднего Средневековья, в вальтер-скоттовских традициях воссоздает атмосферу и колорит эпохи.

Роман театрального режиссера и драматурга А. Хинга “Чародей” (1976) открывает для словенской литературы эпоху новой исторической прозы, в которой сочетаются принципиальные черты романа о современности с его подчеркнутым вниманием к личности и исторического романа, дающего возможность, как сказала А. Ахматова, увидеть “как в прошедшем грядущее зреет”. При этом сюжет прошлого тяготеет к историко-социальному типу исторического романа. За точку отсчета своего отношения к истории Хинг принимает каче-

ственную неизменность духовной сущности человека. С течением времени меняется общественный строй, политические ориентиры, границы государств, неизменна лишь “оплодотворенная мыслью и освященная чувством душа человеческая” [6. С. 88]. В произведении даны две параллельно развивающиеся сюжетные линии, первая обращена к событиям почти вековой давности, вторая же посвящена проблемам современной автору Словении. Одно название объединяет два законченных художественных произведения, главы которых чередуются.

К началу XX в. заштатный словенский городишко Ресно обрастает приметам нового времени: проведена железная дорога, как грибы после дождя, появляются маленькие частные фабрички, процветает лесоторговля. Социальные контрасты внешне скрыты за патриархальным благообразием и единодушной ненавистью обывателей ко всему чужому. С приездом в этот медвежий угол фургона бродячих комедиантов, жизнь которых полна “роковых страстей”, в характере главного героя, преуспевающего торговца Виктора Котника, происходит странная для окружающих метаморфоза: в нем оживает способность испытывать давно забытое чувство стыда. Окружающий мир, досконально известный, давно исчисленный в прибылях, вдруг ошеломляет его обилием красок, запахов, звуков.

Правнук Виктора Котника Петер воспитан под сенью семейного предания об “оцыганившемся” предке, виновнике угасания когда-то славной династии коммерсантов, пустившемся в скитания по белу свету. Разговоры о былом благополучии сыграли в жизни молодого человека роковую роль. Мягкий, неглупый, к деньгам даже равнодушный, Петер совершает растрату. Выйдя из заключения и бесцельно бродя по городу, он встречает сначала свою бывшую возлюбленную Азру с приятелем, а затем бывшего учителя, пьянчужку Миливоя Сирника. Несмотря на непрезентабельную внешность и страсть к вранью, у старика есть одно “чародейское” свойство – искренняя вера в возможность чудесной перемены к лучшему для любого, самого пропащего человека, и это как магнит притягивает к нему людей. Проницательный Сирник быстро распознает, что общий недуг его молодых друзей – эгоцентризм и полная душевная апатия. Искусно направляя беседу в целительное русло самовыражения и самопознания, он показывает ценность искреннего человеческого общения, помогающего собеседникам разобраться в своих проблемах. К финалу трагическая безысходность линии прошлого все явственнее высвечивает слабую надежду в настоящем. Параллель аутсайдера XIX и аутсайдера XX в., одинаково “выпадающих” из общего течения жизни, интегрирует оба временных плана. В конце романа, когда современное действие перемещается в Ресно, временные пласты, разделенные уже не по главам, а по эпизодам, сближаются, взаимопроникают: под “соединительным” проливным дождем снует из эпохи в эпоху расписной фургон бродячих комедиантов, смутивших когда-то покой старшего Котника, и магический лейтмотив Хинга “Сочувствуй!” звучит одновременно для прадеда и для правнука. Первого обретенная человечность сделала скитальцем, второго – возвратила к жизни, к людям.

Сравнивая героев прошлого и современности (в романе можно выделить несколько таких пар: приятель старого Котника инженер Пуцицхар и его дальний родственник и однофамилец скульптор из Любляны, любовницы главных героев Ирма и Азра, эмигрант первой волны Войводич и сегодняшний борец за смену гражданства Душан и др.), автор отдает явное предпочтение персонажам

XIX в., которые, по его мнению, ранимее и человечнее наших современников. При этом он далек от идеализации: “Меньше всего я хотел показать прошлую идиллическую жизнь словенской провинции, как это делала литература от Керсника до Прегеля, я изобразил тот мир жестоким, а наше время – как время рефлексирующих, малодушных людей” [7. S. 231].

В романе затронута одна из серьезнейших, в некотором смысле вневременных проблем словенского общества – проблема эмиграции. В период создания романа самая многочисленная колония словенских эмигрантов находилась в Аргентине (сейчас, по некоторым данным, первое место занимают США). Она была сформирована тремя волнами эмиграции: экономическими – конца XIX в. и 20-х годов XX в. и политической – после 1945 г. Первое переселение словенцев в Южную Америку восходит к 1878 г., когда аргентинское правительство в поисках свободных рабочих рук обратилось за помощью к Вене. Часть безработных в тогдашней Австро-Венгрии составляли словенцы, они-то и были направлены в Буэнос-Айрес. Вторая волна пришлась на 1920-е годы, когда от военной разрухи за лучшей жизнью через океан потянулись семьи и одиночки, главным образом из оккупированного Италией Приморья (всего около 20 тыс., еще 10 тыс. осело в Бразилии и Уругвае). Третью волну составили главным образом политические беженцы, люди, после окончания Второй мировой войны оказавшиеся неугодными новой власти СФРЮ и вынужденные покинуть родные места. В 1970-е годы побудительным мотивом для отъезда служило, как это ни странно, скорее стремление к высокому жизненному стандарту, нежели диссидентство. Персонажа из прошлого Войводича сделать выбор вынуждает нависшая над ним угроза разорения – крупные капиталистические предприятия начинают “заглатывать” мелких конкурентов. Герою страшно начинать в незнакомой Америке с нуля, но еще ужаснее покорно ждать своей очереди в долговую тюрьму, он покидает родные места со слезами на глазах. Иначе ведет себя Душан, герой современного сюжета, для которого жизнь в Западной Европе или Америке, где можно хорошо заработать и со вкусом потратить заработанное, представляется вершиной комфорта в его обывательском, мещанском понимании.

В художественном решении романа Хинг-драматург оказал несомненное влияние на Хинга-прозаика. Об этом свидетельствует его восприятие театральности жизненных ситуаций, осязаемость образов, локализация места действия, “диалоговый костяк” романа. Диалоги являются основной сюжетобразующей единицей, поскольку именно в беседах персонажей рождаются мотивации их последующих действий или поступков. Речь героев “уравновешивают” внутренние монологи, авторские комментарии, немногочисленные зарисовки природы. В книге мало примет сегодняшнего дня. В то же время исторический колорит прошлого века, несомненно, соблюден.

Действенным средством разоблачения штампов в образе мышления и поведения персонажей становится у Хинга ирония, причем важна не столько стилистическая амплитуда иронических приемов, сколько ее содержательный потенциал, способность почти неощутимо, как бы пунктирно, выстраивать логически убедительную авторскую концепцию.

Новая историческая проза Хинга положила начало появлению в словенской литературной практике различных переходных форм, разнообразных видов жанрового синтеза разных типов исторического романа и романа о современности. Примером такого синтеза служит книга Й. Сноя (р. 1934) “Йожеф, или ран-

няя диагностика рака сердца” (1978), автор которой полагает, что путь к пониманию современности лежит через возрождение мифа. В современный сюжет он вплетает фрагменты древней истории, свободно перенося действие из наших дней в древний Египет и соединяя в одном герое библейского Иосифа и словенца конца 70-х годов XX в. В конце 1990-х годов к этому типу прозы придет ныне один из самых известных в Европе и Америке современных прозаиков и драматургов Словении Д. Янчар, соединивший в романе-метафоре “Скрежет в голове” (1998) историю бунта заключенных в югославской тюрьме Ливада в конце 1960-х и восстание иудеев в крепости Масада в I в. н. э.

Событием в литературной жизни конца 1970-х годов стал дебют Янчара в историческом жанре. В историко-философском романе “Галерник” (1978), переведенном на одиннадцать языков, в том числе и на русский, удостоенном высшей национальной литературной награды – премии Прешерна (1979), писатель на материале истории Европы XVII в. обратился к вневременным, универсальным вопросам преодоления личностью духовного кризиса, к истории взаимоотношений личности и эпохи. Через ощущение метафизической драмы человечества, всеобщей трагичности бытия им раскрываются реальные проблемы людей, запутавшихся в исторических противоречиях. Впоследствии тема столкновения героя со временем, в котором он вынужден существовать, была продолжена в романах “Северное сияние” (1984) и “Насмешливое вожделение” (1993).

Действие романа-путешествия “Галерник” происходит в разгар гонений инквизиции второй половины XVII в. на габсбургских и германских землях. Это было жестокое время для Европы, его атмосфера диктует автору сдержанную манеру повествования и обуславливает мрачную метафоричность произведения. Автор исследует эпоху ересей, религиозного фанатизма, судов инквизиции, чумных эпидемий – “чумную” эпоху – и отмеченную сатаной, бесовскую, “чумную” судьбу главного героя Йохана (Иоганнеса) Отта, мечущегося в поисках возможности противостоять злу и безумию своего времени.

Уроженец княжества Нейсе, в прошлом ремесленник, лекарь, толмач, военный наемник, словом, человек бывалый и стремящийся быть независимым, Отт вызывает зависть у запуганных обывателей и инквизиции. Став, скорее из любопытства, чем по идейным соображениям, членом тайного оппозиционного официальной церкви религиозного братства реформатов – Штифты, он роковым образом меняет свою жизнь.

Роман, по мнению Х. Глушич, свидетельствующий о переходе автора от “экспериментальной прозы к традиционной” [8. S. 272], сочетает в себе черты социально-исторической и интеллектуально-философской прозы: подлинность эпохи, документальность, историческая детерминированность поведения и ощущений главного героя, с одной стороны, и вневременные проблемы бытия и сознания, человека и окружающего его мира, решенные на экзистенциально-пессимистической основе, – с другой. Герой представляет собой личность, порожденную бесчеловечной средой Средневековья, и одновременно воплощает образ всех гонимых, спасающихся бегством, встречавшихся в разные периоды мировой истории.

Исторические события, всегда точно переданные, интересуют Янчара лишь постольку, поскольку позволяют показать и объяснить человеческое как родовое. Йохан Отт – песчинка, влекомая водоворотом жизни по землям Центральной Европы, он пересекает границы государств, переживает гонения инквизи-

ции, находит кратковременное пристанище у пышной женской груди, чтобы, в конце концов, убежав с галеры, погибнуть от чумы. Но за это время он узнает вкус свободы, успевает ощутить ценность и неповторимость своего “я”, не подчинившегося ни людям, ни Богу. Писатель не скрывает свою западноевропейскую ориентацию в вопросе об исторических традициях словенцев, мотивируя такую точку зрения не только тем, что в описываемое время словенские территории входили в состав одной из сильнейших империй Центральной Европы, но и единством религии: католическая церковь являлась международным центром феодальной системы, объединяя Центральную и Западную Европу в некое целое, противостоящее как греко-православному, так и мусульманскому миру. Распространение в XVI в. протестантизма также приблизило словенцев к европейской культуре. Автор упоминает в романе последователя Эразма Роттердамского, “отца” словенской письменности Приможа Трубара, чье имя век спустя было под запретом в словенских областях, входивших в состав империи Габсбургов.

Образ Йохана Отта строится преимущественно на внутренних монологах, которым свойственна эмоциональная рефлексивность. Наедине с собой герой не притворяется: отчаяние, боль, ярость выплескиваются наружу. Грубоватая речь Отта контрастирует с нервным и тревожным голосом автора-комментатора. Такая “двойная” интонация романа, лишенного к тому же графически выделенных диалогов, в сочетании со снами и галлюцинациями главного героя, безусловно, усложняя текст, придает ему большую выразительность.

Судьба героя романа трагична, полна роковых случайностей, необъяснимых совпадений. Янчар затрагивает проблему метафизически трактуемого трагизма и таинственности человеческой юдоли. Отт проходит социальные, психологические, нравственные, физические испытания, искушение богатством и нищетой, и каждое из этих состояний вносит нечто новое в его миропонимание. Пытаясь как-то преобразить свою жизнь, противостоять злой или доброй воле провидения, человек способен изменить лишь незначительные частности, но ему не дано стать полновластным хозяином своего будущего, утверждает Янчар.

Устойчивость и преемственность словенской исторической прозы привели к тому, что после образования независимой Республики Словении в 1991 г. исторический роман не просто живет, но продолжает активно продуцировать и стимулировать жанровую рефлексию, оставаясь, как отмечает современная словенская исследовательница А. Зупан-Сосич, “главным жанром” [9. S. 99] словенской литературы. В новых условиях обретенного государственного суверенитета у литературы возникла потребность еще раз обосновать свой национальный статус, утвердить чувство национального достоинства, взглянув на себя как на равную среди равных в европейской истории. Поэтому-то писателей не перестает привлекать национальный биографический материал, дающий представление о словенцах – носителях высокой национальной, а иногда и европейской миссии. Авторы исторических биографий – “Словенский оратор доктор Янез Блейвейс” (1990) Т. Ковач (род. 1930) о деятеле словенского возрождения первой половины XIX в. и “Утро Иванова дня. Повесть об Адаме Равбаре, словенском витязе” (1993) И. Сивец (род. 1949) о воеводе, под предводительством которого была одержана победа над турками в битве при Сисаке в 1595 г., преуспели в стремлении обратить внимание публики на забытые страницы национальной истории, вписанные в историю европейскую.

Конечно, в 1990-е годы исторический роман не остался в стороне от проблемы “выживания” литературы в условиях рынка, от общей тенденции “облегчения” и “тривиализации” литературных жанров. Однако в силу того, что на протяжении практически всей своей “жизни” этот жанр отличался популярностью, ему без ощутимых потерь удалось приспособиться к новой системе товарно-денежных отношений. Свидетельство тому романы “Дочь короля” (1997) И. Шкамперле (род. 1962) и “Скарабей и весталка, роман о грабителях душ” (1997) Ф. Лаиншчека (род. 1959), которые объединяет прием внедрения истории и элементов жанра фэнтези в современную фабулу. У Лаиншчека это исторические сны, которые видит и в которых одновременно проживает иную жизнь современная героиня Карла Марчлевска, у Шкамперле – две параллельно развивающиеся сюжетные линии (одна – повествующая о жизненных перипетиях профессора Триестского университета Эрнста Фабиана, другая – о судьбе алхимика XVI в. Михаэля Мейера), с помощью которых авторы ищут ответ на вопрос, что же помогло словенцам, несмотря на многовековое иноземное господство, выжить и сохранить свою национальную самобытность.

Писателям конца тысячелетия интересно то, как прошлое (и ключевые его эпизоды, и малозначительные события) преломляется в отдельной человеческой судьбе или в судьбе рода, семьи. В романе “Потухшие очаги” (1999) Б. Новак (род. 1944) касается проблемы мадьяризации Словенского Прекмурья на рубеже XIX–XX вв. К. Кович (род. 1931) в книге “Путь в Трент” (1994) предлагает читателю историю жизни своего дядюшки, свидетеля и участника Первой мировой войны. Затем внимание писателя привлекло землетрясение 14 апреля 1895 г. в Любляне. В романе “Учитель воображения” (1996), в сюжетном плане напоминающем историю мадам Бовари, оно играет роль карающей руки провидения, наказывающей героев за грех прелюбодеяния. Это же трагическое событие не оставило равнодушным Я. Вирка (род. 1962). Его дебют в историческом жанре – “1895, землетрясение: хроника нечаянной любви” (1995) – история случайной связи молодой вдовы Марии и студента Ивана Лапайнета, оказавшихся в самом центре люблянской катастрофы, где и проверяются их истинные чувства. Здесь перипетии словенского модерна – лишь фон для развертывания любви героев. Атмосферу передают исторические реалии: гимназическое общество “Задруга”, созданное поэтами модерна, художник-импрессионист Р. Якопич, второстепенные персонажи, реальные прототипы которых взяты со страниц периодики конца XIX в.

Стилизует свой текст под документ XVII в. Ф. Липуш (род. 1937) в романе “Стеснение: части еще неисследованной истории, развернутые на основе новооткрытых памятников” (1995), к прошлому одной из словенских областей – Прекмурья обращен роман Д. Кухара (1954–1998) “Прекмурская история” (1997). Продолжают работать в историческом жанре мэтры словенской исторической прозы А. Ребула (“Маранатха, или 999 год”, 1996), В. Кавчич (“Сумерки”, 1996), С. Вуга (“На спине золотой рыбки”, 1999), Д. Янчар (“Катарина, павлин и иезуит”, 2000).

В словенском историческом романе второй половины XX в. последовательно реализуется лотмановский принцип саморазвития: жанр развивается, образуя несколько ведущих жанровых модификаций, сохраняющих общую жанровую природу и обнаруживающих типологическую общность творческих поисков авторов, стремящихся изобразить прошлое в его исторической сущности. Образуя системное целое, он трансформирует топику романического, опреде-

ляющую своеобразие конкретных модификаций жанра, активно продуцирует, стимулирует жанровую рефлексию. При этом его поэтика складывается как итог поисков национальной и европейских литератур, реагирует на проблемные и структурно-стилевые коллизии мирового литературного процесса. Интерес прозаиков к художественной интерпретации национального прошлого вызван необходимостью определения стратегии развития национальной культуры. В важные для народа моменты истории литература именно в исторических романах на высоком художественном уровне воплотила идеи национального единения, политической и социальной консолидации, сопротивления внешней угрозе и патриотизма. В то же время писатели, работающие с историческим материалом, стремятся соотнести судьбу нации с судьбами других народов мира, события всемирной истории – с национальным историко-культурным контекстом. Национальная история все глубже осмысливается ими и как источник конкретного социального и духовного опыта народа, и как подтверждение всеобщности связей бытия, глобального и универсального мироустройства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990.
2. Cankar I. O slovenski literaturi // Zbrano delo. Ljubljana, 1976. Knj. 15.
3. Kozak J. Slodnjakov roman Neiztrohnjeno srce // Ljubljanski zvon. 1938. Letnik LVIII.
4. Slodnjak A. Tujec. Roman o Cankarju. Epilog. Ljubljana, 1976.
5. Moravec D. Ivan Cankar. Ljubljana, 1978.
6. Лухачев Д.С. Поэзия преобразования // Искусство кино. 1986. № 9.
7. Hieng A. Čarodej. Ljubljana, 1976.
8. Glušič H. Slovenska pripovedna proza v drugi polovici dvajsetega stoletja. Ljubljana, 2002.
9. Zupan Sosič A. Zavetje zgodbe: sodobni slovenski roman ob koncu stoletja. Ljubljana, 2003.

© 2007 г. Г. Я. ИЛЬИНА

О ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ В МУЛЬТИЛИТЕРАТУРНОЙ СРЕДЕ

(на материале югославянских литератур сербскохорватского языкового ареала)

Проблема литературной принадлежности писателя в междилитературном контексте не нова. Она имеет глубокие историко-литературные, этнические, языковые и конфессиональные корни. В определенные периоды, чаще всего под влиянием внелитературных обстоятельств, она выходит на поверхность и становится предметом острых дискуссий. Например, в середине XX в. широко обсуждался вопрос о существовании и составе австрийской литературы, с распадом СССР заговорили об отношении к русской литературе представителей национальных литератур, пишущих и на русском языке.

Для Югославии эта проблема имеет свою историю. На югославянских землях издревле жили этнически близкие народы, говорившие на одном языке или очень близких языках, но их историческое развитие протекало под воздействием различных общественно-политических и культурных факторов. Они входили в состав разных государственных объединений, причем нередко воюющих между собой, что позднее не раз осложняло их отношения. На долю одних выпало многовековое австрийское, других – османское господство. Все это определяло конфигурацию возникающего культурного контекста и систему существовавших в нем внутренних связей. XX век с его двумя мировыми войнами, гражданской войной, революционными преобразованиями обернулся для югославянских народов неоднократными изменениями политического устройства, господствующих идеологий и межнациональных взаимоотношений. И лишь конец его принес им долгожданную национальную государственность. Политические и социальные катаклизмы, сотрясавшие страну на протяжении столетия, практически напрямую отражались на межнациональных отношениях и соотношении действующих внутри культурного пространства центростремительных и центробежных тенденций. Но так как переходы от одной эпохи к другой были не спокойными, а происходили в виде взрывов, приводивших к серьезным разломам в общественном и художественном сознании, то на искусство, в том числе, а иногда и в первую очередь, на литературу, ложилась задача сохранения национальной идентичности, сохранения национальных традиций и культурной преемственности.

Ильина Галина Яковлевна – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Первая мировая война разрушила культурное пространство Австро-Венгрии, которое составляли и югославянские народы. В своих размышлениях о причинах гибели австро-венгерской государственности Стефан Цвейг обратил внимание на очень существенный момент. “Баланс между разными национальностями, – пишет он, – не был найден. – В Австрии руководство не поняло путь национализма” (цит. по [1. С. 7]) (в данном случае, Цвейг приравнивал национализм к патриотизму и видел в нем позитивное начало). Надо сказать, что не поняло его и руководство первой и второй, да и третьей, Югославии. Результат был тот же.

С образованием Королевства сербов, хорватов и словенцев складывается новый многонациональный литературный контекст. Вошедшие в него народы впервые оказались в пределах одной государственной системы, где для большинства населения практически не нужен был язык-посредник. В таких условиях художественное произведение одной литературы могло стать частью литературного контекста другой. Прежде всего это касалось сербскохорватского пространства, которое расширялось за счет того, что знание сербского языка, ставшего в королевстве государственным, было обязательным для многих слов населения. Писателям, художникам, музыкантам театральным деятелям не надо было теперь пересекать государственные границы, они свободно могли мигрировать из одной культурной среды в другую и относительно быстро в ней адаптироваться. Возрастала возможность прямых контактов, участия в совместных литературных и художественных акциях, творческих объединениях и изданиях. Примером может служить возникновение в конце 1920–1930-е годы общегославского литературного движения, получившего название “социальная литература”, а затем “социальный реализм”. Своими недолговечными из-за цензурных препон изданиями, которые сменяли друг друга и выходили в разных городах страны, оно объединяло писателей революционной и левой ориентации по всей Югославии. Но вместе с тем в одном государстве сошлись народы, хотя и этнически родственные, но развивавшиеся в отличных исторических и культурных условиях, придерживавшиеся разного вероисповедания и опиравшиеся на разные культурные традиции, что и предопределило своеобразие облика каждой нации, ее художественное творчество и отразившуюся в нем национальную ментальность. Иными словами, в сложившихся литературных общностях разграничения шли не только по конфессиональным признакам, но и по эстетическим. На территории Королевства СХС в конгломерате этносов, религий и культур столкнулось несколько культурных потоков. Один из них составляли преимущественно католические земли – это Хорватия, Словения, Воеводина, формировавшиеся под воздействием цивилизационной среды латинского Запада. Они испытали немалое латинское, итальянское, а позднее австро-немецкое воздействие. Другой поток составляли Сербия, Черногория, Македония, земли православные, тяготевшие к Византии, а затем к России и ее культуре, к тому же македонскую культуру теснейшие узы связывали с культурой болгарской. Третья составляющая – османское, и шире, ориентальное влияние. Оно в наибольшей мере ощущалось у мусульман Боснии и Герцеговины (долгие годы их литература создавалась на турецком, арабском и персидском языках), в меньшей мере оно сказывалось на составлявших второй культурный поток сербах, черногорцах, македонцах, сохранивших православные основы своей культуры и литературы (см. [2. С. 11–37]). Эти культурные потоки находились в поле противодействия центростремительных, общегославских и комплементарных, взаи-

модополняющих сил, с одной стороны, и центробежных, дифференцирующих, направленных на отстаивание национальных прав в борьбе с унитаристской политикой “интегрального югославянства” – с другой. Соотношение сил было весьма неустойчивым, то одни из них, то другие брали верх, приводя всю систему на грань распада или существенно меняя ее характер.

В этом отношении ситуация была сходной и во второй, социалистической, Югославии с ее единой идеологической системой. В ней в еще большей степени возросла роль внешнеконтактных связей, как личных, так и на уровне республик. Общеюгославское культурное пространство не было лишь ширмой официальной политики. Оно действительно существовало, проявляясь в межнациональных встречах, фестивалях, изданиях книг, совместных журналов. Государственными были признаны три языка – сербскохорватский или хорватскосербский, словенский и македонский. Широко действовала комплементарная функция, способствовавшая культурному взаимообогащению и быстрому преодолению отставания некоторых народов в той или иной области. Так в ускоренном развитии македонской литературы после 1945 г. благотворную посредническую роль сыграла сербская литература (см. [3]). Все эти факторы приводили к сближению, перекрещиванию и даже в отдельных случаях к смыканию разных литературных явлений. Интеграционный процесс принимал самые многообразные формы. Среди них были и такие, которые получили название “билитературного (или полилитературного) существования” [4. С. 254].

И все же, в всех благоприятных для межнациональных отношений условиях и влияния интеграционных тенденций, постепенно их роль уменьшалась, уступая место тенденциям дифференцирующим. Жесткая идеологическая и культурная унификация, приводили к тому, что национальное противостояние усиливалось и со второй половины 1960-х годов приняло открытый массовый характер. Разъединительные тенденции вели к откату от общеюгославской идеи, которая зачастую отождествлялась с возобладавшей в югославской федерации унитарной идеологией, и к трансформации естественного внимания к национальным историческим, культурным и языковым традициям в стремление к национальному обособлению. Альтернативой существующему положению, идеологии классовой борьбы и лозунгу “братства и единства” выдвигалась идеология “этнического ренессанса”, во внедрении в общественное сознание которой художественной литературе и гуманитарным наукам принадлежала немалая, если не ведущая, роль. Этот процесс захватил не только сербскую, хорватскую и словенскую культуру и, в первую очередь, литературу, но практически все культуры Югославии. Особую остроту он приобрел в Хорватии в связи с появлением “Декларации о названии и положении хорватского литературного языка” (1967). В 1970-е годы становится заметным и оформление “боснийско-герцеговинской литературы как национально-самостоятельной части, по сути дела, мусульманской литературы, выразившей официально конституирующуюся мусульманскую нацию” [5]. Тогда же начинается “деление” многих спорных с точки зрения национальной литературной принадлежности писателей по национальным литературам. С годами эта тенденция не ослабевает, ее интенсивность возрастает в 1990-е годы в независимых государствах, возникших на территории бывшей СФРЮ. Безусловно, решающее влияние на смену приоритетов во всех сферах общественной и культурной жизни оказала изменившаяся политическая, социально-экономическая и идеологическая ситуация. Не обошлось и без “перехлестов”, в том числе и в национальных вопросах. Поэтому так важно,

затрагивая столь болезненные темы, оставаться в их освещении в рамках научных подходов.

Об актуальности в последнее десятилетие самой проблемы в области литературы говорит факт явной активизации таких жанров, как история национальной литературы, литературные энциклопедии, лексиконы и биобиблиографические словари с присущей им функцией носителя коллективного национально-го опыта и национальной памяти. Причем обращение к подобного рода изданиям было вызвано не только необходимостью укрепления национального самосознания на новом этапе существования народа и поддержания рождающейся новой мифологии. В не меньшей мере, а со временем и в большей, оно было связано с процессами глобализации, с опасностью для национальной литературы расширяющегося процесса интернационализации культуры и литературы, проникновения в нее унификаторских, “приводящих к все более концентрированному единообразию” тенденций, которые подрывают их самобытные традиции и приводят “к оскудению, связанному с культурой, которая лишена историчности” [6. С. 123–129]. В научном сообществе нет сомнения в том, что истории литератур нужны (как и литературные энциклопедии). Вопрос в том, как их писать. Так определили свою задачу словенские ученые, проводившие международную конференцию на эту тему в Любляне в 2003 г. [7]. Таким же вопросом задались и участники московской международной конференции, озаглавившие публикацию ее материалов “Другие истории литературы” [8]. С пропагандистами “других” историй литературы в журнале “Вопросы литературы” вступил в полемику русский ученый И. Шайтанов [9].

В данной статье мы не можем касаться сути развернувшейся дискуссии. Обратим только внимание на актуальность выработки методологических подходов в создании трудов по истории национальной литературы и соответствующих лексиконов. Выделим лишь одну проблему, которая стала весьма важной для истории югославянских литератур. А именно, проблему билитературного (полилитературного) существования литературы и билитературных писателей.

Начнем, на наш взгляд, с очень характерного примера, имеющего прямое отношение к интересующей нас проблеме.

В 1999 г. в сокращенном виде, а в 2004 г. полностью была опубликована переписка известного хорватского писателя, жившего в Хорватии серба Владана Десницы (1905–1967) с Матицей Хорватской. В связи с подготовкой серии “Хорватская литература в 120 книгах” (позднее она выросла до 500 книг) в 1961 г. секретарь Матицы Хорватской Й. Хорват обратился к Деснице с вопросом, каким он себя считает писателем – сербским или хорватским. От его ответа зависело, включать его произведения в эту серию или нет. Десница ответил, что считает себя югославским писателем. Последовало второе письмо от Матицы, подписанное видным хорватским филологом И. Франгешем, в котором тот уточнил вопрос, разъяснив, что живущие в Хорватии и в “хорватской литературной среде” писатели-сербы (кстати, их было немало, например Григор Витез, Владимир Попович, Воин Елич) сами определяют свою литературную принадлежность, что предлагается сделать и Деснице. На этот раз писатель развернул свою позицию. «Когда я говорю, что считаю себя югославским писателем, – пишет он, – я тем самым полагаю, что я и хорватский и сербский писатель. Предлагаемая Вами жесткая альтернатива “или хорватский или сербский”, по сути, означает: “если хорватский, то не сербский” и наоборот. А это как раз полностью противоречит моему мнению. Правда, принадлежность к обоим ли-

тературам не может рассматриваться как общее правило, большинство наших писателей относится к той или иной литературной среде: абсурдно было бы утверждать, что, например, Джальский и сербский писатель, а Бора Станкович и хорватский. Но не в меньшей степени правдой является и то, что есть известное число писателей, которые по своим взглядам и своему творчеству принадлежат к обеим литературам, ощущая себя в каждой из них “как дома” и воспринимая каждую среду как свою. Достаточно из писателей прошлого назвать Матавуля. Но, если практическая ситуация, как, например, та, о которой идет речь, требует такого разделения, то повторяю – нет никаких препятствий для включения меня в хорватскую литературную среду, так как собственно я уже давно в ней нахожусь, и мог бы привести немало подтверждений. Вам, конечно, известно, что мою первую книгу рассказов в серии “Современные хорватские писатели”, причем с моего согласия, издала именно Матица Хорватская... В конце концов, в этой ситуации для меня самым важным является не то, будет ли мое произведение включено в какое-нибудь издание или не будет включено ни в одно из них. Я твердо знаю, что в моей позиции по этому вопросу никогда нельзя будет обнаружить ни малейшего намека на противопоставление разных народов, на узость взглядов или шовинизм. А это для меня куда важнее» [10. С. 128].

Из приведенной переписки следует несколько очень важных выводов.

Обратим внимание на даты возникновения переписки и ее публикации. Они подтверждают хронологию периодов обострения национального самочувствия. Но наиболее существенным моментом, которого касается Десница, является отмеченная им его глубинная связь с двумя национальными культурами, основанными на двух ветвях христианской религии и сформировавшимися в разных культурных ареалах. Проблема очерчена достаточно четко – есть писатели, чье творчество может рассматриваться в двух и более литературах, а принадлежность к одной из них не исключает значительной роли для другой. Примеры такого явления хорошо известны в прошлом – словенец Станко Враз, ставший активным деятелем хорватского национального движения и перешедший на хорватский язык, на котором он создал лучшие свои произведения, болгаро-македонские деятели культуры, творчество П.П. Негоша, неотделимое от черногорской и сербской литератур. В XX в. число подобных явлений многократно увеличивается. Этому в большей степени способствовали политические катаклизмы, на которые был так богат прошлый век, эмиграции, переселения внутри Югославии (и королевской, и социалистической), идеологические и культурно-исторические влияния.

Еще один очень важный вопрос, вытекающий из приведенной переписки Десницы с Матицей Хорватской. Он называет себя югославским писателем, полагая под этим свою билитературную принадлежность к сербской и хорватской литературам и подчеркивая тем самым некую наднациональность существующей межлитературной общности. Заметная аналогия с понятием “советская” в отношении к литературе и “советский” – к писателям СССР имеет некоторые основания. Но между ними существуют и явные отличия. В определении “югославская литература” и “югославский писатель”, кроме государственно-идеологического признака, есть еще и указание на этническую близость литератур и писателей и тем самым большую их взаимосвязанность. Помимо этого понятие “югославский писатель” употреблялось еще и для обозначения масштаба деятельности того или иного литератора. Так, известный современный хорватский историк литературы К. Немец считает справедливым рассмотрение творчества

писателей типа Иво Андрича и Мирослава Крлежи как писателей югославских, так как по масштабу таланта и значению их творчество выходит за пределы одной литературы [11. С. 189]. Но сейчас речь идет о другом – о том, на что обратил внимание Десница, говоря о тех писателях, деятельность которых может относиться к двум литературам. Он также прав, отмечая, что принадлежность к двум литературам не может рассматриваться как общее правило. Скажем, хотя хорватские писатели Тин Уевич и Мирослав Крлежа подолгу жили в Белграде, а Уевич и в Сараеве, современный боснийский прозаик и театровед Джевад Карахасан в настоящее время живет в Австрии, продолжая между тем сотрудничать в сараевских и загребских изданиях и публикуя свои произведения в Боснии и Хорватии, вопрос об их литературной принадлежности не встает. А вот в отношении И. Андрича, М. Селимовича, Р. Зогиича, М. Лалича, того же Десницы и некоторых других возникает. С основанием или без оногo.

Существование югославянских литератур и в прошлом, и в настоящем являет большое многообразие форм межлитературных общностей. Как уже говорилось, на определенных этапах историко-литературное развитие некоторых из них происходит в теснейшем взаимодействии, которое приводит к взаимопроникновению, а то и смыканию литературных процессов. Оно, к примеру, было характерно для черногорской и сербской литератур, между тем интенсивность такого литературного взаимодействия в разные периоды была неодинакова. В то же время, осознание этнической общности, языковое единство, наличие, кроме типологического сходства, большого количества контактных связей приводили к взаимодополнению литературных ценностей и образованию межлитературной общности с общим литературным контекстом, для которой появление билитературного процесса и билитературных писателей нередкость. Творчество таких писателей принадлежит одновременно обеим литературам, являясь органической, неотъемлемой частью каждой из них. Ярчайшим примером в XIX в. являются произведения черногорского владыки П.П. Негоша, в XX в. – Р. Зогиича и М. Лалича. Но при этом важно учитывать, напоминает Д. Дюришин, что «билитературные писатели “живут” в каждой из этих литератур “иначе”, сообразно их месту и значению в данной литературе» [4. С. 249].

Особая ситуация сложилась в Боснии и Герцеговине, где в мультиэтнической и мультиконфессиональной среде возникли три основные славянские национально-литературные общности со своими эстетическими системами – сербов, хорватов и боснийских мусульман, которые напрямую были связаны с религиозной принадлежностью, определявшей и их национальную идентификацию. В строго научном плане, – пишет Е.К. Вяземская, – “речь идет о трех этносоциальных и этноконфессиональных национальных общностях, общим для которых было славянское происхождение и в известной мере язык” [12. С. 112]. С XIX в., отделяя себя от славян-иноверцев и прочих мусульман, боснийские мусульмане стали называть себя “босняками” или “бошняками”, в социалистической Югославии слова “мусульманин”, “мусульманский” определяли национальность, а не только религиозную принадлежность [13. С. 331], а с 1980-х годов возрождается самоназвание “бошняки”. Боснийский ученый М. Ризвич отмечает, что с последней трети XIX в. у боснийских мусульман растет самосознание их славянской сущности, они становятся более открытыми в отношении с другими славянскими этническими группами и их литературами, а те, в свою очередь, устанавливают более тесные и плодотворные контакты с литературами Сербии и Хорватии [14. С. 7, 23]. С того времени в этой многонациональной ли-

тературной среде также наблюдаются условия для появления билингвальных писателей.

Выявляя особенности бытования подобных писателей в той и другой литературе, прежде всего нельзя затенять их билингвальность. Надо учитывать, что двойная литературная принадлежность может быть как диахронной, проявляясь в разные периоды (примеры – С. Враз, И. Андрич, М. Селимович), так и синхронной – т.е. осуществляясь в одновременном участии в развитии двух литератур (П.П. Негош, Х. Кикич, Р. Зогинович, тот же В. Десница).

И все же, признавая роль и значение того или иного писателя для двух литератур, иногда (в частности в истории национальной литературы или литературной энциклопедии) *возникает вынужденная необходимость выделять национальную доминанту его творчества при полном понимании неизбежных упрощений*. Перед проблемой выработки основных критериев для определения этой доминанты оказываются исследователи любого многонационального контекста. Сошлемся на опыт редколлегии библиографического словаря “Русские писатели XX века”, которой пришлось дать ответ на вопрос, входят ли в корпус русской литературы “двуязычные” литераторы, работающие в пространстве русского языка и литературы, такие, как Г. Айги, В. Быков, Ч. Айтматов и др. “Многие их тексты, – пишет в предисловии к словарю профессор П.А. Николаев, – создавались на русском языке, их вклад в русскую литературу и вообще в русскую культуру весьма значителен. Но главный источник их творчества ... в национальной духовной стихии: чувашской, белорусской, киргизской и т.д. Они, как правило, и начинали писать на родном языке, и предметом их повествования была жизнь... национальной родины. Поэтому в современном художественном мире они, прежде всего, представляют свою национальную литературу. Примеры В. Набокова и И. Бродского не опровергают этого положения: основные начала их творчества – в пределах специфически русских художественных феноменов” [15. С. 6]. К этому рассуждению П.А. Николаева стоит добавить размышления азербайджанского писателя Ч. Гусейнова, пишущего на двух языках – азербайджанском и русском. Признавая, что «хотя и русский – родной язык моего творчества: “Семейные тайны”, “Директория Igra”, “Доктор №”, “Не дать воде пролиться из опрокинутого кувшина” бытуют на русском языке и могут быть, думается, отнесены к русской литературе», “я, – пишет он, – субъективно не ощущаю себя русским писателем” [16. С. 253].

Для югославянских литератур сербскохорватского лингвистического пространства вопрос осложняется отсутствием одного из главных разграничителей – языка, который для них в такой роли, как для тех литератур, о которых говорят П. Николаев и Ч. Гусейнов, выступать не может. Соответственно идут поиски других критериев.

Размышляя над спецификой боснийско-герцеговинской литературы и протестуя против сведения ее национального своеобразия к восточной экзотике, фольклоризму и турцизмам в языке, ученые Боснии и Герцеговины выделяют разные критерии. Наиболее сложным оказался вопрос о литературе боснийских мусульман в СФРЮ. Лишь к 1970-м годам в комплексе литератур Боснии и Герцеговины стала выделяться ее боснийско-мусульманская составляющая. Но трудность заключалась в том, что многие писатели этой республики жили вне ее границ и в той или иной форме принимали участие в литературной жизни других республик. Одним из главных критериев принадлежности к литературе бошняков стало называться постоянное проживание в республике, потом к не-

му добавилось сохранение связей с ней (в случае проживания в других областях Югославии), членство в союзе писателей и сотрудничество в периодических изданиях. Хорватскими учеными выдвигались другие критерии. Например, в “Лексиконе хорватской литературы” включение в него Иво Андрича объяснялось тем, что, “перейдя на сербский язык и войдя в сербскую литературную жизнь”, писатель сохранил “языковые, стилевые, тематические и философские компоненты хорватского наследия” [17. С. 13].

В конкретных случаях может быть очень существенен любой из названных признаков, но в определении национальной литературной доминанты творчества писателя, на наш взгляд, нельзя абсолютизировать ни один отдельно взятый критерий. Лишь совокупность всех или нескольких из них в их взаимозависимости, образующей систему координат, позволяет отнести творчество писателя к той или иной национальной литературе, что, однако, нисколько не умаляет его роли (если она была) для другой. Среди важнейших признаков мы выделили бы следующие.

1. Родной язык, выдвигаемый всеми исследователями на первое место. Но для югославян и с ним не все так просто. То обстоятельство, что их языки относятся к одной лингвистической группе, безусловно, облегчало переход с одного языка на другой (когда в этом была необходимость). Если для словенцев и македонцев в отношении к сербскому и хорватскому языкам, как и для тех советских писателей, о которых говорят П. Николаев и Ч. Гусейнов в отношении к русскому, язык выступает главным разграничителем, то для языков сербскохорватского ареала он в полной мере таковым не является. Но именно в полной мере, так как отличия лексические, фонетические и стилистические существуют и в определенных исторических условиях начинают играть существенную роль, как это происходит в возникших на территории СФРЮ независимых государствах. Эти отличия во многом обусловлены, как отмечает Н.И. Толстой, тем, что процесс формирования литературных языков и литератур югославянских народов происходил различными темпами и притом в условиях разного двуязычия. У сербов, черногорцев (и болгар) двуязычие было гомогенным: древнеславяно(церковнославяно)-сербским (и болгарским). У хорватов и словенцев – гетерогенным: латино-, итальяно-, немецко-хорватским и словенским. У хорватов еще и венгеро-хорватским [18. С. 126]. Для литературного языка боснийских мусульман не прошло бесследно существование литературы на трех ориентальных языках и ее переход к народному языку через арабицу (арабскую азбуку). На разных этапах развития все эти факторы в той или иной степени накладывали отпечаток на восприятие своего языка в отношении к другим югославянским языкам (см. [19]). Н.И. Толстой обратил внимание еще на одно явление, становящееся все более заметным в сербоязычной среде в последней трети прошлого века. В ней, пишет он, начиная с 1970-х годов, “появились писатели, пишущие на родных черногорских диалектах” и приводит в пример творчество известного поэта Матии Бечковича. Толстой называет этот процесс формированием “малых литературных языков” [20. С. 505]. В новых югославянских государствах в силу политических факторов этот процесс приобретает все более широкий и глубокий характер.

2. Место рождения, этническая и конфессиональная среда воспитания и формирования личности, роль народного творчества в этическом и эстетическом мировосприятии.

3. Живленность в литературную среду как внешняя (участие в выборных органах, литературных организациях, периодических изданиях), так и внутренняя (принадлежность или близость к литературным группам, направлениям, определенным эстетическим нормам).

4. Национальная самоидентификация. Многие исследователи считают этот признак определяющим. Он действительно очень важен. Но при всей его значимости, нельзя не принимать во внимание, что в авторитарных, а тем более тоталитарных, государствах на субъективное решение писателя оказывались внелитературные влияния. Могли играть роль и сугубо личные причины, не имеющие никакого отношения к литературе.

5. Нисколько не умаляя бесспорной важности вышеназванных признаков, наиболее существенной константой нам представляется ментальность человека, в формировании которой участвовали те факторы, о которых говорилось выше. Она проявляется в тематике, художественной форме произведения, связи творчества с литературными традициями, региональными, этническими чертами вне зависимости от места проживания писателя, а иногда и от литературной самоидентификации.

Приведу несколько, на наш взгляд, очень показательных примеров. Иво Андрич (1892–1975) родился в Боснии в католической семье, там провел детство и школьные годы, высшее образование получил в Загребе, Вене и Кракове. В Загребе, в альманахе “Хорватская молодая лирика” (1914), началась его литературная деятельность, он становится членом Общества хорватских писателей. За участие в антиавстрийском движении в годы Первой мировой войны сидел в тюрьме, где были написаны его первые книги, изданные в Загребе в 1918 и 1920 гг. После окончания войны Андрич, будучи активным сторонником югославизма, переезжает в Белград, поступает на дипломатическую службу и активно включается в литературную жизнь столицы. В 1961 г. получает Нобелевскую премию. Сейчас на него претендуют три литературы. Да, в начале литературного пути по типу творчества, особенностям стиля и языка, эстетической близости экспрессионизму, получившему в Хорватии большое распространение, его можно рассматривать как хорватского писателя. Безусловно и то, что этот опыт не прошел для него бесследно. Потом он стал сербским писателем, одним из тех, кто определял развитие сербской литературы, но и не только ее, что не отрицает его первоначальной принадлежности к хорватской литературе. Влияние творчества Андрича ощущается в произведениях многих писателей из других югославянских литератур. Экзотический мир Боснии стал для него моделью человеческого существования, но, превосходно владея самим материалом, он описывал его с позиций человека иной, христианской, европейской культуры и мировоззрения. Для Андрича этот мир был интересен не только и не столько сам по себе, сколько как прообраз человеческого общежития людей и народов разного миропонимания.

Иное дело Меша Селимович (1910–1982), родившийся в потомственной семье боснийских бегов. Хотя он и провозгласил себя сербским писателем, пробыв много лет до этого боснийским и занимая в своей республике видные общественные и литературные посты (он был директором киностудии “Боснафильм”, директором драматической труппы в Народном театре Сараева, был избран академиком Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины), он остался представителем боснийской культуры. Мир прославивших его романов “Дервиш и смерть” и “Крепость” – это мусульманский мир Боснии, его психоло-

гия, этика, бытовая культура, раскрытые глазами мусульманина (не с религиозной, а с этнической точки зрения), т.е. описанные им изнутри. Это, однако, несколько не исключает того, что Селимовичу, писателю второй половины XX в., была близка философская модель экзистенциализма. Ему принадлежит заслуга преобразования жанровой структуры романа, что чрезвычайно плодотворно сказалось на развитии и сербской, и боснийской литератур.

Боснийский поэт Мак Диздар (1917–1971), как и Селимович, выходец из старинной мусульманской семьи. Он постоянно жил в Сараеве, продолжая участвовать в литературной и общественной жизни республики (редактор сараевской газеты “Oslobođenje”, 1949–1953, литературного журнала “Život”, 1964–1971), определился как хорватский писатель. При том, что, несомненно, надо уважать это решение Диздара (видимо, у него были на то причины), изучая его творчество, приходишь к выводу, что вся образность художественного мира его поэзии связана с традициями старой и новой боснийской мусульманской литературы (сборник стихов “Спящий в камне”, 1966). Включая статью о Диздаре в “Лексикон хорватской литературы”, ее авторы отмечают, что поэт, сохранив красоту архаики, чистоту языка, как отправные точки традиции, показывает, как культура его родного края “со своим языком и цивилизационным контекстом, не потеряла континуитет после турецкого завоевания, когда с исторической сцены ушли боснийские короли и вельможи”. В заключительной же фразе статьи они делают знаменательный вывод: “Неоспоримое место Диздара в хорватских антологиях не исключает того, что в широком смысле слова его творчество в целом способствовало эмансипации мусульманского бошнячества” [17. С. 68, 69]. Не отрицая значения поэта для хорватской литературы, нам кажется невозможным исключение его из литературы бошняков. Пожалуй, в XX в. никто лучше Диздара, великолепного знатока средневековой боснийской мусульманской литературы (ему принадлежит фундаментальный труд “Древние боснийские тексты”, 1969, и антология “Старые боснийские эпитафии”, 1961), и Диздара-поэта не выразил духа мусульманской Боснии и его эволюции. Современный историк хорватской литературы С. Просперов Новак прав, придя к выводу, что “после смерти поэт комфортно расположился в двух литературах параллельно, в бошняцкой и хорватской” [21. С. 168].

То же можно сказать о творчестве черногорцев М. Лалича (1914–1993) и Р. Зоговича (1907–1986), после Второй мировой войны живших постоянно в Белграде и принимавших активное участие в его литературной жизни, но при этом не порывавших связей со своей родиной. С ней теснейшим образом связан и художественный мир их произведений, причем не только тематически, но именно с ее менталитетом. Характеры их героев национально четко выражены, даже стиль произведений отражает черногорскую образность, основанную на сложившихся в особых исторических условиях народных представлениях о природе, человеке и их взаимоотношениях. У обоих сильна опора на народное творчество. Оба называли себя черногорскими югославскими писателями, хотя некоторые литературоведы включают их только в сербскую литературу. Между тем определенность литературной принадлежности несколько не исключает признания ими опоры на более богатые литературные традиции сербской литературы и своего творческого вклада в обогащение двух литератур.

Понимая всю дискуссионность своих рассуждений на столь острую и во многом болезненную проблему, думаю, что чем более широким будет на нее наш

взгляд, чем реже будут выдвигаться жесткие нормативы, тем с меньшими потерями она будет решаться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зигль В.* Обращение к участникам конференции // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997.
2. *Липатов А.* Живая древность. Славянские культуры: общеевропейские закономерности и национальная специфика // История литератур западных и южных славян. М., 1997. Т. I.
3. *Шешкен А.Г.* Македонская литература XX века. Генезис. Этапы развития. Национальное своеобразие. М., 2007.
4. *Дюришин Д.* Теория сравнительного изучения литератур. М., 1979.
5. *Књижевна реч.* Београд. 1994. 25 мај.
6. *Ауэрбах Э.* Филология мировой литературы // Вопросы литературы. 2004. № 5.
7. *Kako pisati literarno zgodovino danes?* Ljubljana, 2003.
8. Новое литературное обозрение. М., 2003. № 59.
9. *Шайтанов И.* Дело № 59: НЛЮ против основ литературоведения // Вопросы литературы. 2003. № 5.
10. *Rapo D.* Književnost i nacionalno svrstavanje // Zbornik radova o Vladanu Desnici. Zagreb, 2004.
11. *Nemetec K.* Andrić u procesu razdruživanja // Republika. Zagreb, 1992. № 11–12.
12. *Вяземская Е.К.* (при участии *А.В. Карасева*). Конфессия и национальность в историческом развитии Боснии и Герцеговины // Роль религии в формировании южнославянских наций. М., 1999.
13. *Фрейдзон В.И.* К истории боснийско-мусульманского этноса // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.
14. *Rizvić M.* Panorama bošnjačke književnosti. Sarajevo, 1994.
15. *Николаев П.А.* Предисловие // Русские писатели XX века. Библиографический словарь. М., 2000.
16. *Гусейнов Ч.* Русскость нерусских // Вопросы литературы. 2006. № 2.
17. *Bogišić V., Čale Feldman L., Duda D., Matičević I.* Leksikon hrvatske književnosti. Zagreb, 1998.
18. *Толстой Н.И.* Культурно-исторические предпосылки образования национальных литературных языков (на материале сербохорватского, болгарского и словенского языков) // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.
19. *Станишич Й.* К проблеме двуязычия и многоязычия в литературах южных славян (из истории литератур Сербии, Хорватии, Черногории) // Многоязычие и литературное творчество. Л., 1981; *Рыжова М.И.* Немецкие стихи словенских поэтов в контексте развития словенской национальной литературы (XIX в.) // Многоязычие и литературное творчество. Л., 1981.
20. *Толстой Н.И.* Новый славянский литературный микроязык? // *Толстой Н.И.* Избранные труды. Т. II. Славянская литературно-языковая ситуация. М., 1998.
21. *Prosperov Novak S.* Povijest hrvatske književnosti. Zageb, 2004. Т. III.

© 2007 г. Ю. А. КРИВОЩАПОВА

ОБ ОДНОЙ СИМВОЛИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ В СЛАВЯНСКОЙ НАРОДНОЙ ЭНТОМОЛОГИИ

В центре нашего внимания находятся славянские обозначения насекомых, имеющие “животное” происхождение, т.е. возникшие на базе зоонимов путем семантического переноса “животное → насекомое”¹ (рус. литер. *божья коровка* ‘жучок красной, желтой или белой окраски с черными пятнышками’ [2. Т. I. С. 103], *кобылка* ‘название ряда насекомых сем. саранчовых’ [2. Т. II. С. 64], *медведка* ‘насекомое отряда прямокрылых с покрытым короткими бархатистыми волосками телом, живущее в земле и являющееся вредителем сельскохозяйственных культур’ [2. Т. II. С. 242], рус. диал. *богова коровка* ‘божья коровка’ [3. Вып. 3. С. 48], *боговушкин конёк* ‘кузнечик’ [4. Вып. 2. С. 44], *кóззлики* мн. ‘навозные жуки’ [5], *волчók* ‘насекомое медведка’ [3. Вып. 5. С. 82], польск. литер. *boża krówka* [6. S. 63], *konik polny* ‘кузнечик’ [6. S. 353], польск. диал. *dziubry* ‘вши’ [7. S. 175], кашуб. *vodnã krova* ‘насекомое *Dytiscus marginalis*’ [8. Т. VI. S. 95], *piesek Pana Jezusa* ‘насекомое кошениль’ [9. Т. IV. S. 96] и проч.). Основной массив материала представлен русской и польской диалектной энтомологической лексикой; кроме того, выборочно приводятся энтомосемизмы других славянских и некоторых романских и германских языков.

Подобная “зоолого-энтомологическая” модель существует во всех славянских языках и неразрывно связана с универсальным механизмом называния насекомых по аналогии с более крупными животными. Поэтому в задачи данной статьи входит не только характеристика выделенной модели с точки зрения состава реализующих ее фактов и их мотивации, но также попытка проследить на примере славянских “животных” обозначений насекомых логику формирования связей между такими разными представителями фауны, как насекомые и крупные млекопитающие (домашний скот, дикие животные и др.). Для того чтобы охарактеризовать внутреннее наполнение рассматриваемой модели, представим своего рода идеографическую классификацию, основанную на вы-

Кривошапова Юлия Александровна – аспирантка кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А.М. Горького (Екатеринбург).

Работа выполнена при содействии Фонда поддержки науки “Касса Йозефа Мянковского” (Варшава).

¹ Выделяя подобную модель, мы ориентируемся на народную зоологическую систему координат, согласно которой насекомые не входят в класс животных, а образуют отдельную группу **насекомые**, входящую в более крупный раздел **гады** и противопоставленную животным на основании таких особенностей, как маленький размер и множественность, подробнее об этом см. [1. С. 273].

явлении тех видов животных, наименования которых служат отправной точкой в создании энтомосемизмов. Выделяются три основных класса животных, “участвующих” в рассматриваемом номинативном процессе, – это домашние животные, дикие животные и птицы.

Домашние животные

Скот

Наиболее активной “донорской” сферой для зоологических наименований насекомых во многих славянских и европейских языках являются обозначения опытных животных – в основном это видовые определения домашнего скота.

Со структурной точки зрения “скотские” наименования насекомых, как и другие “животные” обозначения, подразделяются на три группы: однословные номинации (*козел, конек, кобылка*), двукомпонентные разложимые словосочетания (укр. *конік дикі*, польск. *koniczek polny* ‘кузнечик’) и двукомпонентные фразеологизированные образования, которые, как правило, соответствуют схеме: «прилагательное “божий” + деминутив от наименования животного (*конек, коровка*)» ср. *божья коровка, божий конек, богова лошадка* и проч.

Прокомментируем семантику “божьих” названий.

На традицию обозначения диких животных и насекомых как “божьих”, т.е. принадлежащих Богу, указывал В.Н. Топоров, приведя ряд примеров: лтш. *diēva suns* (букв. “божья собака”) ‘волк’; рус. *божий олень* ‘дикий олень’; *божий мед* ‘мед диких пчел’ и проч. [10. С. 274–275]. И. В. Родионова считает возможным поставить в данный ряд, как образованные по этой же модели, номинации *божья/богова коровка; богова муконька/мушка*, а также *богов/божой конек/божий коник/коничек/конек* ‘насекомое кузнечик’ [11. С. 155]. Сфера Бога в данном случае рассматривается как неосвоенная, чуждая человеку. В определении *божий* для животных подчеркивается идея локализации в божьем, т.е. не освоенном человеком, диком мире, таким образом, срабатывает модель *божий = дикий*.

Отметим, что в народной энтомологической системе “божественные” насекомые, помимо идеи дикости, безусловно, наделяются семантикой чистоты и сакральности, противопоставляясь при этом нечистым насекомым, принадлежащим дьяволу или черту. Это противопоставление осуществляется и на уровне языка (рус. *божья угодница* ‘пчела’, польск. *boży robak* ‘пчела’ [1. С. 448], *Pana Boga muraski* ‘муравьи’ [12. Т. XXXXII. S. 318], но рус. *чёрт* ‘личинка стрекозы, используемая как нажива при ловле рыбы’ [13. Вып. 10. С. 56], *чёртушкова вошь* ‘навозный жук’ (онеж.) [14]², укр. *чёртик* ‘стрекоза’ [1. С. 523]) и на уровне различных поверий и этиологических легенд, связанных с насекомыми, ср. польскую легенду: «Пан Бог сотворил пчелу. Дьявол за этим подсмотрел и сказал: “Я тоже могу такое сотворить”. “Твори”, – сказал ему Бог. Но дьявол не мог никак сотворить пчелу, только сотворил осу. Потом пан Бог сотворил шмеля, а дьяволу казалось, что он тоже сможет, но он сотворил шершня. Это тоже творения дьявольские: коза, оса и шершень» [16. S. 385].

² Во Владимирской губ. раков считали *чёртовыми вшами* и не употребляли в пищу, в Новгородском уезде их также называют *чёртовы вши* и не только не едят, но даже смотрят на них с омерзением [15. С. 160].

Что же касается “животного” компонента рассматриваемых энтомосемизмов, то выделяются следующие обозначения домашних животных, встречающиеся в наименованиях насекомых (подобных номинаций достаточно много, поэтому приведем лишь некоторые примеры):

к о р о в а (рус. *бо́гушкова коро́вушка* ‘божья коровка’ [4. Вып. 2. С. 46], польск. *boża krówka*, болг. *божа кравица*, ср. также литов. *dīėvo karvytė* ‘божья коровка’, франц. *bête à bon Dieu* ‘божья коровка’ (букв. “скотина Господа Бога”) и т.д., ср. испан. *vaquita de san Antón* (букв. “коровка святого Антония”) ‘божья коровка’ [17. С. 779]);

в о л (польск. *czzerwone woły* (букв. “красные волы”) ‘гниды’ [9. Т. I. S. 282], ср. также некоторые неславянские “воловы” обозначения божьей коровки’: рум. *Boul-lui-Dumnezeu, Boul-Domnului* (букв. “божий вол”), фр. *buou dè noueste ségné* (“поповский вол”), исп. *Buey de Dios* (“поповский вол”), итал. *boeto* (“поповский вол”), нем. *Härrgodisken, Herrgottsöchslein* (“поповский вол”) [18. С. 224]);

к о н ь (к о б ы л а) (рус. *бо́жий конёк* ‘луговой кузнечик, стрекоза’ (арх.) [3. Вып. 3. С. 64], *кобылица* ‘сверчок; кузнечик; стрекоза’ (волог., вят., киров.) [3. Вып. 14. С. 26], укр. *конік дикі*, польск. *konik, pasikonik*, чеш. *kuň, koňček, konik*, словен. *kunjek*, хорв. *konic*; болг. *зелено кончя, зелен кон* [1. С. 517]);

к о з е л (*козлики* мн. ‘навозные жуки’ [5], польск. *kozka* ‘полевой сверчок’ [9. Т. II. S. 454]);

с в и н ь я (болг. *диво прасе, попово прасе* ‘насекомое медведка’ [1. С. 521], польск. *świńka* ‘насекомое, которое грызет шерсть (не моль)’ [19. S. 104]).

Обратимся ко всему комплексу названий насекомых, образованных от наименований домашнего скота.

Внутри данной группы энтомосемизмов нам кажется целесообразным распределить материал по насекомым, в обозначении которых участвует домашний скот (рубрики расположены в алфавитном порядке).

Бабочка

“Скотские” обозначения для бабочек не характерны, ср. единичное словенское название бабочки на базе **koby(d)lica* [17. С. 779]. В Польше с бабочкой связаны некоторые скотоводческие поверья: “Мертвую голову (бабочку) сажают в балку овчарни, чтобы велись овцы” [12. Т. XXXIV. S. 147]; “Если весной первым увидишь желтого мотылька, то коровы в этом году будут дойные, если белого, то наоборот” [20. S. 360].

Блохи, вши

Домашние насекомые-паразиты, в особенности вши и блохи, достаточно активно вовлекаются в животный контекст. При этом значительную роль в образовании зоонимических обозначений вшей как паразитов, обитающих непосредственно на человеке, играет евфемизация, которая заключается в нежелании называть объект его прямым именем: кашуб. *kón* ‘вошь, особенно большая’ “Хеско, хеž të bëła? Сеž të přėnośla za ко́на на глòве? То sq calee ко́не od vši” (Детка, где же ты была? Что ты за коня принесла на голове? Это кони из деревни) [8. Т. VII. S. 127]; *šėmel* ‘вошь *Anaphura*’ “Со за šėmel хòхи тòбе по глòве?” (Что за конь ходит у тебя по голове?) [8. Т. VII. S. 309], ср. *šėmel* ‘конь сивой масти’ [8. Т. VII. S. 309]. Аналогичным образом завуалирован процесс поимки и уничтожения вши в польской загадке: “Kupił chłop krowe w Kielmanowicach, prowadził kło Swychanowa, zabił ją przed patronami w Pazurowicach” (Купил мужик корову в

Кельмановицах, проводил до Свыханова, убил перед хозяевами в Ногтевицах – ср. *razur* постореч. ‘ноготь’) [21. S. 153]³.

Вшам и блохам присуща символика домашней живности в загадках и других малых фольклорных жанрах: как скот, например, они загадываются в русских и польских загадках; как овцы – у всех восточных славян; как бараны – у поляков; как коровы или волы – у русских; как дикие козы – у болгар и македонцев. Символическое соотношение со скотом можно видеть в ироническом названии вшей “египетскими баранами” (польск. *egipskie barany*). “Черными козами” называют в приговоре блох и вшей в Болгарии [1. С. 434]. Блохи и вши применяются также и в скотоводческих практиках: польск. “Чтобы насекомые не донимали скот, берут блох и вшей, и один из пастухов раздевается догола, берет блоху в одну, а вошь в другую руку, идет на границу поля, там кладет вошь на свое, а блоху на чужое поле и убегает, что было духу, не оглаживаясь” [23. S. 330].

Примыкает к домашним насекомым-паразитам таракан, который часто выступает в загадках как бык или конь: рус. “Ворон, да не конь, Черно – не медведь, Крылато – не птица, Шесть ног без копыт” [24. С. 198]; польск. “Carny, a nie kruc; Rogaty, a nie wól, Sześć nóg ma przez kopyt” (Черный, а не ворон; Рогатый, а не вол, Шесть ног без копыт) [25. S. 23].

Божья коровка

“Животные” обозначения этого насекомого встречаются практически у всех славян, ср. рус. *бóжья корóвушка* [4. Вып. 3. С. 43], *корóвушка-бурёнушка* [5], польск. *Boża krówka, krówka Matki Boskiej* [26. Т. I. S. 148], кашуб. *kruška-jalovička, kruška-muška* (ср. *kruška* уменьш. от *krusa* ‘коровка’) [8. Т. II. S. 267], болг. *божа крава* [18. С. 224], серб.-хорв. *божја овчица*, словен. *božji bolik* [17. С. 779] и проч. Их принято считать в большей степени отголоском одного из мифологических сюжетов⁴, нежели метафорическим образованием, возникшим в результате реализации рассматриваемой модели *домашнее животное* → *насекомое* (существенную роль здесь сыграл и атрибутив “божья”). Действительно, в случае с божьей коровкой трудно выявить признак (или признаки), мотивирующие такой семантический перенос. И все же, несмотря на столь ярко выраженный мифологический колорит, божья коровка, безусловно, оказывается в ряду “скотских” энтомологических наименований. “Коровым” названиям божьей коровки часто соответствуют “скотоводческие формулы”: рус. “Каровушка, буровушка, атяли бычка, хучь телячку, дай малачка целую даеначку” [27. Т. I. С. 222], польск. “Boza korowko, de ty się pasła, daj méni masła” (Божья коровка, дай мне масла там, где ты паслась) [12. Т. XXXI. S. 144]. Названия типа *коровка* порождают поверья о том, что божья коровка – это “коровка Богородицы”: польск. “Народ называет ее (божью коровку) коровкой Божьей матери (*krówką Matki Boskiej*) и поэтому ее убийство считается большим грехом” [28. S. 202].

³ Подобные загадки с “физиологическими” топонимами часто встречаются и в русской паремологии, ср. “Поймали волка в Волосатове, потащили волка через Лобково, через Глазково, через Носково, через Ротково, убили волка в Ногтеве” (вошь) [22. Т. I. С. 570].

⁴ По мнению О.А. Терновской, это может быть сюжет “свадьбы Солнца”, где “коровы” названия данного жучка являются метафорическим обозначением невесты (ср. смол. *коровка* ‘невеста’) [27. Т. I. С. 222].

Жуки

Из жуков “скотскими” наименованиями наделяются жук-олень: *koziaróg* ‘четырёхчленное насекомое из разряда длиннорогих’ [26. Т. II. S. 514] (см. также рубрику “Дикие животные”), которого, кроме того, поляки называют *baran* [12. Т. XXXI. С. 144] (мотивационный признак здесь очевиден – наличие рогов), майский жук: *krówka* ‘майский жук’ [29. S. 155] и, вероятнее всего, жук-навозник: *grzebie, jak krówka w gównie* (гребет, как коровка в говне) [30. S. 185].

Жуки также символически соотносятся со скотом на уровне поверий и скотоводческих практик: поляки Келецкого воев. “пропускают жука-оленя через крестец коровы, которую первый раз ведут к быку, чтобы спаривание прошло успешно” [1. С. 503].

“Скотская” символика проявляется у жука и в загадках. В них он уподобляется рогатому быку или коню, а его жужжание – мычанию: “Летит ворон, Сам черен, Есть рога – сам не бык, Шесть ног без копыт” [24. С. 176]; “По-бычьи мычит, По-медвежьи рычит, На землю падет – Землю дерет” [24. С. 176]; “Ворон, да не конь, Счерна, да не медведь, Рогат, да не бык, Ноги есть, да без копыт, Летит, так воет, Сядет на землю – землю роет” [24. С. 196]. Отметим, что в случае с жуком семантическая модель *домашнее животное* → *насекомое* срабатывает и в обратную сторону, и собственно родовое обозначение “жук” используется при номинации домашней скотины: рус. *жукóла* ‘насекомое, жучок’ (урал.), ‘черная корова’ (костром.) [3. Вып. 9. С. 224–225], польск. *żuk* ‘черный вол’, ‘насекомое *Arhodium*’, *żukola* ‘кличка коровы’ [26. Т. VIII. S. 725].

Признаком, на базе которого происходит подобное развитие значения, является черный цвет большинства насекомых, принадлежащих к классу жуков (жук вообще становится своего рода эталоном этого цвета), ср. *жуковóй* и *жуковóый* ‘очень черный’ – “Корова у них черная, жуковая” (урал., куйбыш.) [3. Вып. 9. С. 224], *жук* ‘скворец’ (смол.); ‘о смуглом человеке’ (вят., волог.); ‘чугун, недостаточно очищенный’ (перм.) [3. Вып. 9. С. 222].

Комар, муха

Комар и муха, будучи летающими насекомыми, “скотскими” обозначениями практически не наделяются, ср. только польск. *krova, buro krova, krófká* ‘мух-плюйка’ [31. S. 84]. Комар соотносится с конем и быком в русских загадках: “Крылья орловы, Хобота слоновы, Груды кониные, Ноги львиные, Голос медный, Носы железны; Мы их бить. А они – нашу кровь пить” [24. С. 195]; “В мае (марте) месяце На восьмой тысяче Родился конь крылатый, Не боится царя в палате” [24. С. 195]; “Летит по-птичьи, Ревет по-бычьи” [24. С. 196].

Кузнечик, сверчок

Кузнечик часто сравнивается со скотом (конем, кобылой, козлом) на основании таких мотивационных признаков, как длинные ноги, прыгучесть и стрекочущий звук, напоминающий лошадиное ржание (гурали польских Бескид, например, стрекотание кузнечика называют ржанием [12. Т. XXXXII. S. 319]): *кобы́ла* ‘кузнечик’ (киров.) [3. Вып. 14. С. 18], *кобы́льник* ‘кузнечик’ (киров.) [3. Вып. 14. С. 21], *лошадка* ‘кузнечик’ (костром.) [3. Вып. 17. С. 166], *сивка*⁵ ‘вид кузнечика’ (забайк.) [3. Вып. 37. С. 273], польск. *konik* ‘кузнечик’ – “*Koniku, koniku, daj mi maści, to cię puszczę na przepaści (bez napaści)*” (Коник, коник, дай мне

⁵ Ср. литер. *сивка (сивко)* ‘лошадь сивой масти’.

мази, отпущу тебя пастись) [32. S. 137], *koniczek polny* ‘кузнечик’ [29. S. 152], ср. *koniczki ćwyrkająm* ‘о звоне в ушах’ [30. S. 152], *kozél* ‘насекомое кузнечик’ (смор.) [3. Вып. 14. С. 58]. Такие связи реализуются в первую очередь в лексической системе, а не на уровне фольклорных текстов. Внушительный массив славянских “кобыльих” названий кузнечика приводит в своей монографии А.В. Гура [1. С. 517].

Помимо однословных номинаций, отсылающих к обозначениям домашней скотины, кузнечик часто определяется как “божий” конь: *бóговый (бóгов) конёк* ‘кузнечик’ (волог.), ‘кузнечик крупной породы’ (сев.-двин.) [3. Вып. 3. С. 48], *бóговушкин конёк* ‘кузнечик’ [4. Вып. 2. С. 44], *божой конек (конишек)* [4. Вып. 2. С. 49], *богова кобылка, богова лошадка* [33], образуя таким образом сакральную “пару” с божьей коровкой (при этом в некоторых микродиалектах возникает оппозиция названий кузнечика и божьей коровки: ср. у русских Архангельской обл. *божий коничок* – *божья короушка* (Онежский р-н, Тамица), *божий конёк* – *короука божья* (Котласский р-н., Песчанка) [34. Вып. 1. Карта 43, 44]). “Божественность” кузнечика отражена также в польском поверье о том, что он носит Бога – Иисуса Христа [35. S. 129]. Типологически близок кузнечику сверчок, который именуется аналогичными “лошадиными”, редко “козлиными” обозначениями: рус. *кобылица* и *кобылица* ‘сверчок’ (волог.) [3. Вып. 14. С. 20], *кобылка* (вят.) [3. Вып. 14. С. 21], *конёк-щелкун* [33], польск. *kozka* ‘полевой сверчок’ [9. Т. II. S. 454], *kùnik, paśikùnik* ‘сверчок’ [31. S. 85]. В группу стрекодух и прыгающих попадает и саранча: *конёк* ‘кузнечик, мелкий вид саранчи’ [36. Т. II. С. 230], *koza ladowa* ‘огородная саранча’ [9. Т. II. S. 453].

Медведка

Медведка, уже сама по себе имеющая метафорическое название, практически не обозначается посредством наименований домашнего скота (ср. только болгарские “свинские” имена медведки *divo prasе, попово prasе* [1. С. 521]). Связь со скотом прослеживается лишь в некоторых скотоводческих практиках и суевериях. “В районе русско-белорусского пограничья медведок вылавливают из их норок, сушат и скармливают с овсом и сеном коням, причем медведок с черной спинкой дают коням темной масти, рыжих – рыжим коням, бледно-желтых – половым коням. Считается, что от этого кони будут здоровы и почувют силу” [1. С. 522].

Муравей

Муравьи символически соотносятся со скотом в разных славянских традициях. Так, например, в польских колядках хозяевам желают: “*Tyle owiec – ile w lesie mrowiec*” (Столько овец, сколько в лесу муравьев), “*Cieliczek – jak w lesie mrowiczek*” (Телушек – как в лесу муравьев). Польские пастухи Западных Бескид и Подгалья, выгоняя овец на летнее пастбище, рассыпают по загому муравьев или муравейник, прежде чем запустить туда овец, чтобы овцы держались вместе, как муравьи в муравейнике. У русских в Вологодской губ. муравейник вместе с другими предметами использовался для оберега и благополучия скота. Пастухи перед выпасом совершали “отпуск” скота, обходя стадо и читая специальный заговор, при этом берут “...ключ, замок, землю с могилы и часть муравейника с перекрестка дорог и прогоняют скотину между этими предметами, а затем закапывают их вместе с землею на пастбище и держат там до конца пастьбы скота” [1. С. 512–513].

Пчелы

В лексической системе пчела не проявляет себя в качестве домашней скотины; такие связи устанавливаются лишь в фольклоре и верованиях. Считаясь символом плодородия и достатка, пчела может способствовать ведению скота: польск. “Если у коровы нет телят, нужно дать ей съесть в хлебе пчелу” [12. Т. XXXIV. S. 169]. В Лике (Хорватия) верят, что разговор пчел, так же как и скота, можно подслушать в полночь под Рождество, надев на себя всю одежду наизнанку, но от этого можно онеметь, так как это грех [1. С. 453]. Пчелы также метафорически сближаются со скотом в русских загадках: “Сидела баба на липе, Драла баба лыки; Пришел бык, Бабу в ж... тык; Баба завыла, Лыки забыла” [24. С. 258]; “Отворялись ворота беспяты, Входили овцы бесхвосты” [37. С. 198]; “Стоит хлевец, В нем 5 тысяч овец” [37. С. 198]. Параллель “овцы – пчелы” можно наблюдать в косовском обычае: «Если пчелы не начинают роиться, пчеловод просит пастуха, чтобы он выпустил овец из загона, пригнал их к ульям и, дотронувшись до них палкой, сказал: “Я пуштах овце из трла, пуштите се и ви из трмке!” (Я выпустил овец из загона, выходите и вы из улья!) Тогда пчелы станут роиться» [1. С. 455].

Соотнесение домашней скотины и пчел оказывается обратимым (не только пчелы помогали вестись скотине, но и животные косвенным образом способствовали разведению пчел): в Костромской губ. конский череп вешают на пасеке, чтобы велись пчелы, такой же обычай известен в Полесье и на Русском Севере [1. С. 472]. Для украинцев происхождение пчелы непосредственно связано со скотом (волами): по легенде, Бог однажды пахал поле парой волов. Прилетели две мухи, одна из которых села на вола по кличке Гедз и укусила его. За это она была проклята Богом и стала оводом (укр. *гедз*). Другая муха, севшая на вола по кличке Бджола, не стала его кусать, поэтому Бог благословил ее и назвал *насолодю*. По кличке второго вола эта муха получила название *бджола* и стала с тех пор давать людям *насолоду* – сладкий мед [1. С. 452].

Светлячок

В наименованиях светлячка отражена символика, соотносящая этого жучка со скотом: рус. волог. *корóвка*, арх. *конёк*, укр. волын. *коза свитюца* [1. С. 502].

Стрекоза

Спектр наименований стрекозы практически повторяет “кобыльи” обозначения кузнечика, часто с поправкой на форму женского рода: *бóжий кóничек* ‘стрекоза, кузнечик’ (онеж., арх.) [3. Вып. 3. С. 64], *кобылица* ‘стрекоза’ (вят.) [3. Вып. 14. С. 20], польск. *koza wodna* ‘насекомое стрекоза’ [9. Т. II. S. 453], чеш. *kobylka*, серб. черногор. *коза*, хорв. *kobila, kobilica* [1. С. 524]. Разнообразие и большое количество традиций, в которых стрекоза определяется через отсылку к названиям некоего существенно более крупного животного, чаще всего коня или козла, позволило В.Н. Топорову высказать “животную” версию происхождения самого слова *стрекоза*, предполагая в качестве возможного членение **stre-koza*, т.е. ‘стрекочущая коза’ [38. С. 398–399]⁶. Кроме того, стрекоза, вслед за кузнечиком, может обозначаться “боговым” конем (серб.-хорв. *божји коници*, луж. *bogowu konik*) [1. С. 523], одновременно при этом являясь и дьявольским,

⁶ Традиционно наименование *стрекоза* соотносится со звукоподражательным глаголом *стрекотать* [39. Т. III. С. 774].

чертовским и нечистым насекомым, о чем свидетельствуют наименования типа серб. *вилин коњ*, *вилин (вилински) коњиц*⁷, укр. *чортик* [1. С. 523].

Собака

Отдельную группу составляют наименования насекомых, образованные от родового обозначения такого домашнего животного, как **собака** (сука): рус. диал. *попѡва собѡка (собѡчка)* ‘род гусеницы-плодожорки’ (ряз.) [3. Вып. 29. С. 324]⁸, укр. *земляна сучка, сучка, сучечка, собачка* ‘насекомое медведка’ [1. С. 521]; **пес**: польск. *piesek Pana Jezusa* ‘насекомое кошениль’ [9. Т. IV. С. 96], а также обозначения отдельной породы (гончей): *выжлята* ‘лесные клещи, впивающиеся в тело’ (волог.) [22. Т. I. С. 708] (ср. *выжлок* ‘собака’ (южн.-сиб., печор.) [3. Вып. 5. С. 280], *выжля* ‘щенок гончей’ [22. Т. I. С. 708]). Поясним каждый пример в отдельности.

В случае с обозначением *попѡва собѡка (собѡчка)*, служащим для наименования гусеницы-плодожорки, следует прокомментировать каждый компонент этого определения (прил. *попова* и деминутив к *собака*), ср. еще польск. *piesek Pana Jezusa*. Семантический перенос *собака* → *гусеница-плодожорка*, видимо, обусловлен номинативным признаком “способность грызть, поедать” (думается, этот признак лежит в основе всей модели *собака* → *насекомое*)⁹. Что же касается атрибутива *попова*, то в данном случае это определение является субститутом слова “божий”, ср. болг. *божа крава* = *попува кравичка* ‘божья коровка’, рум. *Boul-lui-Dumnezeu, Boul-Domnului* = *Boul-porii* (об обозначении животных как “божых” см. выше в рубрике “Скот”).

Для украинских обозначений медведки *земляна сучка, сучка, сучечка, собачка*, помимо признака “способность грызть → вредить” значимым оказывается номинативный признак “наличие шерсти” (а медведка, как известно, покрыта бархатистыми волосками).

Обозначение *выжлята* следует считать производным от *выжля* ‘щенок гончей’ [39. Т. I. С. 367], *выжлок* ‘собака’ (южн.-сиб., печор.) [3. Вып. 5. С. 280] на базе признака ‘способность вгрызаться’.

Интересно, что связь клеща и борзой собаки прослеживается в легенде (укр., польск.) о том, как соловей, имевший прежде только голову, одолжил на время у клеща заднюю часть туловища, чтобы сходить на праздник, на свадьбу или на бал, но не вернул, а когда клещ пришел за ней, натравил на него борзых собак. С тех пор клещ ходит без туловища, с одной головой [12. Т. XXXXII. С. 353; Т. III. С. 196].

Свое зеркальное отражение семантическая модель “собака → насекомое” обнаруживает в широко известной кличке собаки *жучка*, уже ставшей апеллятивом. *Жучками* обычно называют черных собак (ср. *жучка* ‘кличка черной со-

⁷ В отличие от кузнечика, который носит Пана Езуса [35. С. 129], стрекоза, воплощая здесь второй компонент оппозиции *бог—черт*, служит “транспортным средством” для Вилы, женского мифического существа у южных славян, обитающего в водоемах и наделяемого преимущественно положительными свойствами, но и способного мстить человеку за причиненное зло, что сближает ее с такими представителями низшей демонологии, как богинка и русалка [27. Т. I. С. 370].

⁸ Через собаку у русских загадывается блоха: “Черненька собачка В горенку вступила, Царя побудила” [24. С. 199].

⁹ Дополнительно срабатывает и признак “злой, как собака”, ср. *собачья муха* ‘злая муха’ [40. С. 31].

баки' [22. Т. I. С. 547], *жучок* 'кличка черной собаки' [36. Т. I. С. 490]), а "портрет" жука тоже включает в себя признак черного цвета – ср. *черный как жук* 'очень черный' (урал., куйбыш.) [3. Вып. 9. С. 224], ср. также *жучола* 'черная корова' (костр.) [22. Т. I. С. 547]. О родстве слов *жучка* и *жук* см. у Н.М. Шанского [41. С. 176], который напоминает о том, что еще В.И. Даль обратил внимание на их связь, включив слово *жучка* в гнездо слов, родственных сущ. *жук*.

Дикие животные

Медведь

С медведем соотносятся в основном наименования одного из распространенных сельскохозяйственных вредителей отряда прямокрылых¹⁰: собственно номенклатурное *медведка* 'насекомое Gryllotalpidae' [43. С. 261, 23], литер. *медвѣдка* и диал. рус. *медвѣдыш* 'насекомое медведка' (пск.) [3. Вып. 18. С. 66], ср. укр. *медведик*, *медведок*, польск. *niedźwiadek*, луж. *tjedwedź*, болг. *мече прасе*. Семантический перенос в данном случае осуществляется на базе комплекса признаков: наличие "шерсти", место обитания (в земле) и относительно крупный размер (длина этих насекомых достигает 6 см) [42. С. 788]. Способность медведки рыть землю активизируется в подляс. *крот* 'медведка' [1. С. 521]. "Медвежи" номинации получают также некоторые другие насекомые (при этом релевантным, видимо, остается только признак большого размера): *медвѣдок* 'жук дубовый, усач' (пск.) [3. Вып. 18. С. 65], *медвѣжья вошь* 'крупный жук синего цвета' (арх.) [33], *медвежья вошь* 'навозный жук' (олон.) [3. Вып. 18. С. 68]. Медведь также "участвует" в загадывании таракана ("Над нами – Вверх ногами Медведь с рогами, Ходит – не страшится" [24. С. 197]; "Ворон, да не конь, Черно – не медведь, Крылато – не птица, Шесть ног без копыт" [24. С. 197]) и жука ("Ворон, да не конь, Счерна, да не медведь, Рогат, да не бык, Ноги есть, да без копыт, Летит, так воеет, Сядет на землю – землю роет" [24. С. 196]).

Волк

"Волчьи" наименования активно используются для обозначения одного из видов шершней, перепончатокрылых насекомых, питающихся другими насекомыми, в том числе и домашними пчелами: номенклатурное рус. *пчелиный волк*, нем. *Biene wolf* [43. С. 301], *пчелиный волк* 'вид шершня' [44. С. 17], *пчелиный волк* 'насекомое Philanthus' (Пщелиный волк похож на медунку, он торщит у улья на летке, если его не пропустят пщелы в улей, он одну пщелу схватит и раздерѣт, достанет зобик с мѣдом из пщелы и ест" [5]), кашуб. *vòtk* 'насекомое Gryllotalpa gryllotalpa' [8. Т. VI. С. 99]. Доминирующим мотивационным признаком в данном случае является способность шершней болезненно кусать человека и поедать других насекомых (в частности пчел). Волками называют и некоторых других насекомых: рус. *волчок* 'насекомое медведка' [3. Вып. 5. С. 82], укр. *вовчок* 'медведка' [1. С. 521], словен. *bóži vó:lak* (букв. "божий волк") 'божья коров-

¹⁰ Существует еще номенклатурное наименование семейства бабочек *медвѣдицы* [42. С. 788; 43. С. 261], практически не проникшее в диалект, ср. только *ночная медвѣдица* 'крупная ночная бабочка' [39. С. 324]. В качестве мотивировочного признака здесь кажется возможным выделить относительно большой размер бабочек этого вида (их крылья в размахе достигают 8 см) [42. С. 788].

ка' [18. С. 224], польск. *suchy wilk* (букв. "сухой волк") 'червяк размером более 5 см, живущий во влажных лесах' [7. Т. ? S. 840].

Связь волка с насекомыми может быть подкреплена и тем, что народным сознанием волк зачастую помещается в класс гадов, что существенно сближает его с насекомыми, которые, по народной зоологической системе, тоже связаны с гадами, о чем свидетельствует наличие в славянских языках наименования *гады*, служащего как для определения насекомых, так и для обозначения волка [45. Вып. 6. С. 78-83]¹¹. В некоторых обрядах связаны с волком и пчелы: жители Люблинского воев. и юго-восточной Малопольши вставляют в леток улья волчью гортань, и тогда пчелы, пролетающие через нее, становятся "волками" (*wilki*) – более хищными и сильными, чем у соседей [12. Т. XVII. S. 133, 150].

Олень

В этой рубрике прежде всего следует упомянуть довольно известное видовое наименование насекомого *жук-олень* [43. С. 113], появление которого напрямую связано с наличием у этого животного рожек: *жук-олень (рогач)* 'жук-олень *Lucanus*' [22. Т. IV. С. 99], ср. также обозначение улитки *дедушко-олень* 'улитка (?)' – "Дедушко-олень, выпучи рошка, дай пирошка" [4. Вып. 10. С. 420], польск. литер. *jelonek* 'молодой олень, теленок'; 'насекомое *Lucanus cervus*, большое насекомое семейства круглорогих, самец которого обладает развитыми челюстями, напоминающими рога оленя' [6. S. 297], *jelonek* 'червяк, насекомое?', 'вол' [9. Т. II. S. 250], *jelonek* 'насекомое *Lucanus cervus*' [26. Т. II. S. 572], *jelonek* 'насекомое *Lucanus cervus*', которое называют также *baran* [12. Т. XXXI. S. 144]. Имя *олень*, благодаря наличию усиков, может достаться и таракану [33]. К этой же модели нам кажется возможным отнести и рус. *алёна* 'жук-рогач' (орл.), *алёнка* 'майский жук' (калуж., смол.), *алёнушка* (калуж.) [3. Вып. 1. С. 234] (с вариантом *олёнка*) [3. Вып. 23. С. 184]¹²: здесь, по видимости, проявилось сближение слова *олень* с антропонимом *Алёна (Олёна)*, которое подкрепляется типичностью антропонимической модели обозначения насекомых.

Зубр

Польск. *dziubry* 'вши' "Во mój zionek kosztuje talary, a na twojam sukmanisku dziubry spodały" (Моя женка стоит талеры, а с твоего платья зубры падают) [7. S. 175] (см. рубрику "Скот").

Птицы

Образы насекомых сближаются с образами птиц благодаря важнейшему признаку – способности летать. Через птиц у русских загадываются такие насекомые, как комар ("Крылья орловы, Хобота слоновы, Груды конинные, Ноги львиные, Голос медный, Носы железны; Мы их бить. А они – нашу кровь пить", шмель ("Петух певец Состроил хлевце, В этом хлевце Шестьдесят хлевцев, В каждом хлевце По одной овце" [24. С. 197] (шмелиное гнездо)), а также таракан ("Через тридцать пять валов Лазит птичка без крылов" [24. С. 198]) и сверчок ("Маленькая птичка, А громко поет" [24. С. 198]). В польских загадках вши и блохи часто описываются как дикие птицы: куропатки, перепелки или выпы [1. С. 434].

¹¹ Подробнее о случаях "пересечений" класса гадов, животных и насекомых см. [1. С. 273–277].

¹² Ср. также польск. *olenka* 'божья коровка' [46. S. 148].

Кукушка

Отдельную группу в некоторых славянских языках составляют наименования божьей коровки, образованные от орнитонима *кукушка*: укр. *зазуля, зазулька*, польск. *zezula, zuzula* [34. Вып. 1. Карта 44], *kukułka* [47. С. 106], *ziaziułka* [48. С. 43], кашуб. *kukâvečka* [8. Т. II. S. 290]. О.А. Терновская связывает “кукушечьи” названия божьей коровки с русским обрядом крещения и похорон “кукушки”, характерным моментом которого является кумление его участниц. Эта идея подкрепляется существованием ритуального кумления и в болгарской обрядности Вербного воскресения. Мотив кумления оказывается, таким образом, связующим звеном между болгарскими и македонскими названиями этого насекомого типа “кума” (*кумица, калиманка, калимана*) и украинскими (отчасти также белорусскими), польскими и кашубскими типа “кукушка”: укр. *зазуля*, польск. *zezula, gżegzółka* [34. Вып. 1. Карта 44], *kukułka, ziaziułka*, кашуб. *kukâvečka*¹³. Божью коровку роднит с кукушкой еще и роль предсказательницы в гаданиях о женитьбе и смерти, а также роль посредника между разными мирами, ср., например, обращение к божьей коровке у чехов: “Sluničko, sluničko, kam poletíš – do nebe, neb do rekla?” (Божья коровка, божья коровка, куда полетишь – на небеса или в ад?) [1. С. 498]. Отметим, что в среднеуральских говорах существует еще *пчелиная кукушка* ‘насекомое восковая моль’ – “Нарушает ячейки соты пщелиной. Ране-то называлась пщелиной кукушкой” [5]: это наименование, по-видимому, связано со свойством кукушки (восковой моли) разорять чужие гнезда (пчелиные соты).

Сова

Литературное и номенклатурное *совка* ‘название ряда ночных бабочек темной окраски, гусеницы которых являются вредителями сельскохозяйственных культур’ [2. Т. IV. С. 176; 43. С. 438] связано с ночным (как у сов) образом жизни этих насекомых, а также с их темной “совиной” окраской.

* * *

Итак, в процессе изучения выявленной в славянской народной энтомологии символической модели “животное → насекомое” нами были выделены три основные группы названий животных, участвующих в возникновении энтомосемизмов, а именно – **домашние животные, дикие животные и птицы**. В большей степени в “зоолого-энтомологический” номинативный процесс оказались вовлечены наименования домашних животных, в особенности домашнего скота.

При попытке ответить на вопрос о том, какой способ номинации реализуют “животные” названия насекомых, наиболее естественно, казалось бы, думать о метафорическом переносе на основании внешнего сходства объектов. Действительно, как метафору можно трактовать соотнесение насекомых с дикими животными и птицами на базе таких признаков, как наличие шерсти (*медведка*), рожек (*жук-олень*), способности летать (*пчелиная кукушка*) и т.д. Однако такой тип сопоставления, при котором четко выделяется основа переноса, весьма ред-

¹³ Мотив кумления, мотивирующий “кукушечьи” номинации божьей коровки, является частью обряда “свадьбы” Солнца, который, по мнению исследовательницы, буквальным образом “записался” в зеркале лексического поля божьей коровки в разных славянских языках. Подробнее об этом см. [49. С. 51–69; 1. С. 495–496].

ко встречается в изучаемом материале. В большей части случаев (в первую очередь при сопоставлении насекомых с домашним скотом) об обычной метафоре по внешнему сходству говорить трудно (недостаточно): непохожесть насекомых и домашней скотины особенно обостряется благодаря их объективной несоразмерности.

Думается, что в случае корреспонденции насекомых с домашними копытными животными срабатывают некие особые когнитивные механизмы, настраивающие сознание человека на подобное “скотское” (и шире – “животное”) осмысление насекомых. Попробуем сформулировать эти смысловые “поддержки”.

Прежде всего следует отметить, что соотнесение насекомых с другими представителями фауны происходит в рамках одной категориальной системы, а именно системы животных, что позволяет включить данную модель в ряд других внутрикатегориальных сближений, в случае которых, благодаря внешнему сходству объектов, для наименования одного животного используется номинативная оболочка другого (случаи типа *морской котик*, *морской конек*, *летучая мышь* и т.д.). Однако в случае с насекомыми сопоставляемые объекты, находясь в одной категориальной системе, часто оказываются на противоположных концах зоологической шкалы, существующей в сознании носителя языка для характеристики окружающей действительности с точки зрения размера. На низшей ступеньке этой лестницы находятся насекомые как воплощение идеи мизерности и ничтожности чего-либо (муха, комар), а на верхней ступеньке оказываются животные, воплощающие идею огромности и значимости (слон, вол). Сталкивая этих животных в одном фразеологизме (ср. общеевропейское *сделать из мухи слона*, *сделать из комара вола*), мы получаем эффект сближения двух противоположных полюсов единой зоологической системы координат. Таким образом, внутрикатегориальное сближение и объединение в рамках оппозиции малое/большое существенно подкрепляют общую логику корреспонденции насекомых с другими животными.

С другой стороны, соотнесению насекомых, в частности, с домашним скотом, способствует их объективная ситуативная смежность: известно, что различный гнус часто досаждал домашнему скоту. В таких случаях метонимическая связь – к примеру, способность паразитировать на коровах, ср. *коровник* ‘мелкий черный слепень’ (пск.) [3. Вып. 14. С. 354], – трансформируется в метафорическую (*конек*, *коровка* и проч.).

Помимо ситуативной смежности, важным фактором в процессе соотнесения насекомых с домашним скотом оказывается их магическое отождествление, основанное на общей способности данных представителей фауны “вестись”, т.е. активно размножаться. Подобное свойство позволяет носителю народной традиции объединить в своем сознании достаточно непохожих животных и разработать систему магического стимулирования размножения скота “за счет” насекомых и наоборот (см. сведения об использовании пчел в скотоводческих практиках, приведенные выше).

Таким образом, когнитивная “подпитка” рассматриваемой семантической модели представляет собой довольно сложный конгломерат, который основывается не только на внешнем сходстве соотносимых друг с другом объектов, но и формируется благодаря особому понятийному механизму, настроенному на специфическое “животное” распознавание насекомых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
2. Словарь русского языка: В 4-х т. 4-е изд., стереотип. М., 1999.
3. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. М.; Л., 1965. Вып. 1.
4. Архангельский областной словарь. М., 1980. Вып. 1.
5. Картотека Диалектного этноидеографического словаря русских говоров Среднего Урала (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского университета).
6. *Słownik języka polskiego.* Warszawa, 2005.
7. *Kas J.* Słownik gwary orawskiej. Kraków, 2003.
8. *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław, 1967–1976. Т. I–VII.
9. *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. Kraków, 1900–1911. Т. I–VI.
10. *Топоров В.Н.* Еще раз о балтийских и славянских названиях божьей коровки (*Coccinella septempunctata*) в перспективе основного мифа // Балтославянские исследования. 1980. М., 1981.
11. *Родионова И.В.* Центральная субъективная оппозиция христианства в народной языковой картине мира: Опыт верификации (на материале русских народных говоров // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1998. Вып. 2.
12. *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Wrocław; Poznań, 1961–2001. Т. I–LXXV.
13. Ярославский областной словарь. Ярославль, 1981–1991. Вып. I–X.
14. Картотека Словаря русских народных говоров (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).
15. “Народная Библия”: Восточнославянские этимологические легенды / Сост. и коммент. О.В. Беловой. М., 2004.
16. *Plichta P.* Pojęcia ludu o przyrodzie // *Wiśła.* 1893. Т. VII.
17. *Журавлев А.Ф.* Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева “Поэтические воззрения славян на природу”. М., 2005.
18. *Младенова Д.* Етнолингвистично изследване на българските названия за калинка-малинка (*Coccinella septempunctata*) в балканска и славянска перспектива // Етнографски проблеми на народната култура. София, 1994. Т. III.
19. *Zareba A.* Słownik starych Siołkowic w powiecie Opolskim. Kraków, 1960.
20. *Cercha St.* Poglądy ludu na przyrodę // *Wiśła.* 1894. Т. VIII.
21. *Udziela S.* Materiały etnograficzne zebrane z miasta Ropczyc i okolicy // *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej.* Kraków, 1886. Т. X.
22. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М., 1998.
23. *Majewski E., Jarecki Wł.* Bydło (Dokończenie) // *Wiśła.* 1903. Т. XVII.
24. Загадки русского народа / Сост. Д.Н. Садовников. М., 1960.
25. *Siarkowski W.* Potrawy, ciasta i chleby ludowe // *Wiśła.* 1893. Т. VII.
26. *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. Warszawa, 1900–1935. Т. I–VIII.
27. Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти т. / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. I.
28. *Wierzchowski Z.* Materyjały etnograficzne z powiatu Tarnobrzskiego i Niskiego w Galicyi // *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej.* Kraków, 1890. Т. XIV.
29. Словник Гваровы Śląска Cieszynskiego. *Wiśła,* 1995.
30. *Wysoczański W.* Językowy obraz świata w porównaniach zleksykalizowanych (na materiale wybranych języków). Wrocław, 2005.
31. Atlas języka i kultury ludowej wielkopolski. Т 2. Człowiek – Przyroda. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979.
32. *Gustawicz B.* Zapiski florystyczne z powiatu bobreckiego. Kraków, 1880.
33. Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания, Уральский гос. университет).
34. Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1.: Животный мир. М., 1988.
35. *Udziela S.* Lud polski w powiecie Ropczuskim w Galicyi // *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej.* Kraków, 1890. Т. XIV.
36. *Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Оренбург, 2002. Т. I–IV.

37. Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков. М., Л., 1961 (Памятники русского фольклора).
38. *Топоров В. Н.* Этимологические заметки // *Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Жанны Жановны Варбот.* М., 2006.
39. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М., 1964–1973. Т. I–IV.
40. Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных / Сост. Т.В. Козлова. М., 2001.
41. *Шанский Н. М.* О некоторых названиях собаки в русском языке (коррективы к “Русскому этимологическому словарю М. Фасмера” // *Этимологические исследования по русскому языку.* М., 1966. Вып. 5.
42. Советский энциклопедический словарь. М., 1990.
43. Пятиязычный словарь названий животных. Насекомые. М., 2000.
44. Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.
45. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Отв. ред. акад. О. Н. Трубачев. М., 1974–. Вып. 1–.
46. *Janów J.* Słownik Huculski. Kraków, 2001.
47. *Gustawicz B.* Zagadki i łamigłówki ludowe w dziedzinie przyrody // *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej.* Kraków, 1893. Т. XVII.
48. *Pietkiewicz Cz.* Kultura duchowa Polesia Rzeczyckiego. Warszawa, 1938.
49. *Терновская О.А.* Божья коровка и народный календарь. Заметки по истории культуры // *Мифологические представления в народном творчестве.* М., 1993.

© 2007 г. В. Б. КОЛОСОВА

ЭТНОБОТАНИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ. I. ВАСИЛЕК

Эта заметка посвящена рассмотрению одной из единиц растительного кода традиционной культуры, дикорастущему травянистому растению – васильку. В качестве объекта анализа выступает “знак языка культуры” [1. С. 8], т. е. растение как объект реальности в единстве со сложившимся вокруг него комплексом представлений. Предпринимается попытка заполнить некоторую часть “матрицы”, отдельные ячейки которой уже описаны в таких работах, как, например, [2; 3; 4] и др.¹

Проследим, как объективные признаки растения, отразившиеся в фитонимах, фольклоре и ритуальных практиках, влияют на его образ и семиотический статус в народной культуре. Прежде всего необходимо рассмотреть названия, которые получило данное растение в разных локальных традициях, наряду с мотивировкой этих названий.

Непосредственно под словом *василек* в большей части русских говоров в основном имеется в виду растение василек синий *Centaurea cyanus* L. (семейство сложноцветных *Compositae*)². Самая яркая отличительная черта этого растения – ярко-синий цвет лепестков, отмеченный во многих славянских языках и говорах: *голубоцветник* (Ворон.) [6. Т. 6. С. 341], *синовница*, *синоцветка* (Вят., Арх.), *синошник* (Вят., Твер.), *синошка*, *синошки*, *синий цвет во ржи*, *синявка* (Яросл.) [5. С. 89], *синьки*, *синоха* (Волог., Новг.), *голубые цветки* (Нижегор.) [5. С. 90], бел. *сінька* (Житк.), *сіноўнік* (Мог.) ‘василек полевой’ [8. С. 58], болг.

Колосова Валерия Борисовна – канд. филол. наук, ассоциированный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге.

¹ «Исследование растительной символики славянской духовной культуры, может быть, более других ее пластов нельзя назвать удовлетворительным. Проблема в том, что значительная часть работ, так или иначе затрагивающих эту тему, представляет собой относительно подробные “портреты” отдельных фитосимволов. Однако такие исследования продуктивны лишь тогда, когда за каждым “портретом” просматривается некая матрица, точнее – тезаурус, и предлагаемое описание “заполняет” эту матрицу с возможной подробностью и точностью и тем самым создает основания для сопоставления этих символов между собой в рамках одной этнической традиции, а также за ее пределами» [4. С. 7].

² Зафиксированы также такие значения финонима *василек*, как *Delphinium Consolida* L. (Уф.), *Malva borealis* (Уф.), *Malva rotundifolia* L. (Селенг.), *Malva sylvestris* L. (Уф.), *Polemonium coeruleum* L. (Нижег.) [5. С. 124, 207, 208, 262]; *Ocimum basilicum* L. (Курск.) [6. Т. 4. С. 65]; *Salvia dumetorum* (б.м.) [7. С. 167]. Еще около полутора десятков видов носят название *василек* с различными прилагательными – *полевой*, *болотный* и т.д.

модра метла, сине цвете, синчец, синя былка [9. С. 76], србх. *modrec, modrica, modrocvet, sinokvet* [10. S. 259], чеш. *modrak, sinokwet*, пол. *modrak, modrzieniec* [5. С. 90] (при болг. *модрый* ‘синий, голубой’, србх. *модар* ‘синий’, чеш. *modrý* ‘синий, голубой’, пол. *modry* ‘синий, тёмно-голубой’). Тот же признак отмечен и у некоторых других видов этого же рода: *голубец* (Тул.), *синеголов* (Волын.) ‘*Centaurea jacea* L.’ [5. С. 90], србх. *модра сјекавица* (Герцеговина) ‘*Centaurea calcitrapa*’ [11. С. 306]. Более того, своим ярким цветом он настолько выделяется среди других растений, что получил названия србх. *различак* [5. С. 90], а также *различје, разлишће, разлиће*: “называется так потому, что отличается от окружающих растений из-за интенсивного синего цвета цветка” [12. С. 415].

Поскольку василек по большей части растет на полях с хлебными злаками, он имеет целую группу соответствующих названий, таких, как *синий цвет во ржи, ржевой цвет* (Костром.) [5. С. 89]; *ржаные синюшки* [13. С. 234]; *житник, житничек, синий житник* (Брянск.) ‘*Centaurea cyanus* L.’ [14. С. 73]; бел. *жытнічкі* (Моз.) ‘василек полевой’ [8. С. 58]. Такая связь этого цветка с определенным локусом отразилась и в загадке: “Что в хлебе родится, а есть не годится?” [15. С. 74. № 2074].

По форме соцветия василек еще мог носить названия *пуговник* (Дон.) – “преимущественно с красными цветами и цветочными головками в виде пуговиц” [5. С. 89], ср. также *пуговник* (Ворон.) ‘*Centaurea phrygia* L.’, ‘*Centaurea scabiosa* L.’ [5. С. 91]. По некоторому сходству формы соцветий василька (особенно видов с красными лепестками) с чертополохом разные виды васильков получили следующие названия: *чертополох* ‘*Centaurea* Less.’, *лесной репей* (Тул.) ‘*Centaurea austriaca* Willd.’, *полевой будяк* (Полт.) ‘*Centaurea biebersteinii*’, *бодяк* (Волог.), *мелкий дедовник* (Вит.), *переполох* (Орл.), *репейник-дятловник* (Казан.) ‘*Centaurea jacea* L.’, *чертополох* (Курск.) ‘*Centaurea nigra* L.’, *бодячок лесной* (Волын.) ‘*Centaurea phrygia* L.’, *дикий репейник* (Нижегор.) ‘*Centaurea phrygia* L.’, *репехи* (Екат.) ‘*Centaurea scabiosa* L.’ [5. С. 89–91], *сибирский чертополох* ‘*Centaurea Sibirica* L.’ [16. С. 64, 139], бел. *чартапалох* (Мин.) ‘василек луговой’ ([8. С. 59]. србх. *околочен* ‘*Centaurea calcitrapa* L.’ (при србх. *околочен* ‘чертополох’), а сходство по цвету с цикорием дало общее с ним название укр. *петровы батоги* [5. С. 89] (ср. чеш. *čakánek, čekánek* ‘*Centaurea scabiosa* L.’ при *čekanka* ‘цикорий’ [5. С. 89; 10. S. 231, 259].

Целая группа названий связана с неровными, рваными краями лепестков и общей формой соцветия: *лоскутница* (Ворон.), *лоскутный цвет* ‘*Centaurea cyanus* L.’ [5. С. 89], *лоскутница, цвет лоскутный* ‘*Centaurea jacea* L.’, *лоскутный цвет* ‘*Centaurea nigra* L.’ [5. С. 90], *ляскутница* (Могил.) ‘василек шероховатый’ [8. С. 59]. Очевидно, эта же форма лепестков, вырезанных в форме острых зубчиков, обусловила фитонимы типа *дикая серпуха* (Нижегор.) ‘*Centaurea phrygia* L.’, *большая зубчатая трава* (Симб.), *серпуха* (Уф.) ‘*Centaurea scabiosa* L.’ [8. С. 59], *серпуха* (Казан.) ‘*Centaurea scabiosa* L.’ [17. С. 58]. Видимо, сюда же можно отнести названия *бабочки* (Олон.) [5. С. 89], *мотыльк* (Моск.) ([6. Т. 18. С. 307], бел. *матылькі* ‘цветы василька’ [8. С. 59]. В. Махек высказывает осторожное предположение, что группа фитонимов чеш. *chrpa, charpa, charba, charva* и пол. *chaber, haber, chabrek* может быть возведена к основе *ščrb-* из-за того, что краевые цветки имеют неровную, “выщербленную” форму [10. S. 258], и, таким образом, относится к этой же мотивационной группе (и, кроме того, этимологически сближается с чеш. *šterbák, ščerbák* и под. ‘бодяк’, ‘цикорий’ [10. S. 231, 256]).

Отмечено, что названия типа *адамова голова*, *иванова голова* часто даются растениям с элементами шарообразной формы (см., например [18. С. 38]). Василек не является исключением: *головик* (Твер.), *собачья голова* (Влад.) ‘*Centaurea jacea* L.’, *головник* (Ворон.) ‘*Centaurea phrygia* L.’, *адамова голова* (Сиб.), *головик* (Твер.), *головач* (Гродн.), *красноголовки* (Курск.) ‘*Centaurea scabiosa* L.’ [5. С. 90–91]; бел. *галоўкі мядзвежыя* (Смал.) ‘василек луговой’, *галавач* (Гродн.) ‘василек шероховатый’ [8. С. 59]. Вероятно, к этой же группе относятся и такие названия, как *наголоваток*, *наголоводки* (Хар., Екат.) ‘*Centaurea biebersteinii*’, *наголоватки* (Подол.) ‘*Centaurea jacea* L.’, *наголоватки* (Екат.) ‘*Centaurea montana* L.’, *наголоваток желтый* ‘*Centaurea orientalis* L.’, *наголоватки* (Полт.), *синий наголоваток* (Хар.) ‘*Centaurea phrygia* L.’, *наголоваток белый* ‘*Centaurea ruthenica* Lam.’, *наголоватки красный цвет* (Екат.) ‘*Centaurea trichocephala*’, *наголоваток фиолетовый* ‘*Centaurea scabiosa* L.’ [8. С. 89–91].

Кроме рассмотренных выше, существуют две большие группы названий для василька. Одна из них относится преимущественно к васильку и редко – к другим видам (например, *волошка* (Курск.) ‘*Orobus niger* L.’ [5. С. 236], укр. *волошки* ‘*Trifolium alpestre* L.’ [19. С. 31]): бел. *валошка* (Смол., Могил.) ‘василек полевой’ [20. С. 4], этот же фитоним отмечен в западнopolесских говорах и юго-западном диалекте белорусского языка [8. С. 58]; укр. *волошки* ‘*Centaurea cyanus* L.’ [21. С. 86; 19. С. 8], *волошки* (Хар.) [22. С. 125], *волошка*, *волошечка* (Юж. Рос.), *волошка*, *волошек*, *волошки* (Гродн.) ‘*Centaurea jacea* L.’, *волошки* (юг России), *лесовая волошка* (Черн.) ‘*Centaurea scabiosa* L.’ [5. С. 89–90]. Другая группа названий относится как к васильку, так и к базилику. В России под словом *василек* и сходными с ним, как правило, имеются в виду растения рода *Centaurea*, ср.: *василек* ‘*Centaurea cyanus* L.’ (большая часть России), *василек*, *васильки*, *васильчик*, *василечик*, *васильковый цвет* [5. С. 89], *васелька* (Урал.) ‘василек’ [6. Т. 4. С. 64], *васильчик* (Ржев. Твер.) ‘*Centaurea cyanus* L.’ [6. Т. 4. С. 66]. Та же ситуация наблюдается и в белорусских диалектах [8. С. 58]. На Украине же этим фитонимом обозначают чаще всего базилик ‘*Osimum basilicum* L.’: “кроме *Osimum basilicum* многие губатые рр. называются Васильками, особенно в Малороссии. В Великороссии это название почему-то усвоилось преимущественно за *Centaurea Cyanus*” [5. С. 229]; ср. также сrbx. *босиљак*, болг. *босилек* ‘базилик’.

Такая неоднозначность вносит определенные трудности в анализ материала. Так, согласно этиологической легенде, в этот цветок превратился юноша, зачарованный русалкой: «*Василек*, не душистый, а самородный растет на полях пахотных и наиболее во ржи, называемый у нас “волошки”; это молодой человек, прекрасный собой, один сын у матери, которого красавица русалка приманила на Троицын день в поле, защекотала и превратила в цветок» [21. С. 86–87]³. Оговорка автора (“не душистый, а самородный”) является счастливым исключением: многие исследователи, описывая народные поверья о растениях, нередко пользуются их местными названиями, не указывая при этом ни русских, ни латинских систематических названий. Поэтому, когда автор пользуется фитонимом *василек*, не всегда можно определить, какое именно растение имеется в

³ В древнеримской легенде цветок получает свое название по имени юноши Циануса, который все свое время посвящал плетению гирлянд и венков из своих любимых цветов. После смерти Флора “превратила его тело в василек, и все васильки с этих пор стали называться Цианус” [23. С. 196].

виду⁴. Фитоним *василек*, таким образом, имеет внутри славянского ареала два основных денотата: василек ‘*Centaurea cyanus L.*’ и базилик ‘*Osimum basilicum L.*’. При этом растение ‘*Centaurea cyanus L.*’ может называться как *василек*, так и *волошка*. Провести отчетливую черту между двумя ареалами, где разделено употребление этих названий, затруднительно; например, в пределах Полесья зарегистрированы фитонимы *василки* и *волошка* ‘василек синий *Centaurea cyanus L.*’ [25. С. 418]; оба фитонима также отмечены в уральских говорах [26. С. 46, 55]. На материале сербохорватского языка зафиксировано большое число фитонимов, относящихся к обоим растениям: србх. *босиљак, босиок, босиле, бажуљак, васлеђен, велсаген, веслиген, веслиђан, феслиђан* ‘базилик’; *босиљак, босиок, босиле, весличен, меслитчен, феслитчан* ‘василек’ [5. С. 89–90; 11. С. 41]. Совпадают нередко и сюжеты: согласно легенде из Галицкой Руси, запах базилика помог найти крест, на котором распяли Христа. Когда царица Елена искала крест, на котором умер Иисус Христос, и не могла найти, то почувствовала сильный запах – это и был базилик, “що зі всього зіля найкрасше пахне”. Когда на этом месте стали копать, то выкопали крест (записано в Войнилови, Калуського пов. в 1875 г.) [22. С. 122–123; 27. С. 139]. Однако в другом варианте этой легенды крест был найден благодаря тому, что “взошли там небесно-голубые цветы – васильки” [28. С. 1258].

В таких случаях для определения денотата приходится пользоваться характерными признаками растений, если они упомянуты в тексте. Так, в сказке, записанной в Купянске (Харьковская губ.), дети, рожденные от мужа-ужа, превратились после убийства отца в растения. Предательница Горпуша стала крапивой по проклятию матери: “И будешь ты всегда причинять людям жгучую боль, как теперь ты причинила ее мне!”. Вася же, сохранивший тайну, стал “душистым васильком” [22. С. 125–128]. Из последней фразы можно сделать вывод, что в данном контексте речь идет, скорее всего, не о васильке, а о базилике, как и в следующем контексте: “Васильки кладут в домовину мертвому, щоб тило мертвого не смердило: те тило, шо обложено васильками, не так скоро тліе – васильки не дають” [29. С. 192].

Как для василька наиболее ярким признаком является цвет, так для базилика таким признаком, определяющим статус растения, является запах. В этиологических рассказах растения с приятным запахом обязаны своим происхождением святым или праведникам, противопоставляясь при этом растениям с неприятным запахом. В ряде легенд появление базилика связано с именем того или иного святого. Так, согласно легенде из Харьковской губ., св. Василий Великий всегда украшал свою келью цветами и зеленью. В гробу с его мощами нашли пахучее растение и назвали васильком. По другой легенде, вокруг умершего юродивого Василия Блаженного нашли траву, которая очень хорошо пахла, и ее назвали васильками; “и теперь та трава пахнет ладаном и мертвецом” [22. С. 122–123]. В сербской песне молодая жена Павла завидует его сестре и ревнует ее к мужу; она убивает коня, сокола, и, наконец, своего ребенка, обвиняя в

⁴ Эта проблема была детально рассмотрена на материале мифологических персонажей: “Известно, что одним и тем же именем в разных локальных традициях могут обозначаться разные МП, причем их отличия друг от друга могут касаться не только частных характеристик, но и существенных, определяющих черт. С другой стороны, под разными именами могут выступать МП, тождественные по сумме своих основных характеристик. Однозначное соответствие имени и референта возможно только для одной локальной традиции” [24. С. 19–20].

этом сестру. Павел казнил сестру, и из ее крови выросли пахучие цветы – бес-
смертник и базилик. Из крови же преступной жены выросли крапива и колюч-
ки [30. С. 14–18; 31. С. 202]⁵.

Б.А. Успенский усматривает семантическое единство фитонимов *василек* и *волошка*: «Любопытно, что русскому названию *василек* соответствует украин-
ское *волошка*: может быть, в обоих названиях отразились одни и те же мифоло-
гические представления, обусловившие общий растительный код основного ми-
фа⁶... точно так же в русских условных языках *василек* может означать “во-
лос”⁷. Характерно также наименование болезни *василием*, наряду с такими
названиями болезни, как *волос* и т.п.» [36. С. 131]. Интересно также, что фито-
нимы *волошка*, *волошки* в восточнославянских говорах относятся в основном к
таким растениям, различные органы которых покрыты волосками: клевер па-
шенный ‘*Trifolium arvense* L.’ (“чашечка мохнато-волосистая”), короставник по-
левой ‘*Scabiosa arvensis*’ (“стебель вместе с листьями сероватый и шершавый от
волосков, их покрывающих”), куколь ‘*Lychnis Githago* Scop.’ (“серовато-мохна-
тая трава”), сушеница болотная ‘*Gnaphalium uliginosum* L.’ (“беловато-шерсти-
сто-войлочное растение”) [37. Т. 2–4. С. 472, 513, 540, 949]. Ср. также показа-
тельное примечание при словарной статье ‘*Trifolium alpestre* L.’ – “Воно справді
волохате” [19. С. 31].

В формировании фольклорного образа этого растения определенную роль
сыграла народная этимология, или, в формулировке Я.А. Автамонова, “жела-
ние играть схожими по звукам словами”, например:

На что ж тебе василек?
Чтобы мальчик весел был [38. № 12. С. 253].

Отсюда и символика васильков в народном творчестве: “Васильки – символ
счастья...”

Ах вы, горы, горы крутые!
Ничего вы, горы, не породили,
Что ни травушки, ни муравушки,
Ни лазоревых цветочков василечков...
Васильки в песнях предстают как женский, девичий образ:
Цветы мои цветики,
Голубые васильковые,
Я не много вас посеяла,
Очень много уродилося.
Много было подруг девушек...

Кроме того, “Васильки – беззаботная девичья жизнь, девичество, проводи-
мое в доме родителей... Выщипывать, срывать васильки – выбирать, высматри-
вать невесту” [38. № 12. С. 252]. После замужества “девственность невесты оста-
ется в доме ее родителей в образе цветов: рутва-мята – девичество, васильки –
связанное с ним счастье и веселье” [38. № 12. С. 265]. С другой стороны, в
фольклоре можно найти и свидетельство осмысления василька как мужского
символа:

⁵ Подробнее о фольклоре, связанном с базиликом, и о его использовании в календарных
обрядках и обрядах жизненного цикла см. [3].

⁶ О растительном коде основного мифа см. [32–35].

⁷ Ср. также: *васильки* (Влад.) ‘волосы’ [6. Т. 4. С. 66].

Близ дороженьки зеленый дуб стоит;
Близ дубочка васильковы цветы, –
Круг девушки удалы молодцы [38. № 11. С. 89].

В сфере народной магии можно предположить употребление василька в приворотных целях, о чем свидетельствуют названия *приворот*, *приворотник* [5. С. 89]. Корни василька в Казанской губ. употреблялись “от тоски” [17. С. 11]. В сербской народной песне *околочен* (*Centaurea calcitrapa*) – одно из девяти растений, применяемых, согласно песне, для любовных чар [39. С. 468. № 645]. В Герцеговине этот вид (*модра сјекавица*, *околочен*) считается чародейским растением, способным навести любовные чары [40. С. 250]. В Болгарии *синчец* ‘василек’ в числе прочих входил в сбор трав на *Яновден* [41. С. 449]. Применялся василек и в молочной магии: им окуривали коров каждую первую пятницу после новолуния, чтобы они давали больше молока [42. С. 13].

У сербов, черногорцев и македонцев в день Воздвиженья креста (*крстов дан*, 27 сентября), чтобы уберечься от различных заболеваний, а особенно от болезней поясницы, собирали и святили в церкви васильки; “эти васильки хранили в течение всего года и употребляли как лекарство” [43. С. 217]. В народной медицине василек играет важную роль прежде всего в лечении детских заболеваний. Об этом свидетельствуют такие фитонимы, как *младенческая* (Уф.) ‘василек русский *Centaurea ruthenica* Lam.’ [5. С. 91]. Такое же название он носил и в Сибири: “*Василек русский* *Centaurea ruthenica* Lam. народное название: *младенческая трава*. В Сибири от бессонницы детей купали и поили отваром этой травы” [16. С. 64]. Васильком лечили детей и в Полесье: “Волошку от уляку детям дают” [25. С. 418]. Ср. также: “цветочки запаривают, если когда писаютца дети” [26. С. 46]. На Украине василек синий ‘*Centaurea cyanus* L.’ считался лекарством от золотухи [16. С. 64]. Кроме того, им пользовались при трудных родах (Волог. губ.): “Для облегчения родов готовят на воде настойку из васильков и пьют ее; за неимением настойки, васильки просто жуют и глотают” [44. С. 108], ср. также: *дикий маточник* (Черн.), *родовик* ‘*Centaurea* Less.’ [5. С. 89].

Василек синий ‘*Centaurea cyanus* L.’ применялся от заболеваний глаз. Так, вода, перегнанная через цветы, применялась “от глазных болезней”; это растение использовалось “в виде примочки от слабости глаз” [5. С. 90]. Такое же применение отмечено и на Урале: “применяются волошки при глазных болезнях хорошо, заваривается и накладывается” [26. С. 46]. В украинской народной медицине василек также применялся от заболеваний глаз в виде примочек или капель [45. С. 158]. Можно предположить, что это применение васильков вызвано именно их цветом; косвенным доказательством этому может служить пример из художественной литературы, которая нередко отражает ту же символику растений, что и фольклор: “...синие глаза воителей глотка отказывалась принять: ими напитался камень – пророс мхом. Мхом этим, и впрямь синим, сельчане нередко лечат глазные хвори, воспаления век и даже слепоту” [46. С. 341]; подобный пример см. в: [47. С. 87–88]⁸.

⁸ Благодаря своим противовоспалительным и дезинфицирующим свойствам цветки василька синего используются в медицине при конъюнктивитах и повышенной утомляемости глаз [48. С. 111]. Кроме того, настой цветков рекомендован при заболеваниях почек, печени, мочевыводящих и желчных путей; как потогонное и жаропонижающее при простуде, кашле и астме [49. С. 19].

Из других болезней можно упомянуть лихорадку и сопутствующие заболевания: “Корень очень горек и употр. от лихорадки... от ломоты прикладывают свежие растения к ногам” (*Centaurea jacea* L.) [5. С. 90]. Василек синий ‘*Centaurea cyanus* L.’ также использовался от ломоты, но уже в другой лекарственной форме: “пьют отвар из стеблей с листьями” [17. С. 11], а видом ‘*Centaurea biebersteinii*’ лечились от горячки, принимая ванны [5. С. 89]. Кроме того, цветы василька синего употреблялись “от укушения скорпиона и других вредных животных”, а *безсмертник* (Дон.) ‘*Centaurea trinervia* Steph.’ – “от укушения бешеных собак”. О применении васильков от других видов заболеваний можно догадаться по названиям *сердечная трава* (Волын.) ‘*Centaurea jacea* L.’, *гортанная трава* (Влад.), *глистник болотный* (Черн.) ‘*Centaurea phrygia* L.’ [5. С. 90–91]. Сушеными истолченными листьями василька сибирского ‘*Centaurea Sibirica* L.’ присыпали рану [16. С. 64, 139]. Кроме того, вид ‘*Centaurea scabiosa* L.’ под местным названием *христосовы ребра* в Пермской губ. пили от боли в пояснице [5. С. 91]. Очевидно, что за этим названием скрывается мотив крестных мук Христа, “свернутый” до фитонима. В Кракове отвар василька служил средством от малярии, однако для этого надо было использовать цветы, которые сыпали под ноги священнику в день праздника Тела Господня [42. S. 13].

Что касается бытового применения, разные виды васильков, например *ржаные синюшки* ‘*Centaurea cyanus* L.’, применялись для окраски ниток [5. С. 90; 13. С. 234]; *серпуха* ‘*Centaurea scabiosa* L.’ (в Казанской губернии) – “для окраски шерсти и ниток в желтый цвет” [17. С. 58]. В Воронежской губ. из васильков ‘*Centaurea cyanus*’ “делают венки и вешают в избах, чтобы сверчки не водились” [50. С. 239–240]. Цветы василька примешивали к курительному табаку [5. С. 90].

В заключение можно сказать, что такой признак василька, как интенсивный синий цвет, отмечен всеми славянами; иззубренная форма лепестков – восточными и южными, а его произрастание во ржи и шарообразная форма соцветия – лишь восточными. У них же василек стал символом девичества, а в качестве приворота применялся и на восточнославянской, и на южнославянской территории. У чехов василек, “синий, как глаза любимого”, означает искренность и преданность [51. S. 47]. Его происхождение связывается с Иисусом Христом или святыми, что обеспечило растению положительно окрашенный облик, подкрепленный схожим звучанием слов “василек” и “веселый”.

СПИСОК РАСТЕНИЙ, УПОМЯНУТЫХ В СТАТЬЕ

- Centaurea austriaca* Willd. = *Centaurea phrygia* L.
- Centaurea biebersteinii* – василек Биберштейна
- Centaurea calcitrapa* – василек колючеголовый
- Centaurea cyanus* L. – василек синий, василек голубой
- Centaurea jacea* L. – василек луговой
- Centaurea* Less. – василек (видовое название)
- Centaurea montana* L. – василек горный
- Centaurea nigra* L. – василек черный
- Centaurea orientalis* L. – василек восточный
- Centaurea phrygia* L. – василек фригийский
- Centaurea ruthenica* L. – василек русский
- Centaurea scabiosa* L. – василек шероховатый (в. скабиозовидный, в. исотный)
- Centaurea sibirica* L. – василек сибирский
- Centaurea trichocephala* M. Bieb. in Willd. – василек сумский
- Centaurea trinervia* Steph. – василек трехжилковый
- Delphinium consolida* L. – живокость полевая

Gnaphalium uliginosum L. – сушеница болотная
 Lychnis githago Scop. – куколь посевной (обыкновенный)
 Malva borealis Wallm. – мальва приземистая
 Malva rotundifolia L. – мальва приземистая
 Malva sylvestris L. – мальва лесная, просвирняк лесной
 Ocimum basilicum L. – базилик обыкновенный
 Orobus niger L. – сочевичник черный
 Polemonium coeruleum L. – синюха голубая
 Salvia dumetorum – шалфей степной
 Scabiosa arvensis – короставник полевой
 Trifolium alpestre L. – клевер альпийский
 Trifolium arvense L. – клевер пашенный

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1.
2. Цивьян Т.В. Заметки по балто-балканскому мифологическому гербарии: рута // Балто-славянские исследования 1987. М., 1989.
3. Усачева В.В. Этноботанический этюд: базилик *Ocimum basilicum* L. // *Studia slavica: Языкознание. Литературоведение. История. История науки.* К 80-летию С. Б. Бернштейна. М., 1991.
4. Агапкина Т.А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: осина (опыт системного описания) // *Кодови словенских култура.* 1996. Број 1. Година 1. Бильке.
5. Анненков Н. Ботанический словарь. СПб., 1876.
6. Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–. Т. 1–.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1989–1991. Т. 1.
8. Раслінны свет: Тэматычны слоўнік / Склад. В.Дз. Астрэйка і інш. Мінск, 2001.
9. Геров Н. Речник на българския език. Фототипно издание в 6 ч. София, 1977. Ч. 3.
10. Machek V. Česká a slovenská iména rostlin. Praha, 1954.
11. Чајкановић В. Речник српских народних веровања о билькама. Београд, 1985.
12. Шпис-Ћулум М. Фитонимија југозападне Бачке (коровска флора) // *Српски дијалектолошки зборник.* ХЛІ. Београд, 1995.
13. Потанин Г. Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы // *Живая старина.* 1899. Вып. 2.
14. Словарь брянских говоров. Л., 1988. Вып. 5.
15. Загадки / Изд. подг. В.В. Митрофанова. Л., 1968.
16. Торэн М.Д. Русская народная медицина и психотерапия. СПб., 1996.
17. Крылов П. Некоторые сведения о народных лекарственных средствах, употребляемых в Казанской губернии // *Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казанском Университете.* Казань, 1882. Т. 11. Вып. 4.
18. Родионова И.В. Библиейские мотивы в народных названиях растений // *Живая старина.* 2002. № 2 (34).
19. Рогович А.С. Опыт словаря народных названий растений Юго-Западной России, с некоторыми поверьями и рассказами о них. Киев, 1874.
20. Ганчарык М.М. Беларускія назовы расьлін. В 2-х ч. Ч. 2 // *Праца Навуковага таварыства па вывученню Беларусі.* Горкі, 1927. Т. IV.
21. Маркевич Н.А. Обычай, поверья, кухня и напитки малороссян. Извлечено из нынешнего народного быта и составлено Николаем Маркевичем. Киев, 1860.
22. П. И[ванов]. Из области малорусских народных легенд (Материалы для характеристики мирозерцания крестьянского населения Купянского уезда) // *Этнографическое обозрение.* 1891. № 2. Кн. 9.
23. Золотницкий Н.Ф. Цветы в легендах и преданиях. Київ, 1994.
24. Виноградова Л.Н., Толстая С.М. К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // *Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал.* М., 1994.
25. Бейлина Д.А. Материалы для полесского ботанического словаря // *Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря.* М., 1968.
26. Коновалова Н.И. Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000.

27. Галицько-руські народні легенди. Т. I / Зібрав В. Гнатюк // Етнографічний збірник. 1902. Т. XII.
28. Демич В.Ф. Легенды и поверья в русской народной медицине // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1899. № 10. Октябрь.
29. П. И[ванов]. К вопросу о васильках // Этнографическое обозрение. 1892. № 1. Кн. 12.
30. Караџић В. Српске народне пјесме. У Бечу, 1845. Књ. 2.
31. Софрџић П. Главније билье у народном веровању и предању код нас Срба. Београд, 1990.
32. Топоров В.Н. Заметки о растительном коде основного мифа // Балканский лингвистический сборник. М., 1977.
33. Топоров В.Н. Др.-греч. МАКАР, МАКАΡΙΟΣ и под. (marginalia к статьям о маке и вызывании дождя) // Balkano-Balto-Slavica. Симпозиум по структуре текста. Предварительные материалы и тезисы. М., 1979.
34. Судник Т.М., Цивьян Т.В. Еще о растительном коде основного мифа: мак // Balkano-Balto-Slavica. Симпозиум по структуре текста. Предварительные материалы и тезисы. М., 1979.
35. Судник Т.М., Цивьян Т.В. Мак в растительном коде основного мифа // Балто-славянские исследования 1980. М., 1981.
36. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.
37. Полный иллюстрированный словарь-травник и цветник, составленный по новейшим ботаническим и медицинским сочинениям врач. Е.Н. Залесовой и О.В. Петровской: В 4-х т. СПб., 1898–1901.
38. Автамонов Я.А. Символика растений в великорусских песнях // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. Ч. 344. № 11. Ноябрь; № 12. Декабрь.
39. Караџић В. Српске народне пјесме. У Бечу, 1841. Књ. 1.
40. Мићовић Љ. Живот и обичаји Поповаца // Српски етнографски зборник. 1952. Књ. 65. [Живот и обичаји народни. Књ. 29].
41. Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1980.
42. Morawski Z. Myt roślinny w Polsce i na Rusi. Tarnów, 1884.
43. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX – начало XX в. Летне-осенние праздники. М., 1978.
44. Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губ. // Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1890. Т. LXIX. Труды этнографического отдела. Т. XI. Вып. 1.
45. Носаль М.А., Носаль І.М. Лікарські рослини і способи їх застосування в народі. Київ, 1960.
46. Яневский С. Миракли: Роман-трилогия / Пер. с макед. Н. Смирновой. Предисловие Вяч. Вс. Иванова. СПб., 2000.
47. Радин А. Бильке у заштити против вампира // Кодови словенских култура. 1996. Број 1. Година 1. Бильке.
48. Соколов С.Я., Замотаев И.П. Справочник по лекарственным растениям. Фитотерапия. М., 1990.
49. Валягина-Малютина Е.Т. Лекарственные растения. СПб., 1996.
50. Тарачков Н. Из путевых заметок при ботанических поездках по Воронежской губернии // Воронежская беседа. 1861.
51. Sobotka P. Rostlinstvo a jeho význam v národních písních, pověstech, bájích, obřadech a pověrách slovanských. Příspěvek k slovanské symbolice // Novočeská bibliothéka. Číslo XXII. Praha, 1879.

© 2007 г. М. В. ЖУЙКОВА

МЕТАФОРА УГОЩЕНИЯ В ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦАХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: КОГНИТИВНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

В восточнославянских языках с давних времен функционирует большое количество образных номинаций, прежде всего идиом, основанных на базовой метафоре угощения, употребления или приготовления пищи или, иначе говоря, на так называемом кулинарном коде. См., например, украинские идиомы и поговорки *передати куті меду; як мед, так і ложкою; мало каші з'їв; як вареник у маслі; не один пуд солі з'їсти; ділити хліб-сіль; не дати плюнути собі в кашу; за сім верст киселю їсти, рус. заварить кашу; каша просит* (про порванную обувь); *уйти несолоно хлебавши; калачом не заманишь; дырка от бублика; отрезанный ломоть; крепкий орешек; белор. адбіваць хлеб; хлеб аддаць; скарынка хлеба; ні мёду ні смуроду; не клёцкі сёрбаць; еш не хачу; піва не зварыш*, а также метафорические предикаты *пересолить, расхлёбывать* и под. Некоторые образные единицы из этой большой группы подробно рассматривались в специальных лингвистических работах.

Наибольшую по численности и разнообразию по функционально-семантическим признакам группу образуют номинации, в которых “кулинарный” код служит для называния физического воздействия на человека, наказания, избиения, отплаты за какую-то вину. Это, например, украинские выражения *почастувати різками (канчуками, киями, ломакою), почастувати юшкою, дісталоя на горіхи, заробити на баранки, всипати березової каші, дати дубового сала, дати товчеників, покуштувати віника (різок, кия), всипати бобу та гороху, рус. потчевать (угощать) пинками (щипками, ударами), отведать калиновой каши, белор. палучаць бярозавай кашы, палучыць на арэхі*. Кроме того, “кулинарный” код часто используется при обозначении обстрела из огнестрельного оружия: *зустріти олив'яними гостинцями, пригостити свинцем* и другие, которые будут подробно рассмотрены ниже. В этой группе могут быть выделены семантические подклассы, соотносящиеся с разными референтными ситуациями. Эти ситуации отличаются по характеру воздействия субъекта на объект: наказание розгами или палками, избиение в потасовке, пощечина, поражение из огнестрельного оружия, словесное порицание и т.п. Между внутренней формой этих языковых единиц и их лексическим значением иногда суще-

Жуйкова Маргарита Васильевна – канд. филол. наук, доцент кафедры прикладной лингвистики Волынского государственного университета им. Леси Украинки.

ствуют довольно четкие корреляции. Так, прилагательное *березовый* (*березовые*) входит в состав идиом, которые называют наказания розгами, а идиомы с прилагательными *оловянный*, *железный* обозначают военные действия, обстрел. Однако такая специализация наблюдается относительно редко, поскольку в целом в этой группе образных номинаций доминирует тенденция к содержательному обобщению и нивелированию семантических оттенков отдельных выражений. Например, идиома *дать/получить на орехи* может означать как избиение и другие формы активного влияния на человека, который в чем-то провинился, так и военные действия.

Названная группа образных номинаций, как мы уже сказали, объединяется общей идеей угощения, наделения чем-то съедобным, получения пищи. В разных языковых единицах эта идея манифестируется при помощи разнообразных, часто довольно узко специализированных средств. Поэтому уместно задаться вопросом: чем вызвано появление той или другой конкретной единицы кулинарного кода? Почему это *каша*, *похлебка* и *сало*, а не, например, *борщ*, *вареники* и *сметана*? Какая связь между *бобами* и *горохом* и обстрелом противника? Почему в этом коде нет *капусты*, *рыбы*, *меда*? Почему среди предикатов, которые кодируют ситуации наказания, так часто используются глаголы с семантикой **каузации** поедания пищи (*дать*, *угостить*, *попотчевать*)? Иными словами, чем обусловлен выбор единиц кулинарного кода для обозначения сферы наказания и избиения, какие семиотические закономерности можно тут обнаружить? Все это сводится к вопросу о механизмах возникновения указанных образных номинаций, о развитии мысли их создателей, о когнитивных операциях, осуществляемых при порождении новых языковых знаков.

В данной статье мы подробно рассмотрим лишь те образные номинации, которые обозначают обстрел из огнестрельного оружия. Они не настолько устойчивы, чтобы получить статус идиом; их можно назвать одно-, дву- и трехкомпонентными метафорическими номинациями. См., например, рус. *угостить свинцом*, укр. *зустріти олив'яними галушками*, *почастувати чавунними кавунами* и др. Целью нашего разыскания является не только описание этих образных номинаций и их семантико-функциональная характеристика, но и выявление специфики их образования, анализ когнитивных механизмов, которые их породили. Последняя задача тесно связана с вопросом об общих когнитивных основах идиообразования и метафоризации, о роли ментальных процедур идентификации, категоризации, интерпретации, сравнения и оценки данных чувственного опыта в процессах номинации.

1. *Метафорические номинации, обозначающие военные действия*

В этой сфере человеческого опыта наиболее релевантным фрагментом является ситуация боя, активного взаимодействия враждующих сторон. После возникновения и распространения огнестрельного оружия поединок двух противников, которые находятся в тесном физическом контакте и сражаются с помощью холодного оружия, постепенно уступает место дистанционному бою, когда воюющие стороны разделяются некоторым пространством и поражают друг друга на расстоянии. Эта новая ситуация и оказывается в центре ментальной сферы военных действий. В ее осмыслении обязательно присутствует эмоционально-оценочный компонент, а потому говорящим нужны для ее названия высоко экспрессивные языковые единицы. Очевидно, что удовлетворить

требованию экспрессивности и оценочности могут лишь метафорические, образные номинации, которые представляют сферы военных действий через какие-то другие фрагменты человеческого опыта.

Донорской зоной для концептосферы “обстрел из огнестрельного оружия” в русском и украинском языках выступает такая важная для традиционной культуры сфера, как прием (встреча) гостей в доме хозяина. С приемом гостей связываются прежде всего представления об угощении, наделении пищей, одаривании, которые входят в комплекс поведенческих и этических норм, регулирующих действия как гостя, так и хозяина. Именно эти представления и легли в основу метафорического осмысления военных действий с применением огнестрельного оружия.

Рассмотрим подробнее способы номинации концепта “обстрел из огнестрельного оружия”.

Для этого используются прежде всего предикаты рус. *угостить*, *попотчевать*, укр. *почастувати*. Объектом при этих предикатах могут выступать существительные нескольких типов: во-первых, прямые или метонимические названия тех предметов, которыми стреляют из огнестрельного оружия (*пули*, *картечь*, *свинец*); во-вторых, номинации с обобщенной семантикой подарка (*гостинец*); в-третьих, образные номинации, которые принадлежат к категории ‘то, что употребляется в пищу’ (*пишено*, *перец*, *мак*, *галушки*, *фасоль*, *бобы*, *горох* и др.). См. следующие примеры из украинской и русской литературы и фольклорных текстов:

1. “...*То ви добре майте,
По дві штуки гармат набирайте,
Тую галеру із грозної гармати привітайте,
Гостинця їй дайте!*” [1. С. 35].

2. *То тебе промовляв,
На присішках став,
Без міри пороху підсипає,
Татарину гостинця у груди посилає.
Ой ще козак не примірівся,*

А татарин ік лихий матері з коня покотився! [2. Т. 1. С. 18].

3. – *Воевода буде дуже задоволений тобою, бай Момчиле, – сказав один із супутників старого. – Ця допомога якраз вчасна. Собака Сафар-бей готує напад на Чернаводу, і ми його зустрінемо олов'яними гостинцями...*[3. Т. I. С. 256].

4. *Сунуть люди рівними лавами... Іде лава на лаву, посилаючи одна другій олив'яні гостинці, дишучи огнем та димом...* [4. С. 139].

5. – *На місця! До зброї! – командував він. – Ех, коли б Гонта заманив цю погань, то ми б її почакували чавунними кавунами: любо буде глянути, як уся гайдамацька наволоч кинеється врозтіч під градом картечі й куль!* [5. С. 418].

6. *Шафранський ... підтримував бадьорий настрій в усьому місті; ... запевняв, що його фортеця міцна й неприступна, що він сам хоче якнайшвидше побачити “ту погань” і почакувати її з височини мурів картеччю.* [5. С. 417].

7. – *Покайтеся, бо година помсти близька!*

– *За ласку вам дякуємо, а вам ми радимо, забирайтесь до диявольської мами, бо зараз привітаємо вас олив'яними галушками, що ні один з вас живий не вийде* [6. С. 89].

8. – *До возів! – скомандував він, не даючи їм часу опам'ятатися. – Он у вас рушниці... Стріляйте по ляхах із-за возів... Почастуйте їх по-запорозькому свинцевим горохом!* [5. С. 308].

9. *Забил снаряд я в пушку туго*

И думал: угощу я друга!

Постой-ка, брат мусью! [7. С. 155].

10. – ...*Сколько раз говорил я гермейстеру, чтобы поставить все пушки на дыбы и не давать растаскивать ядер на поварни.*

– *Славно сказано, барон; еще лучше, когда б это исполнилось. Тогда перестали бы револьвы потчевать приятелей, как их потчуют русские, калеными ядрами в виде пирожков* [8. С. 126].

Для выявления механизмов перенесения номинации с одной сферы на другую следует сопоставить некоторые характерные признаки ментальных образов ситуаций обоих типов: угощения и обстрела. Это поможет выделить как инвариантные, так и отличительные (дифференциальные) признаки.

Угощение гостя осмысливается в народной культуре как его одаривание, наделение его определенными вещами, которые имеют высокий ценностный статус в обществе, чаще всего пищей. Поэтому мы будем говорить дальше не о ментальных образах совместного приема пищи, а об образе дарения, наделения даром. В этой ситуации присутствуют такие участники: субъект (агент), адресат (лицо, которое получает дар) и сам объект передачи (дар). При этом важно принять во внимание, что до начала действия объект обязательно должен принадлежать субъекту, иначе последний не может распоряжаться этим предметом и передавать его другому лицу в дар. Вследствие акта дарения предмет перестает принадлежать субъекту и переходит в собственность адресата (и одновременно оказывается в его личном пространстве). Существенно и то, что субъект действует целенаправленно и сознательно. Еще один релевантный признак ситуации мы укажем ниже. К нерелевантным признакам ситуации отнесем саму процедуру перемещения предмета от субъекта к адресату и материальный характер этого предмета.

Ситуация обстрела из огнестрельного оружия оказывается более сложной по своей ролевой структуре (*кто кого обстрелял, из чего, чем*). В ней имеются четыре участника с иными ролями, чем в ситуации угощения. Враг, по которому стреляют, – объект, на него направлено действие; предмет, которым стреляют, – это средство, а то, из чего стреляют, – инструмент. “Средство” (пули, картечь и под.) в ситуации обстрела к началу действия входит в сферу владения субъекта, а в результате действия перестает в ней находиться. Субъект сознательно направляет движение “средства” таким образом, чтобы оно переместилось туда, где находится объект (точнее: в личное пространство объекта).

Как видим, семантические роли участников ситуаций дарения и обстрела различаются: предмет, который передается, в одном случае выступает объектом, а во втором – средством; адресат первой ситуации становится объектом во второй. Во избежание неоднозначности дальнейшего изложения, при сопоставлении ситуаций мы будем использовать названия актантов, которые описывают ситуацию дарения. Такой выбор мотивируется тем, что последняя выступает донорской зоной для номинации обстрела из огнестрельного оружия. Поэтому предметы, которыми стреляют и которые выступают аналогами дара, мы будем называть объектами, а врага, по которому стреляют, – адресатом.

Представим на схеме соотношение ролевых структур предикатов, обозначающих две ситуации: одаривание гостя и обстрел противника, а также укажем их концептуальные роли.

Ролевая структура предиката <i>дарить</i> (донорская зона метафоризации)	агент: <i>кто</i>	<i>дарит</i>	адресат: <i>кому</i>	объект: <i>что</i>	
Ролевая структура предиката <i>обстреливать</i> (реципиентная зона метафоризации)	агент: <i>кто</i>	<i>обстреливает</i>	объект: <i>кого</i>	средство: <i>чем</i>	инструмент: <i>из чего</i>
Концептуальная структура фрейма дарения, используемая при метафоризации	<хозяин>		<гость>	<дар>	

Сопоставление двух ролевых структур наглядно показывает, как именно происходит замена актантов (на концептуальном уровне им соответствуют слоты) в процедуре метафоризации. Важно отметить, что эта замена является результатом когнитивного сближения двух ситуаций и осмысления обстрела как дарения. Как мы уже отмечали, эти ситуации сближаются на основе таких инвариантных признаков: 1) субъект действует сознательно; 2) объект перестает принадлежать субъекту; 3) субъект стремится сделать так, чтобы объект попал в пространство адресата (или в сферу его собственности). Заметим попутно, что эти признаки обнаруживаются на уровне осмысления обеих ситуаций и не принадлежат к наблюдаемым. Кроме того, в обеих ситуациях присутствует такой наблюдаемый признак, как перемещение объекта от субъекта к адресату, однако в ситуации дарения он оказывается, как правило, нерелевантным (очевидно, что расстояние, на которое перемещается объект, может варьироваться: оно гораздо меньше в ситуации дарения, когда возникает прямой физический контакт, чем в ситуации обстрела). Сближение ментальных образов двух ситуаций базируется на некоторых общих признаках, среди которых доминирует передача определенного объекта от субъекта к адресату.

Теперь обратим внимание на наличие в обеих ситуациях еще одного признака, который реализуется через свое наличие или отсутствие. Назовем этот признак так: заинтересованность/незаинтересованность адресата в том, чтобы иметь объект в своем пространстве (или своей собственности). В случае дара можно утверждать, что адресат заинтересован в том, чтобы что-то получить, поскольку общественная норма требует от хозяина наделить гостя чем-то особенным, ценным. Адресат (гость) стремится получить дар. В ситуации обстрела, напротив, адресат не заинтересован в том, чтобы у него оказался объект, иначе говоря, он не хочет получить предмет, направленный субъектом в его пространство. Этот предмет не представляет для адресата никакой ценности, поскольку, во-первых, не может быть им использован, а во-вторых, может стать причиной ущерба: разрушения, ранения или даже смерти. Поэтому он не только не ценен для адресата – он опасен и нежелателен.

Именно этот признак, который можно назвать: “отношение адресата к объекту-дару”, актуализируется в тех случаях, если обстрел из огнестрельного оружия обозначается языковыми единицами из сферы угощения или дарения (*послать гостиницу, угостить свинцовым горохом, дать залізного бобу* и т.п.). В одном способе номинации сталкиваются такие компоненты, как передача пред-

мета-дара от субъекта к адресату и нежелание адресата иметь этот предмет. Это и создает экспрессивное напряжение подобных языковых единиц, делает употребление предикатов *угостить*, *попотчевать* ироническим.

Для осознания оценочной и эмоциональной нагрузки этих выражений важно также принять во внимание, что обрядовая или даже бытовая ситуация угощения обязательно задает определенное распределение социальных ролей: одна сторона выступает как хозяин, а вторая как гость. Хозяин является активным, ему принадлежит инициатива, кроме того, он находится на своей территории и свободно распоряжается своей собственностью. Гость, соответственно, приходит на чужую территорию, он пассивен и сильно ограничен в своих действиях; сфера его собственности также существенно сужена (у него есть только то, что он принес с собой). Можно утверждать, что роль хозяина, которую берет на себя одна из воюющих сторон, оказывается концептуально значительно более привлекательной, чем роль гостя. Поэтому, как показывают примеры, в роли субъекта метафоры угощения выступает коммуникативно активная сторона (*мы их*, а не *они нас угостили*, *попотчевали*, *встретили* и под.). Если подобные выражения использует автор-рассказчик, то он, как правило, характеризует действия той из воюющих сторон, которой симпатизирует (исключение составляет пример 3).

Осмысление военных действий как угощения стимулирует поиски образных номинаций для пуль и пороха среди предметов, которые могут быть съедены или используются для приготовления пищи. Подбираются прежде всего такие предметы, которые похожи на пули и порох по форме, размеру, иногда и по цвету. Наша выборка из текстов украинской литературы показывает, что такими предметами являются *пшено*, *перец*, *мак* (семена), *фасоль*, *бобы*, *горох*, *арбузы*, *галушки*. В основном это предметы круглой формы, которые своими размерами напоминают порох, пули или пушечные ядра разного калибра.

Рассмотрим подробнее вещественные основания для метафорических номинаций пороха и пуль.

Как известно, порох ранее вырабатывался и применялся в виде порошка (отсюда и его название), в который входили сера, селитра и древесный уголь. Со временем из этого порошка начали вырабатывать мелкие крупинки, так называемые зёрна, что обеспечивало более тесный контакт составных частей пороха и давало лучший эффект при стрельбе. Диаметр таких *зёрен* варьировался в зависимости от того, для какого вида оружия предназначался порох, и в среднем составлял несколько миллиметров. Можно предположить, что именно поэтому порох кодировался не одной, а несколькими метафорическими номинациями: *перец*, *мак*, *пшено*.

Особенно распространенной метафорической номинацией пороха во всех восточнославянских языках является слово *мак*. В словаре В. Даля зафиксирована интересная номинация *ружейный мак*, которую Даль толкует так: “Стрельное зелье, порох, продаваемый тайком” [9. Т. 2. С. 291]. Очевидно, высокая распространенность таких образных номинаций, как *мак*, *ружейный мак*, *черное пшено*, была обусловлена необходимостью скрывать истинное содержание предмета разговора.

Подобным же образом подбирались метафорические номинации для пуль и снарядов: решающими был их размер, который соответствовал калибру оружия. См. такие метафорические названия, как *горох*, *бобы*, *фасоль*, *галушки*, *арбузы*, *пирожки*. Заметим, что это не единственные известные способы обозначения пуль и ядер. Возможно, в живой народной речи их было гораздо боль-

ше. Например, в словаре В. Даля находим такие редкие метафорические выражения, относящиеся к военным действиям: “[Идти] *под стукалов монастырь, под чугунные колобы, на войну*” [9. Т. 2. С. 138]. Именная группа *чугунные колобы* кодирует тут пушечные снаряды (ядра). В данной номинации также подчеркивается прежде всего форма снарядов.

Характерно, что метафорические номинации снарядов, пуль и пороха часто объединяются в текстах с прилагательными *свинцовый, чугунный, железный*, которые указывают на металл, из которого сделаны эти пули, и с прилагательным *черный*, обозначающее цвет пуль или пороха. Таким образом повышается экспрессивность этих форм номинации и вместе с тем облегчается их распознавание как метафорических, образных.

Заметим также, что признаки сходства между пулями или порохом, с одной стороны, и предметами, которые употребляют в пищу, – с другой, могут выходить за рамки внешних характеристик предметов двух рассматриваемых сфер. Существенными для сближения могли быть также процессуальный и инструментальный аспекты, при которых бралось во внимание то, как и в чем готовят эти предметы к употреблению/использованию. Имеем в виду способ обработки зерен некоторых растений и технологию изготовления пороха, между которыми было много общего. Так, чтобы получить пшено, из которого варят кашу, просо толкли в ступах; мак также перед употреблением толкли или растирали. Для изготовления пороха его компоненты (древесный уголь, селитру) надо было тщательно растолочь, измельчить пестом в специальных ступах. Итак, и орудие, и способ действия, которые применяются в технологических процессах, оказываются в определенной мере подобными, что тоже содействует ментальному сближению двух разных сфер человеческого опыта и осуществлению на этой основе метафорического переноса.

2. Культурные основания интерпретации военных действий и наказания как угощения

Метафора, которая представляет наказание (в его широком смысле) как угощение, имеет под собою глубокие мировоззренческие основы. Выше уже говорилось о том, что угощение, наделение гостя пищей в народной культуре осмысливается как одаривание. Остановимся более подробно на архаических представлениях о категориях дара и гостя, тесно связанных между собой.

Пища, т.е. все, приготовленное к употреблению, была тем ценнейшим объектом, ради которого прилагал свои усилия первобытный охотник, скотовод или земледelec. Однако в архаической культуре употребление пищи никогда не рассматривалось только как акт, обеспечивающий выживание человека как существа биологического. Очень рано к этому был добавлен и культурный, семиотический компонент: пища интерпретировалась как дар, полученный людьми от высших существ, богов, которые распоряжаются всем видимым и невидимым миром. Лексемы *доля* (от *делить*), *счастье* (буквально: “добрая часть”) указывают на то, как именно древний человек представлял себе распределение благ в мире: определенное высшее существо, владеющее богатством, выделяет человеку (точнее, человеческому сообществу) его часть, маленькую или большую, т.е. одаривает его тем, что ему необходимо для жизни, и прежде всего пищей. Получив дар, человек обязательно должен отдать часть тому божеству, от кого его получил, в знак благодарности за дары и в надежде на будущие щедро-

ты распорядителя благ¹. Одаривание божества пищей имело целью добиться его милостей, обеспечить коллективу жизненные блага, процветание в будущем.

Статус гостя в традиционной культуре славян в значительной мере определялся восприятием его как существа сакрального, как представителя или посланца высших сил или же как медиатора между двумя мирами. Украинская поговорка *Гість в дім – Бог в дім* концентрированно отражает идею сакрального статуса гостя. Такое понимание его статуса диктовало и соответствующее поведение хозяина: он должен был принять гостя как можно лучше и всячески демонстрировать готовность ему услужить. Гостя сажали на самое почетное место в доме, угощали, обеспечивали отдых и мытье, кормили его коней, давали пищу на дорогу и т.п. “Хозяин ... старался принять гостя как можно лучше, надеясь путем символического соглашения с высшими силами, представителем которых является гость, обеспечить свое будущее” [11. С. 532]. Поскольку одаривание гостя интерпретировалось как жертва божеству, оно становилось необходимым компонентом этикетных норм, нарушение которых угрожало опасностью не только определенному лицу или семье, а и целому коллективу (роду). Ср. русскую поговорку: *Кто за хлеб-соль берет со странного* (т.е. с путешественника, странника. – Ж.М.), *у того спорыньи* (удачи. – Ж.М.) *в дому не будет* [12. Т. 2. С. 242].

Таким образом, в народном сознании существовала стойкая концептуальная корреляция “гость” – “дар”, где адресатом дара выступает гость, а субъектом – хозяин.

Именно эта корреляция и отразилась на осмыслении некоторых ситуаций, далеких от стереотипа приема гостя как посланца высших сил, однако совпадающих с ним по некоторым релевантным признакам. Имеем в виду прежде всего разбойные нападения, военное вмешательство, кражи и т.п., которые осмысливались как вторжение лица (группы лиц) на чужую территорию. Одна сторона в этих ситуациях сохраняет свой статус хозяина, так как продолжает находиться в своем пространстве. Другая сторона, осуществляющая агрессию, получает статус *не прошеного гостя*, см. рус. поговорку *Незванный гость хуже татарина*, где слово *татарин*, безусловно, актуализирует смысловой компонент ‘агрессор’. В другой поговорке непрошенный гость получает резко отрицательную характеристику “пёс”: *Званный – гость, а незванный – пёс* [12. Т. 2. С. 247]. Ср. также ироническое, насмешливое употребление слова *гость* по отношению к вора́м в русском фольклорном тексте XVIII в.: *Однажды ... забрались к ним в рож откуда-то гости на добрых конях и с самыми исправными жатвенными орудиями, ржи ножали* (неправильно, должно быть *пожали*. – Ж.М.), *в снопы связали, на телеги уклали, да сами только и были* [13. С. 196].

Очевидно, что в народной среде отношение к непрошеному гостю существенно отличалось от отношения к нормальному, желанному гостю как существу сакрализованному. Тем не менее хорошо усвоенный концептуальный сценарий приема гостей позволял переносить некоторые признаки одной ситуации на другую. Следствием этого и являются интерпретации фрагментов одной концептуальной сферы (агрессия) в понятиях другой (одаривание гостя): предметы, которые перемещаются от субъекта к адресату (не только пули, но и само оружие, орудие наказания), осмысливаются как дары, как жертва, прежде всего съедобная. На языковом уровне это обнаруживается в употреблении ме-

¹ Архаическая трактовка совместной еды как жертвы божеству подробно рассмотрена в работе [10].

тафорических предикатов *угостить, попотчевать, отведать* и под. Но поскольку статус стороны-агрессора иной, чем статус гостя (это непрошенный, т.е. нежелательный гость, в определенном смысле “антигость”), то поведение хозяев относительно него меняется: если его и угощают, то чем-то таким, что нормальному гостю никогда не дают и сами не едят. Так, на русском Севере, в деревнях Северного Белозерья непрошеным гостям давали пить самое плохое пиво – “перевару” [14. С. 146]. Это же представление отражено в русской поговорке *Каков гость, таково ему и угощение* [12. Т. 1. С. 188].

Ср. также противопоставление двух гостей – богатого и бедного – в белорусском заговоре против эпилепсии: *Прыехалo (імя) два госці, адзін бенны, другі багаты. Багатаго саджаюць за стол, а беннага кідаюць пад стол. Багатага частуюць медамі-вінамі, а беннага закідаюць чорнымі штанамі* [15. С. 349].

Отметим, что ситуация “антиугощения” хорошо разработана в фольклоре и обрядах. Так, в фольклорных текстах разных жанров описываются кормление человека из свиного корыта, из лохани, в которую сливают помои, а также угощение помоями, сеном, гнилью, половой, лошадиным или коровьим помётом и другими предметами, не предназначенными для употребления в пищу. См. ироническую концовку русской народной сказки: “...Здесь меня угощали: отняли лоханку от быка да налили молока; потом дали калача, в ту ж лоханку помоча. Я не пил, не ел...” [16. С. 289]. Это, конечно, не угощение в обычном, традиционном понимании, когда наделение человека пищей – это проявление уважения к нему, утверждение его высокого социального статуса, а “угощение наоборот”, направленное на унижение гостя, на подчеркивание его крайне низкого статуса. Можно предполагать, что “антиугощение” не просто подчеркивает такой статус, но и формирует его. Отрицательное отношение к человеку может выражаться в том, что ему желают подавиться ненормальной, нечеловеческой пищей, см. в русской “корильной” песне:

... У нас дома не здорово,
Свекор с печки свалился,
За корыто завалился! ...
За корыто завалился,
Мякиною подавился! [17. С. 188].

Мотив неадекватного угощения находим и в быличках, повествующих о встрече человека с нечистой силой. Черт или леший в облике знакомого приглашает человека в кабак, угощает вином, что-то дарит. Потом этот человек оказывается в каком-то отдаленном или опасном месте, а подарки превращаются в помёт, уголь, глину и т.п. См. в этой связи записанный в Харьковской губернии рассказ о контакте человека с ведьмой: «Унадилася до одного чоловіка відьма корову доїти. Оці він і задумав її піймати. Йому хтось наказав, що як сядеш у загороді за бороною, то вона тебе не побаче. Він так і зробив. Сів за бороною і сидить. Вона прийшла та зараз взяла **гарячий кизяк** та й положила йому за пазуху та й каже: “**На тобі гостинець та й сиди тут!**”, а сама корову подоїла та пішла собі, а він просидів до самого світу з гостинцем за пазухою» [18. С. 451]. Здесь в роли “гостинца” ведьмы выступает свежий помёт – предмет подчеркнуто несъедобный, окрашенный коннотациями нечеловеческого мира.

В метафорически осмысленных военных действиях непрошеного гостя – агрессора также угощают тем, что не годится к употреблению в пищу: *железными бобами, свинцовым горохом, чугунными арбузами* и т.п.

Мы уже отмечали, что при осмыслении военных действий как угощения специфическим способом актуализируется оппозиция хозяин/гость. Это обнаружи-

вается в том, что роль субъекта действия, обозначаемую метафорическими предикатами *угостить, встретить, приветствовать*, часто берет на себя субъект речи (или рассказчик, симпатии которого на стороне коммуникативно активной стороны): хозяин активно *встречает/угощает* агрессора особыми дарами (пулями, снарядами). Это несколько противоречит представлениям о распределении ролей в ситуации агрессии (как правило, более активным является агрессор, т.е. тот, кто посягает на чужую территорию или собственность), тем не менее хорошо вписывается в концептуальную структуру, соответствующую стандарту приема гостя. В самом деле, роль гостя в доме хозяина довольно пассивна, ему больше запрещено, чем разрешено, тогда как хозяин выступает активной стороной, он может и должен проявлять инициативу. “Гость фактически становится заложником определенных этикетных требований, которым он вынужден подчиняться” [11. С. 532]. Ср. пословицы, приведенные у В. Даля: *В гостях, что в неволе; У себя, как хочешь, а в гостях, как велят* [12. Т. 2. С. 244]. Поэтому, несмотря на высокий положительный семиотический статус гостя, в традиционном концепте “гость” могут быть выявлены и отрицательные компоненты. Именно они и актуализируются при осмыслении военных действий через метафору угощения.

Таким образом, в метафоре угощения, которая служит для интерпретации военных действий, актуализируются только некоторые составляющие концептуальной структуры приема гостя в доме хозяина. Но это составляющие чрезвычайно важные и стойкие. Центральной среди них является идея угощения гостя как его одаривания чем-то ценным. Именно она доминирует при образном осмыслении обстрела из огнестрельного оружия. Вторым важным компонентом концепта приема гостя является функциональная оппозиция хозяин/гость, которой приписываются характеристики активный/пассивный. В этой оппозиции содержатся латентные оценки обоих участников (в определенном смысле быть хозяином – хорошо, а быть гостем – плохо). Выбор языковых единиц, которыми метафорически обозначаются военные действия, является следствием актуализации названных концептуальных компонентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Героїчний епос українського народу: Хрестоматія / Упоряд. та примітки О.М. Таланчук. Київ, 1993.
2. Записки о Южной Руси / Издал П. Кулиш. Київ, 1994. Т. 1, 2.
3. Малик В. Посол Урус-Шайтана // Малик В.К. Твори. В 2-х т. Київ, 1986.
4. Панас Мирний. Лихі люди // Панас Мирний. Твори у двох томах. Київ, 1989. Т. 1.
5. Старицький М. Останні орли. Львів, 1990.
6. Чайковський А. Сагайдачний: Історичний роман. Київ, 1993.
7. Лермонтов М.Ю. Бородино // Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. М., 1988. Т. 1.
8. Бестужев А. Ревельский турнир // Бестужев-Марлинский А.А. Соч. в 2-х т. М., 1981. Т. 1.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М., 1955.
10. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1998.
11. Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти т. / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1.
12. Даль В.И. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа. Сб. в 2-х т. СПб., 1997.
13. Словарь русского языка XVIII века. Л., 1989. Вып. 5.
14. Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь. М., 1997.
15. Замовы. Беларуска народная творчасць. Мінск, 2000.
16. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в трех томах. М., 1957. Т. 1.
17. Собрание народных песен П.В. Киреевского. Записи П.И. Якушкина. Л., 1986. Т. 2.
18. Иванов П. Народные рассказы о ведьмах и упырях // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. Київ, 1991.

ИЗ СЛОВАРЯ “СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ”¹

С 1994 г. журнал “Славяноведение” регулярно предоставлял свои страницы авторам этнолингвистического словаря “Славянские древности”, создаваемого под общей редакцией акад. Н.И. Толстого (М., 1995. Т. 1; 1999. Т. 2; 2004. Т. 3), для публикации предварительных версий словарных статей к очередным томам. Настоящая публикация завершает эту серию, поскольку четвертый том словаря находится в печати, а работа над последним, пятым томом завершается. Журнальные подборки строились по тематическому принципу (народный календарь, животные, растения, персонажи народной демонологии, человек, ритуальные предметы, обряды и т.д.) в отличие от самого словаря, где статьи располагаются в алфавитном порядке. Предлагаемая ниже заключительная подборка включает четыре статьи пятого тома: две из них посвящены ключевым разделам народной космологии, сформировавшимся под сильным влиянием книжной христианской традиции, но сохранившим и архаические дохристианские представления (“Сотворение мира” и “Страшный суд”), третья характеризует народные способы осмысления и номинации пространства и их место в традиционной картине мира (“Топонимия народная”), четвертая дает представление о принятых у славян толкованиях сновидений, используемых при этом приемах, критериях, оценках и отношении народного сонника к соответствующему жанру книжной традиции. Каждая из данных тем в последние годы обогатилась новыми материалами и удостоилась специального внимания исследователей; из наиболее ценных для словаря публикаций укажем следующие: *Кузнецова В.С.* Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции (Новосибирск, 1998), *Дергачева И.В.* Посмертная судьба и “иной мир” в древнерусской книжности (М., 2004), *Пугин А.В.* Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности (СПб., 2006), “Народная Библия”: Восточнославянские этиологические легенды / Сост. и комм. О.В. Беловой (М., 2004), *Подосинов А.В.* Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии (М., 1999), *Березович Е.Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте (Екатеринбург, 2000), *Niebrzegowska S.* Polski sennik ludowy (Lublin, 1996), Сны и видения в народной культуре / Сост. О.Б. Христофорова (М., 2002), Сны и видения в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова (М., 2006).

¹ Продолжение. Начало см. 1993. № 6; 1994. № 2, 5; 1995. № 3; 1996. № 5; 1997. № 4, 6; 1998. № 6; 1999. № 6; 2001. № 2, 6; 2002. № 6; 2003. № 6; 2004. № 6; 2005. № 6; 2006. № 6.

СОТВОРЕНИЕ МИРА – сюжет космогонических мифов и этиологических легенд, развивавшийся в славянской традиции под воздействием библейской, прежде всего – апокрифической.

Наиболее известный фольклорный космогонический сюжет сохранился в русском духовном “Стихе о Голубиной книге”. Голубиная книга (“Книга глубины” – основы мира), написанная самими Царем Небесным, выпадает из тучи (к крестному – мировому – дереву, на Фаворскую гору, к камню Алатырю); истолковать ее может лишь царь Давид (Давыд Евсеевич) по просьбе князя Владимира (крестителя Руси) или царя Волотомана (ср. др.-рус. *волот* – великан). Согласно “Книге”, белый вольный свет “зачался от суда Божьего”, солнце красное – от лица Божьего, месяц – от груди, звезды – от риз Божьих, темные ночи – от дум Господних, утренние зори – от его очей, буйные ветры – от Святого духа, дробный дождик – от слез Христа (по другим вариантам свет – от Святого Духа, от лица Божьего, солнце – от очей и т.д.). За сотворением мира в стихе следует антропogонический миф: у людей разум – от самого Христа, помыслы – от облаков небесных, “мир-народ” – от Адама, сотворенного из космических стихий (кости – от камня, тело – от земли, кровь – от морских вод).

Тот же стих содержит фольклорную космографию: “Белый (православный) царь – над царями царь, Святая Русь – всем землям мать, Адамова голова (Лобное место – Голгофа) – всем головам мать, Иерусалим (пуп земли) – всем городам отец, камень Алатырь – всем камням отец, кипарис (крестное древо) – всем деревьям мать, плакун-трава, возникшая из слез Богородицы, – всем травам мать, океан – всем морям отец, Фаворская (Сионская) гора – всем горам мать, кит-рыба – всем рыбам мать, потому что на трех (семи) китах покоится земля, Индрик (единорог) – всем зверям отец и т.д. Духовный стих завершается мотивом борьбы двух “лютых зверей” (в другом варианте – двух зайцев) – Правды и Кривды: победившая Правда пошла на небеса, Кривда распространилась по земле. Источники духовного стиха – древнерусские апокрифы “Беседа Иерусалимская” и “Беседа трех святителей”, где “высота небесная, широта земная и глубина морская” соотносятся с тремя ипостасями Троицы – Отцом, Сыном и Духом Святым, небеса – обитель Творца до сотворения мира – описаны как “три каморы” (свода), солнце сотворено от риз Господних, луна – от воздуха и престола Господня, гром и молния – от огненной колесницы, к которой приставлены два “громных ангела” (в одном из вариантов апокрифа им приписываются имена Перуна и Хорса – древнерусских божеств).

В славянской традиции распространилось и книжное представление о мире, как яйце: известна польская легенда о земле, сотворенной из яйца, упавшего с мирового дерева [1. С. 39].

На фольклорную космографию повлияла апокрифическая картина мира: земля держится на трех китах в океане, дно которого опирается на железный столп, тот стоит на неугасимом огне и т.п. Землетрясение происходит оттого, что один из китов, вол, на котором держится земля (серб.), шевелится. Небесная твердь уподоблялась не только каменному своду (трем, семи, девяти сводам и т.д.), но и глиняному сосуду, крышке и т.п.: известные рассказы о том, что первоначально небо было низко над землей, но его оттолкнули своими орудиями косец или пахарь, осквернители божьего дара (хлеба) – с тех пор оно стало недосыгаемым [2. С. 441 и сл.].

Дуалистические версии сотворения мира (и человека) у восточных и южных славян восходят к архаическим космогоническим мифам о двух творцах – доб-

ром и злом, плавающих в виде двух птиц (гоголей – черного и белого, уток и др.) в волнах первичного океана. Эти версии развивались под воздействием апокрифической (богомильской?) книжности, прежде всего – “Сказания о Тивериадском море”.

В “Сказании о Тивериадском море” Тивериадское озеро представлено как первичный океан. Бог опускается по воздуху на море (ср. космогонический сюжет в книге Бытия) и видит Сатанаила, плавающего в облике гоголя. Тот называет себя богом, но признает истинного Бога “господом над господами”. Бог велит Сатанаилу нырнуть на дно, вынести песок и кремень. Песок Бог рассыпал по морю, создав землю, кремень же разломил, правую часть оставил у себя, левую отдал Сатанаилу (ср. оппозицию правого и левого как воплощения благого и злого). Ударяя посохом о кремень, Бог создал ангелов и архангелов. Сатанаил же создал свое бесовское воинство.

Подобные легенды сохранялись у болгар, поляков, украинцев, русских и славянских народов Восточной Европы: сатана – обитатель первичного океана (в виде водоплавающей птицы, черта в пене, в лодке; в некоторых сказаниях Бог создает сатану из своей тени); Бог велит ему нырять за землей (иногда сатана сам предлагает Богу создать землю). Сатана трижды ныряет, но лишь на третий раз, помянув Божье имя, достает земли, утаив часть во рту. Бог творит землю, которая начинает расти на море и во рту у сатаны; тот выплевывает утаенную часть, из нее возникают холмы и горы. По другим вариантам, Бог засыпает на сотворенной земле, сатана пытается сбросить его в воду, тащит его в одну сторону, потом в другую – так по всем сторонам света, но земля разрастается, и сатане не удается утопить Бога; напротив, он невольно совершает ритуал благословения земли, начертав крест во время своих попыток. Наиболее архаичный вариант дуалистического сказания, записанный в Заонежье, представляет Саваофа в виде белого гоголя, сатану – в виде черного (ср. [1. S. 39–40; 2. С. 213 и сл.; 3; 4]).

После творения земли, ангелов и бесов возгордившийся Сатанаил пытается создать собственное небо (в соревновании с Богом возникают семь небес), но архангел Михаил низвергает его (отбирая у противника божественное имя *ил*) и всю нечистую силу на землю – так появились нечисть, бесы и черти на земле. Сам сатана проваливается в преисподнюю. В сербскохорватских дуалистических сказаниях сатана и падшие ангелы захватывают с собой солнце (или оно изначально находится в руках противника Бога – Дуклиана, мифологизированного императора Диоклетиана, гонителя христиан). Архангел (или Иоанн Креститель) затевает с сатаной ныряние в море, и когда дьявол (или Дуклиан) ныряет, покрывает море льдом и уносит солнце на небо. Дьявол пробивает лед, но настигает архангела уже на небе, вырвав часть его ступни (с тех пор у людей выемка в ступне).

В украинских колядках дуалистическая космогония имеет уже вырожденный характер: два голубка спускаются на два дуба среди мирового океана и держат совет, как им “основать свет”: со дна моря они достают песок для суши и синий камень для неба. В фольклоре славян сохранились пережитки космогонических мифов о браке неба и земли [1. S. 28–29], оплодотворяемой небесным дождем (ср. рус. *мать сыра земля*), о небесной свадьбе солнца и месяца. В сербской песне Денница (планета Венера) женит Месяц, сватает у тучи молнию, в кумовья зовет самого Бога, которому дарит небеса, деверьями – Петра и Павла, которым достается летний зной (Петров день), старшим сватом – Иоанна Крестите-

ля, получившего крещенские холод и снег, воеводой свадебного поезда – святого Николу (он получает власть над водами), возницей – Илью-пророка (его дары – молнии и громовые стрелы). К космогоническим сюжетам примыкают многочисленные этиологические легенды о происхождении светил, земли, гор, водоемов, грома и т.д.

Продолжением дуалистических космогоний с участием сатаны являются антропомифические легенды. Древнейшая из них пересказана в “Повести временных лет” (под 1071 г.): волхвы (языческие жрецы?) поведали о том, как Бог мылся в бане, вспотел и отерся “ветошкой”, которую сбросил с небес на землю. Сатана стал спорить с Богом, кому из нее сотворить человека (сам он сотворил тело, Бог вложил душу). С тех пор тело остается в земле, душа после смерти отправляется к Богу. В позднейших восточнославянских и болгарских вариантах творение человека более приближено к ветхозаветному мифу: Бог создает человека из глины и уходит на небо за душой, оставляя сторожем собаку, еще не имевшую шкуры; сатана соблазняет собаку шубой или хлебом (усыпляет холодом) и оплевывает человека. По возвращении Бог выворачивает свое творение наизнанку – из-за оплеванных внутренностей человек становится подверженным болезням. По другим вариантам, дьявол истыкал человека пальцем (шилом), чтобы душа в нем не держалась; Бог заткнул все отверстия травами (которые стали лечебными), кроме одного, из которого исходит душа со смертью (болг.); дьявол тщится создать человека, подобного сотворенному Богом, но у него получается волк, которого оживляет Бог (волк откусывает дьяволу часть ноги, поэтому он хром). Такими же неудачами завершается подражание в творении овса – дьявол сеет сорняки; вместо коровы у него выходит коза и т.д. В русских преданиях сатана насаждает яблоню – древо познания, осину (на которой повесился Иуды), хмель и т.п., чтобы искушать человека.

В русских легендах сатана претендует на власть над людьми – ведь они сотворены из земли, добытой им со дна океана. Он получает власть над мертвыми людьми, поэтому они должны были пребывать в преисподней (аду) до Страшного суда.

Апокрифический сюжет, распространенный в болгарской и древнерусской книжной традиции и имеющий античные истоки, – сотворение Адама Богом из восьми частей – элементов мироздания: тело взято от земли, кости – от камней, кровь – от моря, глаза – от солнца, мысли – от облака, “от света – свет”, от ветра – дыхание, от огня – теплота. Когда Господь оставил Адама одного лежащим на земле, чтобы взять ему “глаза от солнца”, сатана вымазал Адама нечистотами. Сняв эту грязь и смешав ее со слезами Адама, Бог сотворил собаку, чтобы та стерегла человека, а сам отправился за “дыханием” для Адама. Сатана вновь явился к человеку, и хотя собака не подпускала его близко, тот все же истыкал тело Адама палкой (оплевал его и т.п.), впустив в него 70 недугов. Бог вновь изгнал сатану и очистил человека (вывернул наизнанку – отсюда внутренние болезни). Он послал ангела взять (букву) “аз” на востоке, “добро” на западе, “мыслете” на севере и на юге – из букв было создано имя “Адам”.

В фольклоре русских старообрядцев сюжет сотворения Адама “из природы” получил характерную мотивировку: “тело (Адама) из земли: по смерти иде в землю; кровь из морской воды: всю жизнь ходя, как морская волна... глаза из солнца: как солнце светя, так и глаза человеци днем смотрят, а ночью спля”. Лишь силу Бог сотворил “из ничего” – чтобы человек мог жить своими трудами. В русском духовном “Стихе о Голубиной книге” из частей тела Адама – пер-

вочеловека возникают все сословия: от головы – цари, от “мощей” – князья и бояре, от “колена” – крестьяне, из Адамовой головы вырастает мировое дерево – “кипарисовое дерево” и т.д.

Наряду с преданиями, где антропогонические мифы связаны с космогоническими, распространены легенды о сотворении человека из глины, основывающиеся на библейском мотиве о сотворении Адама “из праха земного”. В болгарской традиции Бог делал людей, как гончар горшки; после обеда Творец увидел, что работа продвигается медленно и в спешке стал лепить людей, получавшихся хромыми, больными, гордецами и упрямыми и т.п. Характерен мотив божественной слюны, использованной для размешивания глины: от этой слюны происходит мужская сила (семя); напротив, плевок сатаны, хотевшего оживить слепленное тело человека, наводит на него порчу – болезни (укр., рус.). В украинской легенде творец использовал оставшуюся у него горсть глины, чтобы приделать человеку половой член – так было создано грешное тело, иначе человек оставался бы в раю.

В некоторых апокрифах (болгарская и древнерусская “Легенда о крестном древе”) Адам изображается великаном: Соломон попадает в “костяную пещеру”, которая оказывается черепом Адама, в нем могло уместиться 300 мужей. К мотиву перволюдей-великанов примыкает украинское предание о прародителях, которые были так сильны, что наступая на камень, оставляли на нем след (ср. так называемые камни-следовики – петроглифы в виде человеческой ступни); после грехопадения, напротив, камни вдавливались в ступни – отсюда у людей впадина в ступне.

До грехопадения у первых людей была роговая (как ногти) кожа: Адам умолил Господа оставить его потомкам часть “вечной” кожи на пальцах в напоминание о райском бессмертии (рус.; в болгарском варианте Адам и Ева были первоначально покрыты волосами).

Мотив сотворения первой женщины – Евы – в некоторых легендах продолжает библейских миф: ребро для творения взято “от самого сердца” Адама, чтобы жена любила мужа (рус.); собака вырывает ребро у первочеловека, и Бог творит из него Еву и т.п. В других вариантах Адам был сотворен с хвостом, и Бог, чтобы отделить человека от животных, отрезал ему хвост и создал из него женщину; первоначально мужчина и женщина были соединены, но сатана оторвал женщину, так что у Адама остался мужской член, а у Евы – влагилице: с тех пор мужчины и женщины стремятся к воссоединению, и от этого рождаются дети (бел.) [5. С. 2].

Другой этиологический мотив антропогонических мифов – происхождение кадыка, “адамова яблока”, от запретного плода: от съеденного яблока у Евы появляется вождление к сатане, у Адама – к Еве; от соития с сатаной рождается Каин, с Адамом – Авель. По другому варианту, от сатаны рождается потомок с двенадцатью (семью) головами, лишь одна из которых – человечья, остальные – звериные: сатана обещает Адаму съесть лишние головы, если тот “отпишет” ему все свое земное потомство. От Каина происходит грешное потомство, которому Сатана показал, как построить вавилонскую башню: Бог смешал языки строителей, и те, забыв Бога, стали поклоняться идолам (рус.).

Согласно западноукраинской легенде, после грехопадения первых людей Бог проклял Еву, повелев ей рожать в муках, а после смерти – нести яйца: каждый день прародительница должна была снести столько яиц, сколько людей умирает на земле. Бог разрезает те яйца пополам и бросает на землю: из одной

половины родятся мальчики, из другой – девочки; когда они вырастают, то их женят. Если же половина яйца упадет в море (будет съедена зверем и т.п.), то человек останется на земле без пары.

В.Я. Петрухин, д-р ист. наук

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Słownik stereotypów i symboli ludowych. I. Kosmos. Lublin, 1999.
2. “Народная библия”: Восточнославянские этимологические легенды / Сост. и коммент. О.В. Беловой. М., 2004.
3. *Веселовский А.Н.* Разыскания в области русских духовных стихов. XI. СПб., 1889. Вып. 5.
4. *Кузнецова В.С.* Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Новосибирск, 1998.
5. *Кабакова Г.И.* Адам и Ева в легендах восточных славян // *Живая старина*. 1999. № 2.

СТРАШНЫЙ СУД – один из ключевых эпизодов народной сакральной истории и эсхатологии, с которым в славянской фольклорной традиции связываются представления о судьбах мира и человечества, о втором пришествии Христа, о воздаянии праведникам и каре грешникам. Народные легенды и духовные стихи о Страшном суде сформировались под влиянием христианской книжности и иконографии, но в то же время отразили целый комплекс архаических космологических представлений и народно-этических норм. Многие мотивы народных легенд созвучны образности книжных сочинений (см., например, описание “последних времен” в “Слове Мефодия Патарского” [1. С. 224–226, 245–248, 262–268; 2. С. 299–400]). Эти легенды могут носить не только эсхатологический характер, но быть частью межконфессиональной полемики (например между христианами и иудеями) или отражать реакцию на социальные мероприятия (введение распознавательных кодов, идентификационных номеров и т.п.).

Эсхатологические легенды, в цикл которых входят рассказы о Страшном суде, завершают цикл “народной Библии”, так же как текст Апокалипсиса венчает канонический библейский текст. В текстовом пространстве “народной Библии” этиология (космогония) и эсхатология (конец света) составляют рамочную конструкцию, полюса которой зеркально отражают друг друга. Так, дни недели, связанные в народных представлениях с сотворением мира, оказываются и датами конца света. По представлениям жителей украинского и белорусского Полесья, а также болгар Баната, “свет сновался” в субботу, и этим объясняется запрет на снование ниток; в то же время в гомельском Полесье зафиксировано поверье о том, что нельзя сновать в субботу, так как в этот день наступит конец света [3. С. 218–221]. Легенды о пауке, который “свет сновал”, совмещают мотивы, связанные с первотворением и уничтожением мира (паук плетет паутину, из которой возникает мир – полес.; в конце времен пауки “заткут” паутиной все небо – в.-слав., см. [3. С. 393–395, 498–501]). Подобно тому, как в начале света род человеческий был един (“u ich byłá adná mowa, adná wiera i adná ustanowa” – Гродненская губ.) [4. S. 231] и только потом разделился на языки и народы, так и в конце времен “буде один нарід і один язык” (Галиция) [5. С. 79]. Согласно поверью из житомирского Полесья, общая примета начала и конца света – наличие бороды у всех мужчин: “Колы свит сновався, ўси були з бородами. И казали тода: колы буде конец света, тоже ўси будут з бородами” [3. С. 393]. Ср. пред-

ставление, бытующее в Польше: каждый старый человек должен носить усы и бороду, потому что так выглядел сам Бог (окр. Ченстоховы) [3. С. 393].

В народной эсхатологии Страшному суду предшествуют явление Антихриста и знамения “последних времен”. По легенде, записанной в Вятской губ., Антихрист “уже народился и прогрыз 7 железных дверей – из тех 12-ти, за которыми он заперт в каменной горе” [6. С. 416]. Согласно легенде из Галиции, в конце времен явится Антихрист и будет летать по воздуху, а люди, думая что это святой, будут молиться и поклоняться ему [7. С. 79]. По легенде о пришествии Антихриста, записанной у современных пермских староверов, “придет такой добрый, а на лбу рога, и корону сверху наденет, и сядет на престол...” [8. С. 34].

Согласно легенде из Западной Белоруссии, “черт”, или “жидовский Мессия” (т.е. Антихрист), родится в конце времен у одной еврейки после семилетней беременности, сразу после рождения станет ходить, сделает себе воз с железной печью, будет ездить по свету и обращать людей в свою веру. Тех, кто будет противиться, он будет бросать вилами в печь. Тому, кто согласится, он даст свой знак [9. С. 281] (мотив явления Антихриста “из еврейского народа” – книжного происхождения, см. “Откровение Мефодия Патарского”). Ср. польскую легенду из окрестностей Кракова о том, что перед Судным днем родится *Jancychrist* – сын Люцифера и 70-летней еврейки; отличительной чертой его будет то, что он родится с зубами [10. С. 54] (ср. широко распространенное славянское поверье, что с зубами рождаются ведьмы и колдуны, упыри и “двоедушники” [11. С. 361]).

Рассуждения о пришествии Антихриста и конце света в современной традиции подкрепляются введением идентификационных номеров, содержащих цифровую комбинацию “666”, традиционно воспринимаемую как “число Антихриста” (ср. Отк. 13: 18, “число зверя”) и интерпретируемую как “печать Антихриста” (ср. Отк 13: 16–17), ср.: “будут ходить палачи ... будут звезды выжигать на лбу, будут номера выжигать...” (Костромская обл.) [12. С. 43].

Согласно представлениям, широко бытующим у восточных славян, признаками конца света и грядущего Страшного суда станут войны, убийства, падение нравов (всевластие “окаянного” над людьми), болезни, затмения, появление птиц с железными клювами, железных (огненных) коней и железной паутины на небе. В эсхатологических рассказах присутствуют также представления об аномальных природных явлениях, которые ознаменуют приближение последних времен. Согласно поверьям карпатских украинцев, перед концом света воды не будет семь лет; жаждущим черти будут предлагать питье из ольховой коры; семь лет не будет дождя, и черт будет поить людей золой, которую он собрал у тех, кто стирал и золил белье в Страстную пятницу; черт будет предлагать людям камень и смолу вместо хлеба и воды; наступит страшный голод, потому что в преддверии конца света в течение семи лет не будет никакого плода ни среди людей, ни среди животных, ни среди растений [3. С. 391–398; 13. С. 10–14]. Украинцы Подолии рассказывали, что “чорт нарядиться Богом и ходытыме скрызь помиж людьми з камнем и золою у руках”: людям камень будет казаться хлебом, а зола – водой [14. С. 220]. На Русском Севере считали, что перед концом света “за три года гром не загремит и петух не запоет. За три года до скончания света, но пока еще гром гремит и петух поет” [15. КА РГГУ, № 350, Ухта Каргопольского р-на Архангельской обл., 1996], что “перед концом света будут только молнии, если есть гром – значит еще поживем” [15. КА РГГУ, № 1182, Калитинка Каргопольского р-на Архангельской обл., 1996].

Практически повсеместно распространено представление о том, что о конце света рассказано в “старой” Библии, которую раньше читали в церкви или которой владели “знающие” люди [3. С. 396; 12].

Прогнозы относительно даты Страшного суда основываются на представлениях об особой значимости числа 7000 (именно такое количество лет отпущено на существование мира, ср. эсхатологические ожидания в 1492 г. (7000-й год от сотворения мира) и в 1992 г., который пришелся на “половину восьмой тысячи” от сотворения мира), об отмеченности в календаре високосных годов; временем конца света и Страшного суда часто назывался 2000 год.

“2000 год – конец света буде. Бог открье все книги грехоў и буде судить. И взлетит на небо ангел. Ангел зла и добра. По одну сторону стануть люди грешные и негрешные. И будут получать свое на том свете. Во всем мире буде, начнеца Страшный суд. Як не буде воды, то чорт буде носить смолу. Пэрэгорыть земля, буде огонь зноў” [3. С. 400]. Ср. Мат 25: 32–33 (“И поставит овец по правую Свою сторону, а козлов – по левую”), Мат 13: 49 (“...изыдут ангелы и отделят злых из среды праведных”), Мат 16: 27 (“...и тогда воздаст каждому по делам его”), Отк 20: 12 (“...и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими”).

По рассказу из окрестностей Ловеча (сев. Болгария), в 2000 г. откроется небо, прозвучит голос, по небу покатаются колеса без волов и земля потонет в крови [16. С. 291].

Польские крестьяне на Любельщине считали, что Страшный суд может случиться в четверг или в пятницу, но ни в коем случае не в субботу, ведь написано в “святых книгах”: на Страшном суде все люди должны быть одной веры, а если он придется на субботу, «мы все станем “жидами”» [17. S. 216].

Страшный суд представляется как цепь природных катаклизмов, завершающихся собственно судом над человеческими душами, который вершит сакральный персонаж (Бог, Иисус Христос, Богородица). “Он сначала создал реки всё, а потом все и нарушит. Иисус Христос. Потому што не достойны жизни люди; люди, в опале которые у Господа Бога [в Бога не веруют]” [15. КА РГГУ, № 7566. Кречетово-Шильда-Созоново Каргопольского р-на Архангельской обл., 1996].

Сравним сообщение корреспондента Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева (конец XIX в.): “О грозе и кончине века. Весьма превратное понятие существует у нашего народа о грозе и кончине века; этот суеверный рассказ мне передала одна старушка, которая жила у меня в услужении. На небе, как говорила старуха, находятся два пророка Ильи, которые и производят гром следующим образом. Как только на небе является грозовая туча, то эти Божьи угодники начинают разъезжать по небу на огненных колесницах, запряженных тройкою огненных коней. Протяжные раскаты грома она приписывает громыханию этих колесниц, на которых разъезжают по небу святые пророки, сильные же удары происходят от столкновения этих коней и колесниц друг с другом. Когда же придет последнее время или конец всего мира, тогда эти столкновения будут происходить чаще и несравненно сильнее; и наконец произойдут несколько таких ударов или столкновений, от которых святые пророки прольют свою кровь, и эта кровь вместе с дождем прольется на землю, а от этой святой крови загорится земля на три аршина, и тогда уже наступит время второго пришествия Иисуса Христа на землю. Но Он сойдет на землю не сразу, а прежде Его на землю, очищенную огнем, сойдет Пресвятая Богородица и обойдет ее по всем на-

правлениям, и тогда уже сойдет Господь во славе своей на землю и станет судить людей живых и мертвых” (Рязанский у. Рязанской губ.) [3. С. 398].

Образность и символика подобных народных представлений соотносится с новозаветными источниками, ср. Деян. 2: 19–20 (знамения последних времен). Эсхатологическое представление о том, что земля сгорит от крови св. Ильи, отражено в ряде легенд из карпатского региона. Рассказывают, что в конце времен св. Илья, взятый живым на небо, придет умирать на землю. Он погибнет в битве с Сатаной (*злым, Иродом, Горганом*), приняв мученическую смерть через отсечение головы на шкуре огромного быка или вола; кровь Ильи просочится сквозь дырочку в шкуре и сожжет землю [7. С. 80–83, 253].

Описания Страшного суда в народных рассказах (горящие земля и небо, кипящая вода, свернувшееся в свиток небо) также опираются на главный эсхатологический памятник христианской традиции “Откровение Иоанна Богослова” (“Апокалипсис”): “А то вот пэршый народ, значыть, истрэбийўся водою, а другий вжэ, як будэ всеобщее, значыть, уничтожэние людэй, – огнэм. Зэмне станет, значыть, сиркою (серой. – *О.Б.*), попросту сказаты по тым, по-руску, а вода, значыть, бензином, чи газом, и все будэ горэти. И напысано так: нэбо свэртытса ў свэрток, а зэмля згорыть” (полес. волын.); “Па земле пайдуть мерзость и запущение, и вайна будеть, земля и вада и аблака будуть гареть, а патом вельми харошая жисть, и ангелам семь чаш даў Бог, штоб ў море вливали. Сэдьмую влили, то па марям пашли разные цветы, все, наша жисть, а теперика не знаем, чем ано кончицца” (полес. гомел.) [3. С. 399] (ср. Отк 6: 14; Отк 16).

По поверью из Смоленской губ., при кончине мира ангелы вострубят в трубы и проведут лесенку от земли до неба, которая сделана из человеческих длинных волос; по ней смогут взойти только праведники [3. С. 400].

По представлениям белорусов Гродненской губ., по зову трубы архангела Михаила все умершие соберутся в “долину Езапата” и “по правуй будуць гоўцы, а по леву козлэ; гоўцы пойдуць до раю, а козлэ до пекла” [18. С. 89]. Болгары-мусульмане в Разградско (с.-вост. Болгария) верили, что на Страшном суде Господь или “ангел с востока” затрубит в рог, и от этого сгорит весь мир [19. АИФ VIII.12. С. 80]. У украинцев Карпат бытует представление о том, что трубы, в которые будут трубить ангелы на Страшном суде, сделаны из обрезанных и выброшенных людьми ногтей; ср. в связи с этим предписание собирать остриженные ногти и хранить их за пазухой [20. С. 11]. Белорусы Гродненской губ. полагали, что душа человека, который при жизни бросает обрезанные ногти на землю, не идет “ни да пекла, ни да неба”, а превращается в аиста и ходит по земле, пока не соберет всех ногтей [4. С. 22]. Ср. свидетельство из Полесья: собирая разбросанные ногти, человек может опоздать на Страшный суд и вечно будет скитаться “в темном и беспредельном пространстве” [21. С. 457].

В черниговском Полесье рассказывали: “Будет Страшный суд – так мертвые будут сидеть на веточках, як птички. Грешные у леву сторону, а правые – у право. Як будем Богу молитца, так проживем тую тысячу. Другий свет должэн новатца” [3. С. 401]. Ср. Мат 25: 32–33 (“И поставит овец по правую Свою сторону, а козлов – по левую”), Отк 20: 3 (верные Христовы последователи царствуют тысячу лет). Видение душ умерших в виде птиц соотносится с архаическим представлением об орнитоморфном образе души (см. [22. С. 76–77]).

Представшие на Страшный суд люди будут все одного возраста (возраста распятого Христа) (полес. волын.). В Болгарии (окр. Кырджали) считали, что на Страшный суд люди восстанут в возрасте 18 лет и все будут на одно лицо [19.

АИФ VIII.3. С. 38]. Ср. поверье, что на Страшном суде все будут “молодыми” (рус. каргопол.). В Гродненской губ. верили, что на Страшном суде все люди (даже те, кто на этом свете не умели читать и писать) должны будут прочесть вслух по божественной книге все свои грехи и добрые дела [4: S. 227].

У русских старожилов Литвы существует поверье, что когда душа идет на Страшный суд, она должна нести с собой могильный крест: “И крест ставится деревянный, когда уже закопали [покойника]. И стоит, пока не сотлеет. Земля должна быть землей... Идет на Страшный суд душа его, она должна с собой нести крест; а крест каменный душе не под силу, а деревянный каждый может нести...” (Зарасайский р-н) [23. С. 27–28]. Согласно севернорусским верованиям, крест следует ставить в ногах могилы: “А на Украине в голову ставят, говорят, кацапы крест ставят в ноги, што пойдет, этот суд Страшный будет, суд, дак встает и сразу береца за крест, на плечо и пошел” (каргопол.) [3. С. 401].

Пришествием на Страшный суд, который будет общим для всех народов, часто объясняются различия в погребальном обряде: например, считается, что евреи хоронят своих покойников сидя, так как они хотят обогнать христиан на Страшном суде и первыми предстать перед Господом (укр., бел., пол.) [24. С. 196–197].

Человек должен быть готов к последнему суду всегда, поэтому в ровенском Полесье так объясняли правило для женщин спать в юбках: “[Когда спишь,] юпки скидаты нэ можна, [потому что, когда будет Страшный суд, не успеешь ее надеть]” [3. С. 408].

Согласно широко бытующим в Полесье поверьям, люди, убитые громом (молнией) и погибшие в огне, женщины, умершие от родов, не идут на Страшный Суд – Бог уже снял с них все грехи. Встречаются свидетельства о том, что на Страшный суд не идут утопленники и висельники (полес. брест.).

В Каргополье считают, что не прощенные Богом грешники (особенно самоубийцы) после Страшного суда оказываются “в коленях” у сатаны [15. КА РГГУ, № 11038. Кречетово Каргопольского р-на Архангельской обл., 1996] (ср. представления о том, что сатана держит на коленях Иуду – рус. вят., з.-укр.).

О.В. Белова, д-р филол. наук

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Тихонравов Н.С.* Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. Т. 2.
2. *Франко І.* Апокрифи і легенди з українських рукописів. Львів, 1906. Т. 4.
3. “Народная Библия”: Восточнославянские этимологические легенды / Сост. и коммент. О.В. Беловой. М., 2004.
4. *Federowski M.* Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1897. Т. 1.
5. *Гнатюк В.* Галицько-руські народні легенди. Т. 1 // Етнографічний збірник. Львів, 1902. Т. 12.
6. *Зеленин Д.К.* Описание рукописей Ученого архива Имп. Русского географического общества. Пгр., 1914. Вып. 1.
7. *Гнатюк В.* Галицько-руські народні легенди. Т. 2 // Етнографічний збірник. Львів, 1902. Т. 13.
8. *Сморгунова Е.М.* “А где он Антихрист – нам секрет”. Эсхатологические представления современных пермских староверов // Живая старина. 1998. № 4.
9. *Federowski M.* Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1903. Т. 3.
10. *Gloger Z.* Encyklopedia staropolska ilustrowana. Warszawa, 1978. Т. 1.
11. Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2 (Д–К).
12. *Громов Д.В.* Фольклорные тексты о “ранешней” Библии // Живая старина. 2003. № 1.

13. Белоусов А.Ф. Последние времена // *Aequinox*. Сборник памяти о. Александра Меня. М., 1991.
14. Чубинський П. Мудрість віків. Київ, 1995. Кн. 1.
15. Каргопольский архив Лаборатории фольклора Российского государственного гуманитарного университета (Москва).
16. Ловешки край. София, 1999.
17. Kolberg O. Dzieła wszystkie. T. 17: Lubelskie. Cz. 2. Wrocław; Poznań, 1962.
18. Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1902. Т. 3.
19. Архив Института фольклора Болгарской Академии наук (София).
20. Ветхозаветные сюжеты в народной культуре Украинских Карпат / Публикация С.П. Бушкевич // *Живая старина*. 2002. № 3.
21. Трусевич И. Предания, поверья, пословицы и песни жителей Полесья // *Киевлянин*. 1865. № 113.
22. Толстая С.М. Славянские мифологические представления о душе // *Славянский и балканский фольклор. Народная демонология*. М., 2000.
23. Живое слово. Фольклор русских старожилов Литвы / Сост. Ю. Новиков. Вильнюс, 1999.
24. Белова О.В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005.

Топонимия народная – географические названия, отражающие мифопоэтические представления о пространстве¹. Реалии географического ландшафта, поименованные топонимами, выступают как арена, где разворачиваются события мифологизированной истории, действует нечистая или крестная сила, осуществляется обрядовая деятельность, – тем самым топонимия закрепляет и транслирует мифопоэтический образ пространства. Благодаря способности топонима устойчиво сохранять внеязыковые сведения, минимально трансформируясь во времени, топонимия нередко обнаруживает следы архаичных представлений о мире, утраченные другими формами символического языка культуры.

Из топонимии может быть извлечена информация о языческом пантеоне славян (в то же время к этим реконструкциям следует относиться с осторожностью, поскольку для ряда топонимов могут быть предложены альтернативные этимологические версии, связывающие названия не с теонимами, а, к примеру, с антропонимами; о методических трудностях подобных реконструкций см. в [17; 18; 29]). К числу оттеонимических топонимов относят, в частности, следующие названия: В е л е с: *Велесница* (укр., бас. Дуная), г. *Велес*, *Велеш* (зап. Сербия), город *Велес* (центр. Македония), с. *Велестово*, *Велешта* (макед., Струшко), с. *Велестово* (Черногория), источник *Velesovo (= Zlatno) Vrilo* (хорв.); Д а ж д ь б о г: г. *Дажбог* (серб.); М о к о ш ь: *Mokošín Vrch* (чеш.), с. *Mokošica* (хорв., Дубровник); П е р у н: *Перунов Холм* (укр.), г. *Перен*, *Перуник* (макед.), г. *Perun*, *Perunić* (хорв.); Р а д г о с т: г. *Radhošt'* (чеш.), г. *Радогост* (серб., сред. Босния); С т р и б о г: с. *Стрибижна* (укр., Житомирщина); Т р о я н, Т р и г л а в: источник *Троян* (рядом место *Светополе*) (серб., Шумадия), *Триглав*, *Триглауш* (макед., Мариовско) и др. Топонимы такого типа чаще всего являются обозначениями гор (реже населенных пунктов), причем на некоторых горах обнаруживаются остатки языческих святилищ. О наличии языческих культовых объектов свидетельствуют также топонимы, образованные от слов “идол”, “болван”, “капище” и др.: *Sohe*, *Soholina* (< *soha* ‘идол’) (хорв.); *Бован*, *Бованска Клисура*, *Требиње*, *Требевић*, *Капешница*, *Каповац* (серб.); с. *Долни Болван* и *Горни Болван*, *Балованцикиот Камен* (Вост. Макед.); ур. *Болван*, *Идо-*

¹ Статья основана на топонимических материалах, извлеченных из источников [1–42].

лово, Божково (рус., арх.). В ходе христианизации в таких местах нередко размещались объекты христианского культа, что на ономастическом уровне нередко приводило к появлению оппозиции между топонимом и названием культового объекта, ср.: на горе *Perunsko* находится церковь *Sv. Jurja* (хорв.) [39. S. 506]; рядом с полем *Болваново* – церковь *Спаса Преображения* (рус., костр.) [13].

Персонажный ряд низшей демонологии представлен в топонимии гораздо полнее, чем языческий пантеон. Это объясняется тем, что низшие демоны “проживают” непосредственно на земле, поверхность которой описывается топонимами. Б е с: *Бесова Полянка* (рус., влг.), ур. *Бисова Баба* (укр.); в и л а, с а м о в и л а, с а м о д и в а: руч. *Вилино Коло*, *Вилина Вода* (в нижнем течении *Бесни Поток*), *Вилин Извор*, *Вилина Пећина* (серб.), *Vilino Vrelo*, *Vilina Krosna*, *Vilino Gumno* (хорв.), *Самодивец* (болг.), *Самодивското Кладенче* (болг., Поповско, Панагюрско), *Самовилин Кладенец* (болг., Самоковско), г. *Самодивски Бряг* (болг., Чирпанско), *Самовилски Камен*, *Самовилска Гретка* (макед.); в е д ь м а: г. *Ведьмина* (рядом г. *Лысая*) (рус., челяб.), *Вэдзьмина Возера* (бел., Витебщина), омут в оз. *Ciotorek* (< *ciota* ‘ведьма’) (пол.); д ь я в о л, с а т а н а: ямистое место *Дьяволово*, прк. *Сатана*, каменистая отмель *Сатанцы* (рус., арх.), *Diabelskie Skały* (пол., р-н Кракова), *Diabelskie Wrota* (пол., Татры), ур. *Дяволска Могила* (болг., Поповско); к и к и м о р а: пок. *Кикимориха* (рус., влг.); л а м я: поле *Ламња* (серб.); л е ш и й: г. *Лешаков Угор*, ур. *Лешья Зыбка* (рус., арх.), ур. *Лешачиха* (влг.); р у с а л к а: поле *Русалка* (влг.), *Русалски Гробища* (болг.); с а й т а н а р ‘мифическое существо, обитавшее в источниках и пещерах и приносившее вред людям и животным’: руч. *Сажтарски Поток* (серб.); у п ы р ь, в о л к о л а к: луг *Упырь* (влг.), *Въркодлаци* (болг.); ч е р т: руч. *Черторый* (рус., Москва), р. *Чертoleyка* (бас. Дона), овраг *Чертov Овраг* (рус., костр.), руч. *Čertoryje* (чеш.), *Czartowskie Skały* (пол.), *Чрътов Дол* (болг.), *Vrzov Dolac*, *Vražja Draga*, *Vražji Laz* (*vrag* ‘черт’) (хорв.), поле *Шейтанката*, *Шейтанов Трап* (болг., Чирпанско) и др. Многие названия такого типа, встречающиеся на разных славянских территориях, воплощают сходные мотивы, ср. мотив ч е р т о в о й н о ш и (демон несет тяжелую ношу (камни) и рассыпает ее, создавая тем самым какой-то элемент ландшафта или населенный пункт, поименованный топонимом): ур. *Лешева Ноша* (рус., бас. оз. Воже), ур. *Чёртова Ноша* (рус., бас. Белого озера), ур. *Чортовe Беремище* (укр., Киев) и др.

“Демонические” топонимы закреплены за географическими объектами с о п р е д е л е н н ы м и с в о й с т в а м и: водная стихия – объекты с застойной водой (болота, ямы с водой, омуты) или, наоборот, участки рек с быстрым течением; комплексные или переходные по своему характеру объекты – предболотье, буреломы, гряды между покосами, объекты со сложной характеристикой рельефа (овраги, ямы, рытвины, рвы, каменные завалы, бугры); опасные, страшные зоны ландшафта – труднопроходимые места, дремучие леса, обильные змеями места, скалы, мысы, пороги, отмели, водовороты; объекты, которым приписываются сверхъестественные свойства, – места, где “водит”, “чудится”, камни-“следовики”, “бездонные” озера, горные массивы, облик которых изменился в результате выветривания, скалы с причудливыми очертаниями и т.п.; объекты, расположенные на границе или служащие границей – межи, перекрестки дорог; “неокультуренные” ландшафтные зоны – отдаленные от дома, глухие (захолустные) места, бедные в хозяйственном отношении объекты, недостаточно обработанные или заброшенные пахотные и посевные земли; места, связанные с чьим-либо самоубийством, с захоронениями иноверцев.

Взаимодействие топонимов с именами демонов является двусторонним: на основе топонима может сформироваться имя мифического персонажа, “демона места”, ср. *Хозяйка Медной горы* (ср.-урал., героиня сказов Бажова), *Патромиха*, *Чудница*, *Коленьга* – имена мифических существ, которые, по поверьям, проживали соответственно в бол. *Патрома* (арх.), в ур. *Чудницы* (арх.), в р. *Коленьга* (влг.).

В топонимах могут отражаться также действия нечистой силы, направленные на географический объект или проявляемые в связи с ним (названия, образованные от слов “колдовать”, “ворожить”, “свистеть”, “рыть”, “хотать” и др.); реакции человека на контакт с нечистым местом: (топонимы от апеллятивов “казаться, мерещиться”, “бояться”); характеристики географического объекта, обусловившие восприятие его как нечистого (названия на базе слов “поганый”, “лихой”, “дурной”, “окаянный”, “шалной”). О потенциальной опасности (“нечистоте”) географического объекта свидетельствуют также названия, содержащие эпитеты “черный”, “темный”, “бездонный” и др., ср. *Чартово Воезера* = *Чёрнае Воезера* (бел., Полоцк), лес *Пуганое* = *Темный Лес* (рус., влг.). Эпитеты такого рода могут устойчиво соотноситься с определенным типом географических объектов. Так, на разных территориях повторяются топонимические “лысые горы”, обозначающие безлесные возвышенности, где, по поверьям, собирались на “слет” ведьмы.

Топонимически выделенными оказываются и “убиенные места” – локусы, связанные с умершими “не своей” смертью. Топонимия предупреждает об особом статусе места, упоминая имя погибшего (ср. традицию обозначения речных омутов по именам тех, кто в них утонул), называя событие (топонимы, образованные от основ “убить”, “удавить(ся)”, “утонуть”, “смерть”, “покойник”) или же оценивая свойства “убиенного места” как нечистого (топонимы, в основе которых слова “поганый”, “чертов”, “леший” и др.).

В топонимии находят отражение представления о святых местах. Восприятие локуса как святого может обеспечиваться собственными свойствами топографической реалии. “Святыми” (реже “божьими”) в большинстве случаев называют водные объекты – это реки, ручьи, источники со светлой, чистой, “сияющей”, “живой” (проточной, не застойной), родниковой водой; глубокие или большие озера; реки или озера с “феноменальными” свойствами (питаемые термальными источниками, “бурлящие”, имеющие “целебную” воду и др.), а также гидрообъекты, имеющие особую эстетическую или хозяйственную (промысловую) ценность. “Святость” гидрообъектов связана с традициями водопочитания и культом водных источников; мотивы блеска, сияния, движения отражают архаическую семантику святого [28. С. 468–476], которая поддерживается притяжением слов с корнями *svět- и *svet-. Так, озеро Байкал называют *Святым Морем*, потому что “при первом взгляде на него воображение зрителей поражено было удивлением от великолепия оногo” [12]. В роднике *Святой Колодчик* (= *Золотая Струйка*) “вода, как зеркало, светлая, как святая. Чистая вода. Кто заболел – больного поили” (рус., яросл.) [13]; в роднике *Святая Крыница* “вада живая, съвятая, лячебная” (блр., Подвинье) [23. Ч. 2. С. 218]; озера с названиями *Святое* (костр., ряз.), *Божьи Озера* (енис.), тonya *Божий Промысел* (Бакинск. губ.) отличаются изобилием рыбы [25. Т. V. С. 525; Т. I. С. 290]; по течению ручья *Святой Ердан* матери развешивают рубашки больных детей, чтоб вода унесла болезнь (рус., влг.), и др. Ср. также руч. *Света Вода* (макед.), родник *Свет Извор* (серб., Нови Сад), ключ *Svatá Studýnka* (чеш., юж. Моравия).

Идея святости водных источников может быть выражена также топонимическими лексемами, у которых семантика сакрального выделяется на уровне коннотации: “светлый”, “белый”, “серебряный”, “спорный (находящийся в споре – месте слияния рек)” и др.

Реже “святыми” называют горы, особенно те, которые являются высокими, безлесными и имеют “чудесные” свойства: *Святая Гора* в бас. Виледи (арх.) названа так, потому что она “ровная и как будто выросла” [13]; о *Святой Горе* на Алтае говорили, что по ночам в ней “поют пещеры” [31. С. 128]. Сакральность гор может быть выражена также эпитетами “божий”, “христов” и др.: *Божья Гора* (омск., алтай.), г. *Божиця* (укр.), г. *Христовая Печка* (арх.), *Божа Горка* (бел.), г. *Поднебесная* (влг.), *Jasna Góra* (пол., Ченстохов).

Помимо “исконной” святости географических реалий, соответствующий статус может быть сообщен месту за счет появления объекта культа – как языческого, так и христианского: на полях *Святой Камень*, *К Богу в Ступочку* лежат чтимые камни-следовики, у которых молятся; у оз. *Святое* стоит Никольская церковь (рус., влг.) [13]; на г. *Христов Камень* находился языческий жертвенник (псков.) [3. С. 12]; в месте *Święta Góra* был найден образ Богородицы скорбящей, который люди отнесли в костел [42. Т. II. S. 110]; топоним *Święta Lipka* отражает появление иконы Богородицы на липовом дереве (пол.) [39. S. 484]; ср. также: пок. *Святые Сосны* (влг.), чтимые камни *Боженькин Следок*, *Богов След* (псков.), *Богова Гора* (= *Молёбное*) (яросл.), пок. *Богова Сосна* (костр.), ур. *Святой Крест*, *Святой Образ* (арх.), *Святой Ключ* (= *Часовенский*) (рус. влг.), *Богова Ступня* (укр.), *Svêto Drevo* (словен.), *Свети Кръст* (болг.), *Крстато Дрво*, *Запис* (“зарубка”, “талисман”) (серб.). Многие сакральные топонимы указывают на культ определенного святого, ср. хорватские и сербские названия, связанные со святым Витом: г. *Sveti Vid* (Далмация), *Сутвид*, *Видово Поље*, *Видова Гора*. Возникновение таких топонимов нередко побуждает носителей традиции искать дополнительное обоснование святости локуса, связанного с культовым объектом, в сфере чудесного, сверхъестественного. Поэтому в связи со “святыми” топонимами на разных славянских территориях появляются легенды о перемещении икон, затонувших или провалившихся церквях (колоколах), ходящих по воде святых, спящем в озере мастере–строителе церкви и т.п.

“Исконная” и “привнесенная” святость локусов, обозначенных топонимами, нередко образуют синкретичный комплекс. “Святыми” могут быть названы феноменально опасные, “кризисные” места – пороги, омуты, мысы и скалы (около мыса *Святой Нос* у Канинского полуострова были сильные приливно-отливные течения, из-за чего гибло множество судов; название *Святого Порога* в Белозерье объясняют тем, что это “опасный порог, страшный” [13] и др.), которые отмечались установкой крестов, имевших цель “снять” опасность и сигнализировать об особом статусе места. Такую сигнальную функцию выполняют и “святые” топонимы.

Географические названия отражают разные стороны культовой деятельности, осуществляемой на святых местах, ср. вологодские топонимы: г. *Поклон-Гора* – “С этой горы церковь была видна, сюда народ молиться ходил”; *Говенный Ручей* и *Богомольные Ворота* – “Церковь была, от Говенного Ручья уже не ели, а говели. К Богомольным Воротам подходили и начинали молиться до самой церкви”; р. *Беломойка* – “Как шли в церкву, до этой рички доходили, переодевались и умывались” [13].

Сакральный статус имеют также топонимы, говорящие о феноменальном событии, случившемся в определенной ландшафтной зоне. Так, топо-

нимы, образованные от основы “гром”, “гремять”, могут отражать представления о появлении объекта от удара грома: “Ударил гром – и потек ручей, вода там святая” (о названии *Громовый Ручей*) (арх., Коношск. р-н) [13]; подобные легенды связаны с названиями руч. *Громуша*, *Гремечье* (влг.), *Громовой Колодец* (моск.). Ср. также хорватские топонимы с. *Triščana* (< *trisk* ‘гром’) недалеко от *Trišćenoga Potoka* и г. *Perun*, г. *Trišćenik* неподалеку руч. *Poganic* [39. С. 506]. В ур. *Туча*, по преданию, упала каменная туча, отогнанная Прокопием Праведным от Великого Устюга (рядом протекает руч. *Святой*); в *Явленном Месте* неподалеку от Котласа вышла из реки Богородица [13] и др.

Топонимы, которые обозначают “нечистые” или “святые” места, нередко образуют семантические комплексы, в которых смысловая связь названий поддерживается пространственной смежностью объектов. К примеру, гора, где находится идол с двумя головами, называется *Wróżna* (“Волшебная”), а прилегающая долина – *Czarowna* (“Колдовская”) (пол., Забжеж) [42. Т. II. С. 120]; недалеко от бол. Ад находится бол. *Проклятые* и ур. *Молебское* (арх., Приморск. р-н) [13]. Семантические комплексы топонимов могут закреплять разнообразные мифологические сюжеты, в том числе борьбу богов (героев) и демонов. Так, в нескольких топонимических рядах на разных территориях отражен змеборческий миф: у г. *Vidova Gora*, которая до сих пор служит местом отправления культа св. Вита, находятся *Zmajeva (Drakonjina) Spila* (“пещера дракона”) и *Dračeva Uvala* (“драконья бухта”) (хорв., побережье Адриатического моря); недалеко от г. *Perun* находится *Zmijski Kamik* (Босния) [39. С. 506–507]; две смежные горы носят названия *Велеш* и *Змајевац* (серб., бас. Дрины) [17. С. 43]. Топонимы *Kraków* и *Wawel* (гора в Кракове) позволяют восстановить миф об убийстве Краком дракона, жившего на горе (в слове *Wawel*, по одной из версий, обнаруживается приставка **wa-* и корень **vel-*, который присутствует в имени **Vel-esъ* [11. С. 162]). Семантическая антитеза обнаруживается также в названиях, отражающих противостояние “святого” и “нечистого”. По легенде, после крещения оз. *Святник* Стефаном Великопермским, черти бежали из озера по протоке *Чертовик* (рус., арх.) [13]; после того, как была освящена *Святая Гора*, черти в виде воронов полетели в губу *Чертова Лахта* (рус., Ладожское озеро) [16. С. 112]; у *Скоморошьего Ручья* “чудилось”, там устраивали “бесовские игрища”, а затем омывались святой водой из *Богородского Ручья* (арх., бас. Мезени) [13]. Ср. также оппозицию *Добра Вода – Вилина Вода* (серб.) [17. С. 46]. Наличие таких комплексов поддерживает реконструкцию семантики сакральных топонимов: так, существование в сербской оронимии пар *Велеш – Вилинац*, *Радогост – Перун* подтверждает версию о том, что в названиях отражены герои языческого пантеона [18. С. 3].

В системе народных географических названий встречаются вторичные топонимы, воссоздающие значимые для народной культуры славян топографические прецеденты: это имена, образованные от топонимов *Дунай*, *Карпаты* (повсеместно), *Рим* (пол., чеш., укр.), *Киев* (укр.), *Москва* (вост.-слав.) и др. Особую группу в составе вторичных названий образуют библейские топонимы: д. *Вавилон* (рус., тюрк.), г. *Голгофа* (арх.), поля *Вавилон* и *Ерусалимы* (арх.), руч. и пруд *Вавилон* (Москва, в районе Новодевичьего монастыря), г. *Голгофа* (Соловецкие о-ва), г. *Елеон* и *Синай* (арх.), р. *Ёрданка* (рядом руч. *Святой*) (влг.), поле *Палестинка* (костр.), г. *Осиянка* (в результате притяжения *Сион* к *сиять*) (влг.); *Самария*, *Мамринський Дуб* (укр., Сумы); *Palestyna*, *Betlejem*, *Jerozolima*, *Synaj*, *Jordan* (пол.); г. *Oreb*, руч. *Cedron*, монастырь *Emmauz*,

Betlémská Kaple (чеш.) и др. Названия такого типа относительно редки; они обычно обозначают объекты, находящиеся около церквей, часовен и монастырей (а иногда и собственно на территории монастырей: так, в подмосковном *Новом Иерусалиме* есть г. *Елеонская*, оз. *Силоамская Купель*, г. *Голгофа*, р. *Иордан* и др. [25. Т. III. С. 549–550]).

Прецедентная топография отражена также в топонимах, образованных от обозначений локусов “того света”. “Райские” топонимы, как правило, служат названиями объектов с позитивно оцениваемыми эстетическими или прагматическими свойствами: г. *Раек* (рус., арх.), пок. *Рай* (влг.), с. *Райгородок* (астрах.), с. *Райгород* (укр., Киев. губ.), *Raj, Rajec, Paradyż* (пол.). Названия, образованные от сочетания “тот свет”, обозначают горы: г. *Тот Свет* (арх., свердл.). “Адские” топонимы обозначают обычно болота, непроходимые места, населенные нечистой силой: по легенде, в болоте около оз. *Piektło* обитает дьявол, которого баба прогнала в болото из озера священной водой [42. Т. II. S. 430], – ср. также лес *Ад* (костр.), *Адово Болото* (арх.), бол. *Piektło, Piekliska* (пол.).

Топонимия и обрядовая деятельность. В топонимии находят отражение обрядовые действия, приуроченные к определенной зоне ландшафта. В рамках погребальных обрядов особым образом маркируется зона кладбища – названия, образованные от слов “хоронить”, “помянуть”, “отпевать”, “родители”, “божья нива”, “веселое место” (рус.); зона захоронения “заложных” покойников (в топонимии Русского Севера такие места отмечаются названиями *Убогий Дом, Жальник, Сторонница*); “нечистые” места, куда выбрасывали горшки, веники, солому после обмывания покойников – ур. *Горишки* (яросл.), овраг *Виничный* (арх.), бол. *Покойнищкое* (влг.). Выделены зоны проведения свадебных гуляний – это, как правило, возвышенные места, поименованные топонимами вроде *Свадебная Гора, Свадебницы* (арх.). Отмечены места, связанные с осуществлением рекрутских обрядов (зоны, где прощались с новобранцами): р. *Солдатка, Сопливая Горка* (костр.), *Плакун-гора* (перм.), *Плачи Дол* (болг.). В рамках земледельческой обрядности особо выделяется дожинальный обряд, проведение которого могло быть приурочено к определенному полю, убиравшемуся обычно последним и получавшему названия по обозначению самого обряда или обрядового угощения: *Борода, Соломатница* (арх.), *Деженное, Пивовар* (влг.) (*соломат* и *дежень* – названия кушаний из толокна и ягод, которые готовились на дожинках) и др. Маркируются места, связанные с исполнением календарных обрядов – например, празднованием Пасхи – пок. *Красное Яичко* (влг.), масленицы – пок. *Масленица* (арх.), дня Фрола и Лавра – *Кобылья Гора*, где лошадей окропляли святой водой (яросл.), и др.

Топонимия и фольклор. Топонимы служат смысловым центром топонимических преданий с историческими и мифологическими мотивами. Топоним может быть мотивирован преданием (название скалы *Масцига Krakusa* (“дубинка Крака”) отражает предание о том, что Крак убил змея дубинкой, а потом поставил ее на берегу (пол., р-н Кракова) [42. Т. II. S. 125–126]), но значительно чаще предание возникает как попытка (обычно народно-этимологическая) объяснить топоним в связи с каким-либо событием или фактом местной истории. Так, название *Петухов Камень* около Углича объясняется тем, что на этот камень будто бы прилетал огромный петух и троекратным кукареканьем предупреждал угличан о грозящей им опасности (этот сюжет использо-

вал Пушкин в “Сказке о золотом петушке”) [24. С. 163–164]. Топонимический ряд выступает для носителей традиции как своего рода учебник истории; сюжеты преданий могут развиваться с опорой на несколько смежных топонимов: “Шли татары с печенегами. На *Татарском* от *татар* могилы остались, на *Печеньге* от *печенегов*. Где *Бродовка*, *бродом* переходили на наш берег. Еда у их кончилась, *голодали*, вот лес тут *Голодник* назвали. У *Истратова* бой был, все *истрапились*. На *Окатовке* их стрелами *окатили*, на *Палочном Болоте* *палками* били” (костр., Буйск. р-н) [13]. Топонимические предания, как правило, возникают в связи с названиями объектов определенного типа. Так, горы-останцы, различные “фигуры выветривания” антропоморфны и способны порождать легенды об окаменевших людях, имена которых восстанавливаются из соответствующих топонимов (если такие скалы располагаются на разных берегах реки, друг напротив друга, то нередко рождаются легенды о несчастной любви юноши и девушки, которые по какой-то причине не могут встретиться): “*Степанов Камень* по Биче вверху, а прямо *Любава*. *Степан* и *Любава* были, его в солдаты взяли и убили. Она пошла на речку, на Бичу, с камня в воду прыгнула и разбилась. Назвали камень *Любава*. А прямо камень был, дак по парню назвали” (тюм., Усть-Ишим. р-н) [13]. Реки, вытекающие из одного озера и текущие некоторое время параллельно (или же реки, параллельно впадающие в одно озеро или крупную реку), осмысляются как сестры или братья (в зависимости от грамматического рода названия), которые поспорили о том, кто быстрее добежит до “отца” (“матери”), ср. распространенные у восточных славян легенды, где фигурируют *Волга – Вазуза*, *Волга – Сожа – Днепр*, *Волга – Западная Двина*, *Дон – Шат*, *Днепр – Десна*, *Днепр – Сожа* и др.

В других жанрах фольклора фигурируют географические названия, которые зачастую не связаны с личным опытом носителя традиции. Попадая в фольклорный текст, реальная топонимия нередко утрачивает функцию пространственного ориентира, географическая точность может нарушаться: например, в русской сказке *соловецкие* чудотворцы проживают не на Белом море, а на *Хвалынском* (= Каспийском) [19. № 317]. При этом топонимы приобретают символические значения: так, обозначения далеких царств и земель в эпическом фольклоре и сказках чаще всего выражают обобщенную семантику чужого (обычно враждебного) пространства, ср. употребление в русских былинах сочетаний типа *земля бухарская*, *земля датская*, *земля корельская* и др. Обозначения “своих” земель имеют более детализированную семантику: в русской паремии *Москва* обозначает красивое и богатое место; в украинских веснянках топонимы *Дін* и *Поділ* выражают понятия ‘запад’ и ‘восток’ [8. С. 53] и др. Символика фольклорных топонимов нередко основывается на языковых факторах – переосмыслении внутренней формы (в “Онежских былинах” *лимонская земля* – из *ливонская* под влиянием слова *лимон*) или “оживлении” грамматического рода названия – ср. присловья *Одесса – мама*, *Ростов (Харьков) – батька* (рус., укр.), *Kraków pan*, *Poznań (Lwów) ojciec*, *Warszawa matka każdemu* (пол.).

В различных жанрах фольклора широко функционируют в ы м ы ш л е н н ы е т о п о н и м ы. В качестве таковых могут выступать названия с прозрачной внутренней формой (*Szklana (Diamentowa) Góra* в польских сказках как символ очень привлекательного, но труднодостижимого места; город *Вахромей*, *Картаусское княжество* в русских сказках как царства, названные по имени правителя), а также затемненные формы: *Кидан море*, *Плитан море*, *море Катаган*, *Баянское поле* (белорусские заговоры), море *Коробанское*, *Брынская*

гора (русские загадки). Некоторые фольклорные топонимы получили широкую известность – город *Китеж*, камень *Алатырь*, остров *Буян* (рус.), что позволяет им функционировать также в качестве вторичных имен в реальной (внефольклорной) топонимии. Особую группу составляют игровые квазитопонимы, зашифровывающие какое-либо нарицательное слово: посад *Сковородный* < *сковорода*, город *Печено-Чугуненский* < *печь, чугун* (русские загадки).

Е.Л. Березович, д-р филол. наук

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агапкина Т.А.* Сюжетика восточнославянских заговоров (мотив мифологического центра) // Заговорный текст. Генезис и структура. М., 2005.
2. *Агеева Р.А.* Пространственные обозначения и топонимы в заговоре как типе текста: (на восточнославянском материале) // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982.
3. *Агеева Р.А.* Система номинации в региональной микрооронимии // Топонимия России. М., 1993.
4. *Березович Е.Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.
5. *Березович Е.Л.* Демонический топос в призме русской народной языковой традиции // Признаковое пространство культуры. М., 2002.
6. *Димитрова-Тодорова Л.* Местните имена в Поповско. София, 2006.
7. *Доровских Л.В.* Географические названия в русских народных сказках // Вопросы ономастики. Свердловск, 1982. Вып. 12.
8. *Дубина Н.М.* Функції топонімів у веснянках // Записки з ономастики. Одесса, 2004. Вип. 4.
9. *Железняк І.М.* Матеріали до “Історико-етимологічного словника топонімів Києва”. III // Магічне світло імені. Ужгород, 2003.
10. *Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев: Методология и историография. М., 1976.
11. *Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* Лингвистические вопросы славянского этногенеза (в связи с реконструкцией праславянских текстов) // Славянское языкознание. IX Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации. М., 1983.
12. Картоотека Словаря русских народных говоров (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).
13. Картоотека Топонимической экспедиции Уральского государственного университета (Екатеринбург).
14. *Кръстев Б.* Топонимията на Преславско. Шумен, 2005.
15. *Летова И.А.* О следах языческих представлений в русской топонимии // Вопросы ономастики. Свердловск, 1982. Вып. 15.
16. *Летова И.А.* Семантическое противопоставление “святой” – “черт” в топонимии Русского Севера // Этимологические исследования. Свердловск, 1988. Вып. 4.
17. *Лома А.* Везана митолошка назвања у топонимији // Ономатолошки прилози. Београд, 1987. Књ. VIII.
18. *Лома А.* Древние славянские божества у сербов // Живая старина. 1998. № 1.
19. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. М., 1984–1986. Т. 1–3.
20. *Неклюдов С.Ю.* Западный и восточный этнический вектор в русском эпическом сознании // На перекрестке культур: русские в балтийском регионе. Калининград, 2004. Ч. 1.
21. *Павлова Н.* Топонимията на Чирпанско. София, 2005.
22. *Панченко А.А.* Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998.
23. Полацкі этнаграфічны зборнік. Наваполацк, 2006. Вып. 1: Народная медицина беларусаў Падзвіння. Ч. 1–2.
24. Русская ономастика и ономастика России: Словарь. М., 1994.
25. *Семенов П.* Географическо-статистический словарь Российской империи: В 5-ти т. СПб., 1863–1885.
26. Топонимический архив отдела диалектологии Института чешского языка (Брно).

27. *Топоров В.Н.* Боги славянские // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1.
28. *Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т. 1: Первый век христианства на Руси.
29. *Худаш М.Л.* До питання про язичницькі мотиви в ономастиці України // Студії з ономастики та етимології. 2007. Київ, 2007.
30. *Черепанова Е.А.* Микротопонимия Черниговско-Сумского Полесья. Сумы, 1984.
31. *Чернышова Н.В.* Русская ононимия Алтая в аспекте номинации. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1988.
32. *Шилов А. Л.* Топонимические свидетельства языческого прошлого Москвы // Вопросы ономастики. 2006. № 3.
33. *Юдин А.В.* Ономастикон русских заговоров: Имена собственные в русском магическом фольклоре. М., 1997.
34. *Юдин А.В.* Иордан и Дунай в восточнославянском магическом фольклоре // Вопросы ономастики. Екатеринбург, 2004. № 1.
35. *Юдин А.В.* Ономастикон восточнославянских загадок. М., 2007.
36. *Adamowski J.* Kategoria przestrzeni w folklorze: Studium etnolingwistyczne. Lublin, 1999.
37. *Komárek K.* Osobní jména v českých biblích. Olomuc, 2000.
38. *Loma A.* Interpretationes Slavicae: Some Early Mythological Glosses // *tudia mythologica Slavica*. Ljubljana, 1998. № 1.
39. *Nazwy własne a problematyka religijna* // *Słowiańska onomastyka*. Encyklopedia. Warszawa; Kraków, 2003. Т. II.
40. *Putanec V.* Odras starohrvatskog paganizma u plitskoj toponomastici 12. i 13. stoljeća // *Filologija*. 1978. VIII.
41. *Rzetelska-Feleszko E.* Ślady kultu świętych w nazwach miejscowych typu Święty Wojciech // *Folia onomastica Croatica* 9. Zagreb, 2000.
42. *Słownik stereotypów i symboli ludowych*. Lublin, 1996–. Т. I, cz. 1–.

СОКРАЩЕНИЯ В ОБОЗНАЧЕНИЯХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

бас. – бассейн реки
бол. – болото
г. – гора
д. – деревня
оз. – озеро
пок. – покос
прк. – пережат
р. – река
руч. – ручей
с. – село
ур. – урочище

СОННИК – в устной народной традиции корпус снотолкований, особых прогностических примет, толкующих символику сновидений, в книжной традиции – рукописный или печатный сборник снотолкований, один из видов гадательных книг.

Как малый жанр фольклора снотолкование имеет двухчастную структуру: в первой части интерпретируемый образ (сон), во второй – его символическое значение (прогноз). Снотолкования обладают устойчивостью и воспроизводимостью своей структуры (в минимальном виде текст снотолкования сводится к структуре отождествления “А – (это) Z” или причинно-следственной связи “А – к Z”) и семантики, но не имеют жесткой языковой формы выражения – при всей своей стереотипности не достигают формульности (хотя некоторые из них и воспроизводят поговорки, например: вологод. *собака – друг человека*). Минимальный текст снотолкования может быть расширен за счет дополнительных

значимых характеристик (например атрибутивных: пол. *хлеб черствый* – *нужда*; пол., кашуб. *потрескавшийся хлеб* – *покойник*; полес. *белый конь* – *к смерти*, *красный* – *к пожару*). По своей функции снотолкования близки к прогностическим приметам (например о погоде) и иногда совпадают с ними, а также к гаданиям (отличаясь от них отсутствием акционального компонента, манипуляций с предметами), а по структуре сопоставимы с загадками (не имеющими, в отличие от них, прогностической функции). С сонником связаны народные рассказы в форме быличек о сбывшихся, вещих снах, представляющие собой особый фольклорный жанр, опирающийся в своей основе на сонник и его символику сновидений. Такие былички можно рассматривать как развернутое воспроизведение содержания снотолкования в виде индивидуального нарративного повествования, в котором значимыми являются лишь элементы, входящие в сонник, а все остальные детали в истолковании сна не участвуют. Не относятся к соннику также гадания по снам (например для выбора места под постройку дома), рассказы (былички и легенды) о летаргических снах и обмираниях и мотивы вещих снов в песенном фольклоре. Народные снотолкования редко ориентированы на конкретного адресата (лишь некоторые толкования допускают близкие варианты, например, для девушки, замужней женщины, беременной) и на время сновидения (лишь сны, предвещающие погоду, могут варьироваться в зависимости от времени года, например в.-бел. *пожар* – *летом к жаре*, *зимой к морозу*). Такая ориентация более характерна для книжной традиции: в античном соннике Артемидора (II в. н.э.) и в его позднейших арабских и европейских переделках, начиная с сонника Дж. Кардано (Базель, 1563), имеются указания на различное значение одних и тех же снов для богатых и бедных, знатных и простых людей, больных и здоровых, мореплавателей, земледельцев, воинов и т.д.; в соннике 1770 г. Мартина Задека (1664–1769) и восходящих к нему других сонниках XVIII в. толкования распределены по знакам зодиака или дням недели.

В любой этнодиалектной традиции сонник представляет собой закрытый набор снотолкований. Объектом интерпретации являются широкий (но не безграничный) круг предметов, некоторые их свойства (цвет, вкус и др.), действия с предметами (чаще всего бытовые, хозяйственные), лица (по роду занятий, этнической, поло-возрастной принадлежности, отдельные мифологические персонажи и т.д.), события (пожар, свадьба, смерть, дождь и др.) и эмоциональные состояния (плач, смех, веселье, мука и др.). Толкуемые предметные, акциональные, атрибутивные образы и состояния всегда носят конкретный характер.

В отличие от интерпретируемых образов, их толкования уже по своей семантике. Они реже обозначают конкретный предмет (письмо, бумага, деньги, тюрьма, гроб, прыщи) или событие (рождение сына, смерть супруга, кража коня, встреча знакомых, снег, приплод скота, пожар, лихорадка), чаще носят обобщенный характер (горе, радость, досада, тоска, забота, хлопоты, мечта, слабость, богатство, нужда, брак, смерть, грех, неудача, опасность, происшествие, перемены, новость), а нередко сводятся к самой общей оценке, негативной или позитивной (нечто плохое или нечто хорошее). Причем число негативных толкований преобладает над позитивными. Встречаются и примеры взаимообратимых толкований, например: укр. ровен. *смеёсся* – *будеш плакать*, а *плачэш* – *будеш смеятса*; вологод. *покойник* – *к дождю или снегу*, а *дождь или снег* – *к покойнику*.

Способы толкования делятся на внеязыковые (прямые и обратные) и языковые (лексико-семантические и фонетические), нередко обнаруживающие тенденцию к взаимодействию. В прямых толкованиях сон и явь мыслятся как одно-

плановые. К простейшим случаям прямой интерпретации относится тождество сна и прогноза (самар. *деньги – к деньгам*; в.-бел. *войну видеть – и буде война, больным себя видеть – и будешь хвореть*; пол. подляс. *если девушке снится кавалер – то уж, видно, к ней придет*; макед. велес. *если снится, что девушка умрет – так и случится*) или прогноз – следствие увиденного во сне (ярослав. *нагим себя видеть – предвещает позор, поле с хлебом видеть – жить богато и довольно*; укр. ровен. *змея укусит – умрешь*; бел. брест. *огонь – шось прыгорыть*; пол. тарнобжег. *адвоката посещать – значит, судиться из-за земли*; макед. велес. *врага убьешь – он ничего не сможет тебе сделать*; хорв. далматин. *кто-нибудь дает тебе деньги – будешь их тратить*).

Толкование целого ряда образов сновидений строится на основе метонимии: мужские атрибуты означают мужчину, а женские – женщину (укр. ровен. *сапоги – кавалер, ружье – мужчина прибудет*; кашуб. *штаны – превосходство жены над мужем, юбка – покорность жены мужу*); свадебные атрибуты предвещают брак (витеб., могилев., мин., пол. подляс. *кольцо – женитьба или замужество, свадьба*; укр. ровен. *венок – к замужеству*; пол. тарнобжег. *сваты – женитьба*); ноги и обувь – путешествие (макед. прилеп. *ноги себе моешь – будешь путешествовать*; чернигов. *сапоги – дорога*; кашуб. *обувь – путешествие, порой такое далекое, из которого никто не возвращается*); конь и телега – поездка (витеб., могилев. *лошадзь – придзетца ў дорогу ехаць*; мин. *телегу видеть – дорога предстоит*); доски – гроб (вологод. *тес – к гробу*; пол. подляс. *доски – это умершему, может, гроб*); бумага и чернила – письмо (ровен. *бумага – к письму*; ярослав. *чернила видеть – получить письмо*). Ср. также: ярослав. *пальцы рук видеть – считать деньги*; бел. мин. *цепы видеть – урожай: буде што малатить*; пол. тарнобжег. *весы – удачная торговля, лопата – работа*.

В большинстве снотолкований используется принцип метафоры. Так, пустой сундук во сне является метафорой гроба (в.-бел.); дыра в каком-либо предмете сулит “дыру” в бюджете, большие расходы (пол. познан.); камни и кирпичи – бремя (серб. ю.-шумадийск.); пчелиный укус во сне ассоциируется с дефлорацией (кашуб.) или пулевым поражением (укр. ровен.); гости и воры уподобляются друг другу по общему признаку посещения дома – воры во сне предвещают гостей (рус. кубан.), а гости – воров, которые совершат кражу (в.-бел.). Длинные предметы (чаще плетеные и тканые) символизируют дорогу, особенно у восточных и южных славян: рус. кубан. *девичья коса – к дороге, веревка – к дороге*; витеб., могилев. *холст расстилать – дорога якая-небудзь выпадя табе*; волын. *полотно – то дорога*; рязан. *нитки – к дороге*; болг. орханийск. *прядешь на прялке с веретеном и выпрядешь длинную нитку – кто-то из дома отправится в дальнюю дорогу*; макед. прилеп. *канат видишь – в путь отправишься*. Полнота чего-либо знаменует прибыль в доме, а пустота – убытки: кубан. *набрать ведро воды – к прибыли*; мин. *колодезь полный – богатство, гроши, высохший – голод*; болг. орханийск. *полный стол – прибыль, пустой – убыток*. Круглые, обычно мелкие предметы у восточных и западных славян символизируют слезы: калуж. *грибы, орехи – к слезам*; рязан. *горох – к слезам*; витеб., могилев. *икра – мелкие, но обильные слезы, рябину убачиш – то уже поплачеш, коноплю, лен брать – слезы будут*; гомел. *град – слезы, медные дзеньгі – плачэш*; ровен. *семушки дае кто – слезы, виноград, яйца – слезы*; гуцул. *фасоль, кукуруза – к слезам, бусы – слезы*; кашуб. *срывание вишни – плач, рассыпанный горох – слезы*. Круглые плоды и яйца метафорически соотносятся с болячками на теле: витеб., могилев. *грибы брать – скула (чирей) сядя, ягоды*

красныя – короста будя; ровен. грушы – чырака на руках будуть, яйца – окладки, нарывы будуть; макед. прилеп. пшеницу увидишь – оспа в доме будет; болг. банат. яйца – будут чыры; пол. картофелины – набьешь себе шишки. Звуки во сне постоянно толкуются как известия, слухи или разговоры: ярослав. воробьев чирикание слышать – бабы разговоры слушать; вологод. сорока стрекочет – новость; болг. орханийск. если слышишь во сне, что петух поет – известие от домашних (если ты на чужбине) или от хорошего друга; кубан. звонок – к известию; брест. гром во сне – звестие; ровен. як гром грэмить – то вроди разговор, гром без молнии – слух; болг. фракийск. выстрел из ружья – известие; витеб., могилев. играть что веселое – приятный разговор иметь, а печальное – скучный разговор; болг. банат. играет скрипка – услышишь что-то новое. Дерево часто выступает в снотолкованиях символическим заместителем человека: ярослав. треск дерева во сне слышать – предвещает покойника; брест. дэрэво коля хаты повальщя – покойник з родыны, з сэми; ровен. сломать дерево – у себя что-то ломаешь: руку, ногу; укр. як снитися, що рубаютъ у лісі дрова – то значить буде мор на людей и на скотину. Сны, в которых рушится дом, являются предвестьем смерти: кубан. завалился дом – к смерти; ц.-болг. дом упал – плохо, будет покойник скоро; серб. дерево падает на дом и разрушает его – смерть главы семьи, вывалится угол дома – предвестье смерти; гроднен. стальявання (потолок) трайчыць – каб не памер бы хто; рязан. видеть упавшую стену у дома – к смерти; гомел. печ упадзе – смерць. Смерть предвещает всякое рытье и углубление в землю, которое ассоциируется с погребением, а яма – с могилой: вологод. землю копать – к покойнику; волын. грядки на поле – на покойника; кашуб. копание картошки – означает будущую могилу; мин. падать во сне нягодна, кали у яму – дак смерть будя; укр. колодязь як приснитися – то жінка овдовіє; макед. велес. если во сне пашеешь – могилу копать будешь; серб. воеводин. пахота приснится – смерть в доме. Всякая телесная недостача, утрата частей тела толкуется как смерть (о.-слав. зуб выпадет – к смерти; гомел. як з чловека кішкі упадуць – умрэ нехто ў роду; брест. волосы выпадают – кто-то з родни помрет; болг., с.-х. выпадение бороды – к смерти) или убыток (ярослав. волосы стричь – получить убытки, гроднен. руку адцяў, ус адпаў – нехто заробак адбере; витеб., могилев. кормить дитя – убыток; гомел. калі сніцца, што табе спускаюць чупрыну – то прайграеш справу; макед. кровь течет из носа – понесешь ущерб), а телесные избытки, приращения – как прибыль (ярослав. борода – к прибыли; мин. волосы на руках видеть – богатство, нос большой, ноги, руки большие – прибыль; витеб., могилев. живот большой – к прибыли; гомел. скула або інішая балячка – дастанеш гасцінца, ўсутька – грошы, богацтво).

Принцип обратного толкования основан на смысловом противопоставлении образа сновидения и толкования и объясняется народным представлением о сне как состоянии временной смерти, когда душа временно покидает тело спящего и путешествует на тот свет. Во сне все обратно по отношению к реальному миру, поэтому и увиденное во сне должно толковаться наоборот. При этом обратное толкование применяется не во всех случаях, а ограничивается лишь несколькими тематическими группами образов сновидений. По этому принципу толкуются сны религиозно-церковной тематики, например: гомел. цэркаў – это тюрьма; брест. іконы – большой грех; ярослав. молящегося человека видеть – вора или мошенника видеть; волын. снылось, што паску носыла святыты – то грех, монашки снеця – грех; гомел. поп – справа з нечыстаю сілаю; ма-

кед. прилеп. *попа увидишь – это дьявол был*; пол. краков. *сон о Христе – сулит несчастье, о Божьей Матери – печаль*; тарнобжег. *ангела видеть – верная смерть*. И наоборот: витеб., могилев. *беса видеть – это, кажут, янгал*; пол. краков. *сон о дьяволе – счастье*. Обратные толкования применяются к снам имущественной и финансовой тематики: ровен. *воры – прибыль в хозяйстве*; кубан. *золото – кража*; воронеж. *если во сне купил дешево – то предпринятое дело у тебя не удастся*; пол. тарнобжег. *эконома видеть – утрата имущества*; площ. *деньги – неудача*; брест. *деньги – потеря, нужда*. Обратные толкования встречаются у снов о браке и смерти: брест. *вэлена (фату) накладае девочка – нэ будэ накладатъ*; макед. *если женишься – не женишься долгое время, если видишь, что ты умер – долго жить будешь*; пол. *умершего видеть – радость*; ровен. *гроб снится – к здоровью*. Таким же образом толкуются сны, связанные с эмоциональной сферой: макед. прилеп. *если ссоришься с кем-то – будешь дружить*; витеб., могилев. *бить кого – помирись с злосъниками, целоваться – получишь оскорбление*; мин. *целоваться – надарешься с ким-небудъ, ласкаться – злые люди абмануть тябе хочуть*; ровен. *поеешь, танцуешь – плакать будешь*; пол. тарнобжег. *плакать – радость, смеяться – печаль*; кубан. *плакать – радоваться, смеяться – тосковать*. Иногда на основе противопоставления объясняются сны, связанные с физическим состоянием (ровен. *если мучишься во сне – легко жить будешь*; витеб., могилев. *суетиться во сне – спокойствие, больным кого-либо видеть, бледным быть – к здоровью, голодным быть – нужды не будет*), с вкусовыми (ровен. *есть горькое – сладко будет, есть сладкое – горько будет*; витеб., могилев. *мед есть – горко табе будя*; макед. прилеп. *вкусное, сладкое ешь – горькие речи услышишь*) и тактильными ощущениями (витеб., могилев. *бусы, корали, занизки – руку порежеш*).

Языковые толкования могут строиться на основе полисемии, путем актуализации вторичного, метафорического значения слова, обозначающего зрительный образ, например: кубан. *пустая посуда – пустые хлопоты* ('напрасные'); кашуб. *трава – кладбище* (кашуб. *тигава* 'трава' и 'кладбище'); ровен. *цветущее дерево – цветущая жизнь* ('счастливая'); пол. подляс. *если собака кусает кто-нибудь "укусит" ('уязвит') и т.п.* Иногда толкование основывается на основе значения слова, производного по отношению к обозначающему сновидение: ярослав. *кровь – видеться с родным, кровным*; мин. *заплетать косу – плетки (сплетни), одеваться в черную одежду – люди чернютъ* ('очерняют, клеветуют'). При этом слово в прямом значении может только подразумеваться: ровен. *млын (мельница) – языками мэлють (молоти 'молоть' и 'нести вздор, неправду')*; витеб., могилев. *собаку видеть – брэхни (брехать 'лаять' и 'врать')*. В ряде случаев толкование сна мотивируется фразеологией, например: гуцул. *огонь – стыд* (ср. *сгореть со стыда*); витеб., могилев. *бисер – большие хлопоты, а малая польза* (ср. значение выражения *метать бисер*); болг. *моешь себе руки – значит не достигнешь того, чего желаешь*, ср. болг. *омия си шаките (ръците) – умыть себе руки ('потерять надежду на достижение желаемого')*.

У восточных славян особенно широко представлена распространенная также в обычных приметах фонетическая мотивация толкований снов с использованием народной этимологии. К паронимическим толкованиям относятся: *гора – горе* (ярослав. *гору видеть – получить горе*); *вино – вина* (калуж. *если кто видит себя во сне пьющим вино – получит какую-либо вину*); *мука – мучка* (волын. *мука як сныця, мэльш – то мучка, то мучэнье*); *печь – печаль* (ровен. *пичка, на пэчи лежыш, хлиб пэчуть – пэчаль*); *река – речи* (рязан. *видеть речку – к ре-*

чам); вол – воля (ровен. *волы* – это воля, слово самэ показвае); яйца – явится (вологод. *яица* – кто-то явится, гость будет); корова – хвороба (житомир. *корова* – буде хвороба); шуба – шум (мин. *шубу видеть* – шум будеш чуть); грозди – грозни (болг. тырнов. *виноград* (болг. *грозди*) приснится – мерзкие (болг. *грозни*) слова услышишь, поссоришься с кем-то) и т.д. Принцип паронимии, отраженный в толкованиях, часто смыкается с рифмой, например: вологод., кур. *корову – к реву*; брест. *воды – на роды*; ровен. *вода – то бэда*, *капуста – все на пусто*, *грэчка – будэ спрэчка*; серб. ю.-шумад. *овце – новце* (деньги). Языковые и внеязыковые способы толкования взаимодействуют между собой и нередко совмещаются в одних и тех же снотолкованиях: ср., например: брест. *цыган – обман*; ровен. *вуж – то муж*, *вошы – грошы*; вологод. *рыба – к рыданию*; гомел. *образ (икона) – ображэнье* (обида).

В толкованиях снов часто реализуется мифологическая символика. Так, в них находит отражение поверье об аисте, приносящем детей (пол. *аист снится – скоро будут крестины у какой-нибудь бабы*), представление о рыбах как душах неродившихся детей (кубан., витеб., могилев., мин., гомел., брест., ровен., кашуб. *рыбу ловить, поймать – забеременеть или родить ребенка*), связь умерших с дождем, осадками (рязан. *покойник – к ненастью*; с.-в.-великопол. *покойник – к дождю*; серб. ю.-шумад. *мертвец – ненастье*; болг. банат. *приснится мертвый – будет дождь*; пловдив. *идет снег – к покойнику*), уподобление гроба жилищу для умершего (волын. *як хату строиш – будэш труну робыты*), символическая соотнесенность белой масти животных со смертью и трауром (калуж., брян., мин., гомел., гроднен., брест., житомир., пол. седлец., морав.-словац. *белый конь – смерть*; гомел., брест., житомир. *белая корова – смерть*; ровен., пол. галиц. *белый гусь – смерть*; словац. *белая коза – смерть*). Снотолкования ярко демонстрируют взаимосоотнесенность свадьбы и смерти: витеб., могилев. *свадьбу видеть – у том дома ховтуры (похороны) будут*; брест. *замуж йдэш – помрешь*; ровен. *свадьба – гроб*, *вэсиле – мэртвец будэ з родни*; словац. *свадьба снится – к смерти*; болг. фракийск. *свадьба снится – умрешь*; оряхов. *видеть себя во сне как невесту в белом платье – умрешь*; макед. велес. *видишь, что друг справляет свадьбу – кто-нибудь у него умрет*. И наоборот: гомел. *ува сыне на похаранах – то па праўдзі на веселлі*; брест. *если покойник снится – сват прыдэ*. Взаимно соотносятся между собой в соннике также стихии воды и огня, выступающие в трех сферах своего проявления – небесной, земной и человеческой, например: мин. *пить воду – плакать будеш, реку видеть – слезы*; пол. люблин. *рыбы и вода – печаль и слезы*; чернигов. *рыба – усцишься*; серб. ю.-шумад. *бродить по воде и плавать – будешь пьян*; мин. *ловить рыбу в мутной воде – непогода*; кубан. *дождь – к слезам*; с.-в.-великопол. *дождь снится – к плачу*; вологод. *пламя в печи – к пожару*; пол. серадз. *огонь – будет светить солнце, солнце – огонь*; рязан. *пожар – к ведру*; витеб. *пожар – летом к жару, зимой к морозу, огонь – к хорошей погоде*; хорв. далматин. *горит дом – к дождю*; ровен. *сухие ягоды – пожар*; витеб., могилев. *дерево сухое – сохнуть будешь*. Нередко толкования снов совпадают с обычными приметами, например: вологод. *сорока стрекочет – новость*, *волки воют – к войне*; кубан. *соль во сне – ссора*, кашуб. *ложка – женщина, а нож – мужчина*.

Снотолкования обнаруживают связь и с некоторыми ритуальными действиями и атрибутами. У восточных и южных славян всякий телесный контакт во сне толкуется как источник заболевания: кубан. *старуха поцелует – к болезни*; макед. *если поцелуешься во сне с кем-то в уста – кашель тебя прихватит*; прилеп. *старого человека обнимешь или он тебя – заболеешь*; волын. *обдыймае*

хлопья, цилуе – то болезнь; ровен. старуха обнимает – шухля (малярия), половое сношение – пудвей (эрозия матки). Болезнь выступает не только как следствие непосредственного телесного контакта во сне, но и возникает через передачу во сне одежды: макед. передаешь свою одежду какому-то человеку – выздоровеешь, если болен, а тот, кто ее возьмет – заболевает. Сходные функции выполняет одежда и в некоторых магических способах лечения. У кашубов роза во сне означает ребенка, как и в свадебном обряде (невеста берет к венчанию столько роз, сколько желает иметь детей), а вода во сне как предвестье урожая имеет аналогию в жатвенной обрядности (чем сильнее обольют водой жнецов, тем лучше будет урожай в будущем году). Толкование снов о воде и огне обнаруживает связь с народными метеорологическими представлениями, обрядами вызывания дождя и лечебной магией. Принцип фонетической мотивации и народно-этимологической интерпретации используется не только в соннике, но и в приметах, народной медицине, ритуально-магической практике.

В текстах сонника отражается народная система ценностей и традиционная картина мира, что делает сонник ценным источником для семантической реконструкции народных представлений. Однако традиционная символика чаще бывает представлена в снотолкованиях не в “чистом”, а в трансформированном виде – она подчинена внутренним законам жанра, к которым, в частности, относятся антонимичность смысловой интерпретации, ассонантность и другие виды языковой бинарности формы. Кроме того, устная традиция снотолкований тесно переплетена с книжной и несет на себе отпечаток ее влияния. Сонник дает немало примеров символических универсалий: в устной и книжной традиции разных народов сходно толкование снов о смерти, о пустоте или полноте чего-либо, об утрате или приобретении (увеличении) каких-либо частей тела. Например, сны о выпадении зубов толкуются как предвестье смерти у славян, немцев, армян, азербайджанцев, крымских татар, саамов, японцев, древних египтян и иудеев. Об архетипическом характере многих символов сновидений свидетельствует не только их типологическое сходство в генетически не связанных между собой культурных традициях, а также случаи их совпадения в устной и книжной традициях, но и общие механизмы символизации образов сновидений в культуре и в практике психоанализа, трактующего такие символы, в отличие от сонника, не прогностически, а диагностически (З. Фрейд называл свою теорию анализа символик снов “сонником” нового типа). В психоанализе и позднейших исследованиях коллективного подсознания сны также часто интерпретируются метафорически (продолговатые предметы, длинные и острые орудия – символы пениса, выпадающие зубы – свидетельство истощения сексуальной энергии), по контрасту (стоны во сне символизируют женщин вследствие контраста их ровной поверхности с рельефностью женского тела), иногда на основе языковой мотивации (комната во сне как женщина подкрепляется сходством нем. *Zimmer* ‘комната’ и *Frauenzimmer* ‘женщина’; сны о руке, нем. *Hand*, связываются с собственным действием, поступком, нем. *Handeln*), используется корреляция между телесным и духовным (сны об умирании показывают отношение субъекта к тому, что для него мертво духовно, лишено живого содержания, багаж путешественника – греховное бремя, тяготящее человека), земным и человеческим (плавание снится людям, страдавшим в детстве ночным энурезом), огнем и водой (сны о пожаре обусловлены воспоминанием о ночном энурезе) и т.д.

А.В. Гура, д-р филол. наук

A. ZUPAN SOSIČ. *Zavetje zgodbe: sodobni slovenski roman ob koncu stoletja*. Ljubljana, 2003. 224 S.

A. ЗУПАН-СОСИЧ. *Прибежище историй: современный словенский роман конца века*

Словенский роман сегодня представляет собой явление сложное, постоянно развивающееся и, что не менее важно, преобладающее в национальной литературе, наиболее любимое читателем, о чем свидетельствуют статистические сведения, собранные по библиотекам страны. Ему посвящены многие исследования словенских и зарубежных специалистов-литературоведов, в частности монографии Ф. Задравца “Словенский роман XX века” (в 2-х кн.: 1997, 2002), В. Матайца “Освещения” (2000), М. Коса “Критики и рефлексии” (2000), Х. Глушич “Словенская проза второй половины XX в.” (2002), а также современному роману отдан значительный раздел в коллективном труде “Словенский роман” (2003), созданном по результатам международного симпозиума в Любляне “Обдობья” (см. [1. № 1. С. 122–124; № 3. С. 94–98]). Однако их характеризует разорванность материалов, отсутствие единой линии, преобладает хронологический принцип представления романов, и лишь намечаются подходы к выявлению внутренних закономерностей литературного процесса. В своей первой монографии “Прибежище историй: современный словенский роман конца века” словенский ученый, литературовед, доцент философского факультета Люблянского университета Алоэзия Зупан-Сосич попыталась, опираясь на разноплановые достижения современного европейского и

американского литературоведения, по своему обрисовать картину развития словенского романа и составить его жанровую классификацию. Смелость концепции и упорядоченность подхода к материалу выгодно отличают представляемую книгу от вышеназванных.

А. Зупан-Сосич представляет словенский роман последнего десятилетия прошлого века (1990–2000), условно ограничив исследование авторами “младшего поколения” (т.е. рожденных в 1957 г. и позже), хотя по мере необходимости выходит за указанные поколенческие, временные или национальные рамки. Примечательно, что в работу включены зарубежные словенские писатели. “Молодой словенский роман” (дана история возникновения данного термина в 1991 г., однако сегодня обращает на себя внимание его значительная условность) привлек автора тем, что его отличают преобладание “малой” (интимной) истории, введение в повествование метафизических и постмодернистских ходов, интерес к “тривиальным” жанрам, постановка вопросов идентичности (в том числе гендерной), постоянные эротические и частые фантастические мотивы. Все это весьма повлияло на концепцию ученой.

Состояние жанра романа на современном этапе предопределило методы его исследования. Свести науку о романе к единой системе невозможно: мешают его переходность, открытость и неопреде-

ленность, отсутствие статичности. Вслед за М. М. Бахтиным, говорившем о полифонии романа, А. Зупан-Сосич рассуждает о сочетании в современном романе разнородных, зачастую противоречивых, даже несовместимых явлений, называя это синкретизмом романа. Значительную часть книги составляет теоретический раздел “Пристанище истории” из трех глав: “Роман и истории”, “Родовая идентичность романа” и “Роман в словенском литературоведении”, где выдерживается методологический плюрализм. Уважение к разным литературоведческим теориям и школам делает честь автору, которая, обобщая основные положения трудов своих предшественников, дает собственное рабочее определение роману: “обычно крупный прозаический, основанный на вымысле род литературы. Открытая идентичность ставит роман в ранг важнейшего рода литературы современности и одновременно делает относительно содержательные (в романе преобладающей является приватность литературных героев) и формальные критерии (повествовательность, прозаическая запись и листаж) при его определении – исторически канонизированы лишь отдельные жанры романов. Единой неопровержимой постоянной романа является лишь синкретизм, который от синкретичности других родов литературы отличается своею многоуровневостью, так как охватывает сразу три уровня: родовой, видовой и жанровый синкретизм” (S. 35).

Автор прибегла к многоуровневому жанровому анализу произведения, предполагающему исследование на различных уровнях: сюжет, перспектива, повествователь, герой, место и время и т.д. Вместе с тем ее притягивает так называемый “духовно-исторический метод” современного словенского литературоведа Т. Вирка. Приоритетной стала событийная структура романа, его повествовательность, истории, рассказанные им.

Превалирующим по объему является второй раздел книги “Современный словенский роман конца века”, где на практике решаются вопросы жанровой классификации. В открывающей его главе “Модифицированный традиционный роман в 1990-е годы” содержатся размыш-

ления об особенностях развития словенского романа и прослеживается его связь с традиционной моделью, возврат к которой или подражание которой, по мнению автора книги, весьма ощутимы. Традиционная модель трансформируется посредством “различных пост- и модернистских преобразований, прежде всего это жанровый синкретизм”, обновлена роль повествователя и увеличена доля разговорно-речевых элементов (S. 47). Общая характерная особенность романов конца века – развитие личной, интимной истории, тесно связанной с поисками идентичности. Как считает исследователь, гендерная идентичность становится показателем новой субъективности. Мироощущение героя выстраивается на особых отношениях с абсолютом и индивидуальностью, понимаемыми как отдаленная иллюзия. Преобладающим становится чувство одиночества. А. Зупан-Сосич видит необычность положения повествователя с точки зрения традиции, разрушаемой его ироничной перспективой.

Особую роль, по мнению автора, играет фантастика и фантастичность, чему посвящена глава “Фантастика и современный словенский роман”. Для 1990-х годов стало характерным появление так называемых модифицированных фантастических жанров (утопия, антиутопия, триллер, сказочный роман). Зупан-Сосич отмечает, что из-за явной перестройки используемых фантастических жанров при жанровой характеристике данных произведений следует добавлять эпитет “современный” – современный сказочный роман, современный антиутопический роман и т.д. Ранее представители “низкой”, “бульварной” и т.п. литературы, данные жанры вышли на новый, более высокий художественный уровень благодаря синкретизму современного романа. В эту “игру” фантастики с “высокой” литературой оказывается включенным даже исторический роман, где историческая истина вводится в повествование явно иначе, чем прежде, она “фантастически переоформлена”: “В исторический роман фантастика вплелась характерным для историографической метафизики образом. Именно фантастика сыграла важную роль при сплавлении различных жанров...” (S. 182).

При классификации романов писателей младшего поколения автор условно выделяет девять групп и для наглядности проводит анализ одного или нескольких наиболее ярких произведений, в обзорных частях упоминая многие другие романы. Зупан-Сосич постоянно подчеркивает открытость и неокончателность предложенной ею классификации, ведь для предмета исследования характерна жанровая “нечистота”. Благодаря синкретизму в большинстве современных романов видны признаки сразу нескольких жанров, хотя один из них может преобладать, быть идейно-художественным стержнем произведения. При классификации используются общепринятые названия романских жанров, а также вводятся новые, призванные подчеркнуть национальную (словенскую) специфику. К ним относится определение *краевая фантастика* (Ф. Лаиншчек “Принесенная туманом”, 1993; В. Жабот “Волчьи ночи”, 1996), включающее в себя как жанровые, так и тематические особенности произведений, в которых фантастика привязана к краевой, местной специфике (болоту или холмам), при этом происходит актуализация архаического отношения к природным и сверхъестественным явлениям. В названных произведениях, по мнению исследовательницы, нет доминирующей структуры, основной становится тема поиска идентичности, частый мотив неразрешимости тайны усиливает типичное для этой группы ощущение внутренней скованности духа.

Близкой к данной оказывается и следующая группа – *сказочный роман* (М. Томшич “Очарованные”, 1991). “Новинкой последнего десятилетия” автор считает появление романа-сказки и романов с элементами сказки (S. 183). Фантастика современных сказочных текстов питается из народной сказки: предсказуемость чудесной истории, исключительность героев, антропоморфизм, с трудом определяемые место и время действия. Однако к их синтезу примешиваются и черты иных романских жанров, т.е. произведениям данной группы тоже присуща жанровая гибридность.

Возвращение к мифу, или “ремифологизация”, в произведениях М. Томшича, Ф. Лаиншчека, В. Жабота, а также прису-

щее им внимание к региональной “экзотике” словенских окраин были весьма актуальны в начале 1990-х годов и способствовало утверждению национальной идентичности. Исследовательница не соглашается с теми, кто определяет творчество данных писателей как “магический реализм”. Контраргументом становится факт, что в магическом реализме надреальное не выступает как проблема, т.е. не смущает и не сбивает с толку читателя, но именно это происходит в фантастическом тексте.

Влиянием времени, по мнению Зупан-Сосич, обусловлен и расцвет *антиутопического романа* (Б. Боету “Филио нет дома”, 1990; Т. Перчич “Армагеддон”, 1997; М. Мащини “Шапка сатаны”, 1993). На рубеже 1980-х–1990-х годов словенская политическая арена претерпевала значительные изменения, усилия были направлены на достижение государственной независимости. “Фантастика в антиутопическом романе ... получила явно отрицательное выражение, когда через критику общества до крайности заострила типичный (антиутопичный) антагонизм между индивидуумом и социумом. Кроме жанровой гибридности (словенский антиутопический роман – это сплетение антиутопического, любовного, психологического, дневникового, параболы, сатирического и социально-критического романов) этот роман был все еще ангажирован, так как хотел через символическое осудить общественные ошибки, словенскую и боснийскую войны” (S. 183). Именно травматическое напряжение жанра вкупе с трагизмом и иронией позволили словенским авторам остро и чутко передать свое отношение к реальному состоянию общества. Заслуживает внимания утверждение Зупан-Сосич по поводу романа Б. Боету: вклад данного произведения в развитие европейско-американского жанра утопии не менее значителен, чем вклад романа канадской писательницы Маргарет Этвуд “Она же Грейс” (M. Atwood “The Handmaid’s Tale”, 1985), а апокалиптическое видение писательницей гендерных антагонизмов даже более универсально, однако упоминания о нем в зарубежных энциклопедиях и крупных исследованиях ей, к сожалению, неизвестны. Можно бесконечно сетовать на проблемы пере-

вода с “малых” языков, ведь “Филио нет дома” до сих пор не переведен ни на один зарубежный язык. Кроме того, несмотря на всю универсальность, на классическую проблему антиутопии – страх перед потерей индивидуальности, этот роман Б. Боту остается глубоко национальным произведением, что в определенной степени осложняет его восприятие представителями других культур.

Наиболее распространенным все еще остается *исторический роман* (Д. Мерц “Люстра Галилея”, 1996; И. Шкамперле “Дочь короля”, 1997). Его новой чертой стало, по мнению автора рецензируемой книги, использование в повествовании “перспективы социальных меньшинств”. Современный словенский роман демонстрирует своеобразную оппозицию историографии, описывая историю не победителей, но побежденных. В нем также нашло отражение современного состояния общества с его апокалиптическим психозом, с поисками национальной идентичности. Современный исторический роман вместо “реальности” предлагает читателю логику предчувствий и слухов, не “большие”, а “малые” истории, сюжетный и мотивный параллелизм с современностью. Исследовательница отмечает, что синкретизм романских форм в структуре исторического романа не такой пестрый, как в группах, напрямую связанных с фантастикой. Весьма частым становится синтез с любовным романом или мотив преследования, характерного для других тривиальных жанров.

При введении в классификацию романов 1990-х годов группы *криминальный роман* (М. Новак “Соседка”, 1995; Г. Глувич “Врата через”, 1997) А. Зупан-Сосич определяет положение этих произведений как срединное между “низкой” и “высокой” литературой. Классические элементы детектива и криминального романа переплетаются с психологическим романом, дневником, эротикой и т.д., шероховатости и несоответствия между которыми выравниваются сатирико-иронической перспективой. По ее мнению, жанровый синкретизм облагородил современную криминальную литературу именно в тот момент, когда преступил через ее жесткие правила: загадка установления преступника разрешается лишь

частично, наблюдается пренебрежение к порядку логических операций, разрушен криминальный треугольник (труп, следователь, преступник). Главной оказывается загадка самоидентификации. Над героем довлеют условности различных иерархий по половому, социальному, “географически языковому” (проще – национальному), религиозному признакам, а также по уровню интеллекта и образованности. На первый план выходит психологическая составляющая. Общая бытийная неопределенность современного человека окрашена юмором или иронией. В современном словенском криминальном романе Зупан-Сосич видит продолжение борьбы за права маргиналов, аутсайдеров, начатой в литературе Франции и Великобритании.

Роман путешествий (А. Блатник “Тао любви”, 1996; А. Морович “Госпожа”, 1997; С. Порле “Черный ангел, хранитель мой”, 1997) – в этой группе традиционные описания странствий весьма успешно, по мнению ученой, преобразила сатирико-ироническая перспектива. Ведущим остается мотив дороги, и здесь на равных правах уживаются приключенческий (авантюрный), фантастический (научно-фантастический, утопический/антиутопический), сатирический, сентиментальный и дидактический романы и т.д. Путешествие для опустошенного постмодернистского субъекта – возможность уйти от пресыщенности, скепсиса, внутреннего вакуума и дискомфорта, а также поиска своей идентичности (в этом смысле, по мнению автора книги, несущее “виталистически гедонистическую перспективу” творчество С. Порле является редкостью для словенской литературы).

В *любовном романе* (В. Мёдерндорфер “Бег за красной чертовкой”, 1996; М. Деклева “Pimlico”, 1998; А. Скубиц “Горький мед”, 1999), по классификации Зупан-Сосич, сатирико-ироническая перспектива ослабила мелодраматичность и патетичность, свойственные классическому любовному роману, и “эмоциональность перенаправила к новой сентиментальности”. Герои современных романов по-иному осознают краткость подлинной любви, за которой неминуемо прощание. Зачастую происходит коммуникативная блокада.

Критика национального характера связывается с судьбоносными изменениями в Словении в *романе-ключе* (Я. Вирк "Последнее искушение Сергия", 1996). В данную группу вынесены произведения, напрямую указывающие на слабости новой политической системы и носящие общественно-критический, сатирический характер. Центральной является история духовной исчерпанности. Разница между главными героями лишь в степени дезиллюзии.

В особую группу Зупан-Сосич выносит произведения с *тематикой маргиналов, индивидуалистов и обывателей* (Ф. Франчич "Ненависть", 1993; М. Певец "Кармен", 1991; А. Чар "Игра ангелов и нетопырей", 1997; Н. Кокель "Ласка", 1998; М. Сосич "Балерина, Балерина", 1997; З. Хочевар "Башмак с Брега", 1997; К. Маринчич "Цветочный сад", 1992). Если в других группах учитывался в первую очередь жанровый контекст, то здесь это оказалось невозможным. Из-за жанрового синкретизма, по ее мнению, данные романы нельзя изучать как устойчивые модели. Представляется достаточно новаторским решение ученой объединять произведения по тематическому признаку или – даже скорее – по внутреннему духу повествования, передаваемому через образы главных героев. Это обосновывается тем, что здесь наиболее сущности угнетенность и дисконформт современника, персонажей отличает непохожесть на других, отрицание или отверженность, деструкция. «В словенской прозе эти романы обогатили пеструю тематику социального дна, где особо ощутима параллельность обоих миров – "нормального" и "ненормального"» (S. 184). В центре – «особый ответ большой "иной" жизни». Поднята проблема ограниченности коммуникации и ее отклонений. Романы становятся документом души, передавая душевную неуравновешенность современности, особую роль играет речь персонажей. Развитие психоанализа уже подвергло сомнению прочность границ между нормальностью и ненормальностью. Романы с тематикой социального дна указывают на краткость и относительность счастья, на тупую апатию, захватывающую общество. Звучит мотив душевного разложения (S. 158–159). Во

многих романах источником виталистической уверенности становятся душевные аномалии, неповзрослевшая душа несет любовь. И все же превалирует негативное восприятие мира. Как нам кажется, сомнения в правильности решения выделить подобную группу остаются. Часть произведений вполне можно отнести к жанру любовного романа. Проблематика дезиллюзий присутствует почти в каждом современном словенском романе. Тематика аутсайдеров наличествовала и в романах, уже представленных в других классификационных группах. Возможно, следовало бы подумать над добавлением в классификацию группы, представляющей особую, осовремененную, с национальными чертами разновидность психологического романа?

Таким образом, при помощи многоуровневого анализа, основанного на методологическом плюрализме, А. Зупан-Сосич удалось глубоко проникнуть в сущность и особенности развития современного словенского романа. Предложенная ею жанровая классификация является смелым и новым шагом в развитии словенского литературоведения и своеобразным прорывом в изучении современного романа. Не все положения представляются бесспорными (например выделение последнего раздела в классификации), вместе с тем следует особо отметить достойный научный уровень и прогрессивность данного труда. Многоуровневое построение книги может вызвать лишние трудности при ее восприятии: основной текст сопровождается чересчур обильными и многочисленными сносками (на 176 страниц главной части исследования без приложений приходится 229 сносок различного характера). Труд выгодно отличает емкость, точность и лаконичность характеристик. Ценным в подходе автора к теме жанрового синкретизма современного словенского романа представляется ее особое внимание к смежным областям, что позволило лучше понять основной объект исследования и сделать дополнительные важные выводы. В частности, по мнению исследовательницы для современного романа особенно важен разговор: "Лаконичные речевые отрывки, переплетенные с точными, пространными и пластичными описаниями, со своей осо-

бой миметичностью (для которой характерен ироничный отступ от описываемой предметности) ... близки киноречи и, прежде всего, ее литературному варианту – сценарию. Динамичные диалоги, записанные без вводящих в курс предложений и пунктуации прямой речи, доказывают то, что из всех трех моделей повествования (описание, рассказ и речь. – Ю.С.) в новейшем словенском романе самой современной является именно речь. Она оживляет повествование и увеличивает внимание читателя, которого в конце столетия в словенском романе успешнее всего привлекает рассказанная история. В ее прибежище роман остается самым частым и наиболее читаемым родом литературы” (S. 184). Наряду с этим Зупан-Сосич отмечает такие общие черты современного словенского романа, как ценностный релятивизм, превалирование “малой” истории, положенная в ос-

нову художественного образа внутренняя угнетенность или дискомфорт современного человека, его пресыщенность, ироничная перспектива.

Дополняют монографию специальные разделы прикладного характера: “Краткое содержание” (где выкристаллизованы основные мысли ученой и достигнутые ею результаты), “Биографии и истории” (своеобразный справочник с кратким содержанием 24 романов, составивших костяк исследования, и жизнеописаниями авторов), “Источники” (библиография художественных произведений), “Библиография” (список научных трудов) и классический “Именной указатель”.

© 2007 г. Ю.А. Созина

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Славяноведение. 2004.

Славяноведение, № 6

Деятели славянской культуры в неволе и о неволе. XX век. М., 2006. 294 С.

Историк ли, литературовед ли, культуролог ли – это всегда тот человек, который всем должен. Он в долгу перед временем, перед своими героями, перед собой. Он обязан платить и по долгу памяти, особенно когда речь идет о людях, испытавших аресты, лагеря, тюрьмы, вынужденную эмиграцию, о тех, кто входил в элиту культуры и был уничтожен властью, о писателях, творцах, поднимавших тему неволи в революционном XX ст., подхватившем лозунговую триаду Великой французской революции.

И вышедший сборник – не обычный коллективный труд, именуемый иногда в ученой среде “братской могилой”, а книга, в которой есть место горьким воспоминаниям-размышлениям тех, кто потерял в годы репрессий своих близких. Это публикация, где “проходишь по страницам” мучительный путь людей, испытавших “неволю”. Это книга, чтение которой рождает вопросы и заставляет задумываться над ушедшим, которое живет в нас.

Тут же замечу, что название книги мне не представляется удачным, так как вряд ли все те люди, о которых идет рассказ в этой книге, думали, что они живут в неволе. Здесь надо учитывать то обстоятельство, что рецензируемый труд связан с революционным временем и людьми в его “клетке”, которая может сужаться до размеров камеры, лагерного барака или расширяться до государственных и иных границ.

Читателю авторами очерков-исследований представлен ряд судеб, “картинок” жизни, творчества славянских “делателей” культуры. Здесь и сотрудник ИМЛИ им. Горького Г.А. Смольянинов, специалист по творчеству М. Горького, расстрелянный перед войной, ученые этого академического института, “ликвидированные” и уцелевшие в годы репрессий (автор – М.Г. Смольянинова); деятель

болгарской и советской культуры Д.И. Гачев, специалист по эстетике, музыковед, литературовед, погибший в 1945 г. на Колыме (автор – Г.Д. Гачев); польский поэт, драматург, основатель рабочего театра Витольд Вандурский, расстрелянный в 1934 г., – первый в “скорбном списке деятелей польской культуры” репрессированных в СССР (автор – Т.П. Агапкина); польский поэт, один из основателей польского футуризма, переводчик, редактор, эссеист Александр Ваг, прошедший через 13 тюрем (автор – В.В. Мочалова); словенские писатели Ю. Козак и Ц. Космач с их прозой о неволе (автор – Ю.А. Созина); чешский режиссер, актер, сценарист, драматург, “композитор и теоретик авангарда” Э.Ф. Буриан, прошедший через концлагеря Дахау и Нойенгам (Л.Н. Титова); чешский поэт “правды, простоты и удивления” Ян Заградничек, “безвинно севший” и отбывший девять лет в тюрьме в социалистической Чехословакии, потерявший жену и двух дочерей, не проживший и года после освобождения (Л.Н. Будагова); чешский поэт, прозаик Карел Пецка, “враг народа”, арестованный в мае 1949 г. и выпущенный в декабре 1959 г., известность к которому пришла только в “перестроечные” 1990-е годы (автор – И.А. Герчикова); сербский прозаик Борислав Пекич, политический секретарь оппозиционного коммунистической власти ЦК Союза демократической молодежи Югославии, “хлебнувший” нескольких лет лагеря, попавший потом под надзор “органов”, освободившийся от “неволи”, только переехав в Лондон в 1970 г. (автор – Г.Я. Ильина); такие болгарские писатели, как Цветан Марангозов, автор романа “Безразличный” – о насилии над личностью в тоталитарном государстве, проживший тридцать лет в эмиграции, Иордан Вълчев, попавший в “черный список” властей и отправленный на несколько лет в концлагерь “Куциян”, официально носивший название “трудо-воспитательное общежитие” (так и вспоминаются два “словосочетания” – “Освобождение труда” из XIX в. и “Труд освобождает” из XX ст.), о котором он позже напишет одноименную повесть, принесшую ему известность (автор – Н.Н. Пономарева); крупнейший

словацкий поэт, журналист, общественный и политический деятель Лацо Новомеский, неоднократно попадавший “за решетку” и в довоенной, и послевоенной Чехословакии, последний раз за “буржуазный национализм”, который обошелся ему в пять лет фактической отсидки (автор – Н.В. Шведова).

Это лица, повторю, тех “делателей” славянской, советской, социалистической, национальной, религиозной, общечеловеческой культуры, в творчестве и судьбах которых отразилось многое. Здесь и время созидания нового, революционного мира – касалось ли это общества, литературы, театра, других сфер (даже лагерной, тюремной), связанных с перестройкой человека.

На страницах горькой книги – и время осмысления, переживания бытия, зла и кривды, веры в справедливость, борьбы со “временем”, ухода в “свое время”, в “свои идеалы”, что обходилось “дорого”. И конечно, в ее очерках, объединенных “неволей”, есть “суд времени” представленный через судьбу человека, писателя, литературного героя.

Может быть, я громко сказал о “суде времени”, нельзя судить то, над чем не властен, и вернее говорить о том, что такой феномен, как социалистический реализм по своей сути глубоко трагичен – но, не уверен я в своей правоте. Но одно несомненно, каждое поколение, каждая эпоха ставят свои памятные знаки, и дело каждого выбирать свои, которые не заведут его туда, откуда потом трудно выбираться. Все содержание этой книги связано с интеллектуалами, интеллигенцией, с теми, кто творил, “сидел”, и косвенно с теми, кто “сажал”; органически переплетено с творчеством людей умственного труда, с их правдой и дорогами к ней. О них писать, думается мне, было авторам книги и легко, потому что отдаешь старый долг памяти, и трудно, так как надо было “уходить в то время”, которое еще в нас живет отголосками истории. Каждое поколение пишет свою историю – в этом вся правда и несправедливость времени ли, людей ли? Остается одно вечное – катарсис. Вся суть книги в этом.

К ЮБИЛЕЮ БОРИСА НИКОЛАЕВИЧА ФЛОРИ

8 декабря 2007 г. исполняется 70 лет члену-корреспонденту РАН, заведующему отделом средневековой истории Института славяноведения РАН Борису Николаевичу Флоре. Он работает в Институте славяноведения с 1960 г., а отделом заведует с 2005 г.

Б.Н. Флоря – крупнейший специалист по социально-политической, этнической и культурной истории славян, истории международных отношений стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVI–XVII вв. Широко известны также его работы по отечественной истории и истории христианства в IX–XVIII вв. Всего им опубликовано 12 монографий, более двухсот статей и обзоров, десятки рецензий и статей в энциклопедиях. Труды Б.Н. Флори snискали широкое признание в мире: американский журнал *Russian History* (Лос-Анджелес) посвятил отдельный номер его работам, переведенным на английский язык.

Из области международных отношений Б.Н. Флорю особенно интересуют взаимоотношения Речи Посполитой с русским государством. Им опубликованы такие фундаментальные монографии, как “Русско-польские отношения и балтийский вопрос в XVI – начале XVII в.” (М., 1973); “Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в.” (М., 1978), он является ответственным редактором грандиозного труда “Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в.” (М., 2007). Б.Н. Флорей написана также и монография “Россия и чешское восстание против Габсбургов” (М., 1986), в ряде работ рассмотрены взаимоотношения России и Польши с Османской империей (он – автор обширных разделов в многотомном коллективном труде “Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.”), а также русско-греческие связи: под его руководством подготовлен коллективный труд “Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в.” (М., 1990). Б.Н. Флоря – автор множества концептуальных статей по русско-украинским отношениям. В своих работах он очень взвешенно подходит к дискуссионной проблеме статуса гетманства, и (вопреки мнению значительной части украинских исследователей) наглядно демонстрирует, что вхождение в состав Московского государства в исторической перспективе не имело для верхов украинского общества равноценной альтернативы.

Остановимся подробнее на новой монографии Б.Н. Флори “Польско-литовская интервенция в России и русское общество” (М., 2005). В ней Борис Николаевич впервые в мировой историографии рассмотрел проблему с обеих сторон и точек зрения – русской и польской, сумел показать наличие разных позиций в верхах польского общества в отношении охваченной Смутой страны (в итоге возобладала наименее дальновидная “колониальная”) и нарисовал картину постепенного осознания разными слоями русского общества необходимости преодоления кризиса собственными силами.

С чрезвычайной скрупулезностью и научной объективностью подходит Б.Н. Флоря к изучению истории христианства в контексте социально-политической истории в Средние века и раннее Новое время. Из-под его пера вышли такие книги по этой тематике, как “Отношения государства и церкви у восточных и западных славян” (М., 1992); “У истоков религиозного раскола славянского мира” (М., 2004); “Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское Средневековье” (М., 2007). Он был руководителем проектов “Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – первой половине XVII в.” (М., 1996–1999. Ч. 1–2) и “Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Цен-

тральной Европы на пороге второго тысячелетия” (М., 2002). Его перу принадлежат также многие разделы в коллективном труде “Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси” (М., 1988) и многие фундаментальные разделы по истории русской церкви в Православной энциклопедии.

Много внимания уделяет Борис Николаевич кирилло-мефодиевской проблематике. Он опубликовал комментированное издание житий славянских апостолов “Сказания о начале славянской письменности” (М., 1981; 2-е изд. – СПб., 2000) и развил эту тему в совместной с А.А. Туриловым и С.А. Ивановым монографии “Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия” (СПб., 2000; 2-е изд. – 2004).

Занимается Б.Н. Флоря и отечественной историей. Им опубликована книга “Иван Грозный” (М., 1999), разделы (общим объемом 25 п.л.) в вузовском учебнике “История России с древнейших времен до начала XXI в. Учебное пособие в трех томах” (М., 2006).

В настоящее время Б.Н. Флоря завершает биографию (как всегда, на огромном источниковом материале) одной из самых ярких личностей русской истории XVII в. – государственного деятеля и дипломата А.Л. Ордина-Нащокина.

Б.Н. Флоря – профессор исторического факультета МГУ. Под его научным руководством защищено несколько кандидатских диссертаций.

Борис Николаевич – редкий в наше время ученый-универсал. Он обладает гигантской, поистине энциклопедической эрудицией практически во всех областях истории и щедро делится своими знаниями со всеми коллегами. Его как ученого отличает невероятная исследовательская “жадность”. Он может увлечь интересующей его проблемой любого, даже самого равнодушного человека. Кроме того, Борис Николаевич как никто другой умеет поставить всякий факт в широкий исторический контекст. Он обладает удивительным даром комбинаторики. Вдруг, прямо на глазах собеседника, разрозненная мозаика явлений с его помощью превращается в стройную непротиворечивую картину. Всякий, кто хоть раз был тому свидетелем, никогда не забудет этого чуда. Бориса Николаевича отличает редкая доброжелательность к коллегам. Он готов радоваться всякому, даже скромному успеху товарища и искренне переживает чужие неудачи. Еще одна вещь, которую необходимо отметить, – это полнейшая “иммунность” Бориса Николаевича к любым научным модам и идеологическим поветриям. Когда он занимается этнической историей, он остается абсолютно глух к чьим бы то ни было националистическим чаяниям; когда в поле его внимания оказывается историко-религиозная проблематика, никакие конфессиональные доводы не способны отклонить его от строгого следования источнику. Борис Николаевич – один из немногих, кто сегодня может послужить примером неколебимой верности научным принципам.

Б.Н. Флоря встречает свое семидесятилетие полным творческих сил и научных планов. Остается пожелать ему лишь физических сил и душевного спокойствия для их осуществления во славу нашей науки.

© 2007 г. С.А. Иванов

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала “Славяноведение” присоединяются к поздравлению и желают Борису Николаевичу здоровья и творческих успехов.

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2007 ГОДУ**

СТАТЬИ

Адельгейм И. В мире “Реала”. Молодая польская проза и реалии постсоциалистической Польши. С. 28–40	№ 1
Анастасова Е. Старообрядцы в Румынии и глобализация. С. 41–53	№ 1
Бурега В.В. Взаимоотношения русского православного прихода в Праге с государственными органами Чехословакии (1921–1938). С. 29–45	№ 4
Валева Е.Л. Развитие исторической науки в Болгарии на современном этапе. С. 16–30	№ 6
Гиппиус А.А. К проблеме редакций Повести временных лет. I. С. 20–44	№ 5
Досталь М.Ю. Славистика: между пролетарским интернационализмом и славянской идеей (1941–1948). С. 17–31	№ 2
Жуйкова М.В. Метафора уточения в языковых единицах со значением военных действий: когнитивный и культурный аспекты. С. 80–89.....	№ 6
Запрудский С.Н. Научный и политический аспекты реформы белорусского языка 1933 года. С. 73–88	№ 3
Ильина Г.Я. О творчестве писателей в мультилитературной среде (на материале югославянских литератур сербскохорватского языкового ареала). С. 46–56.....	№ 6
Из словаря “Славянские древности”. С. 90–114.....	№ 6
Колосова В.Б. Этноботанические заметки. I. Василек. С. 71–79.....	№ 6
Косик В.И. Русский балет в Югославии. С. 3–15.....	№ 6
Кривошапова Ю.А. Об одной символической модели в славянской народной энтомологии. С. 57–70.....	№ 6
Крючков И.В. Российская дипломатия об экономических процессах в Венгрии в начале XX века (1903–1912 гг.). С. 17–27	№ 1
Кузнецов Д.В. Общественное мнение в странах Запада и Косовский кризис. С. 55–72..	№ 3
Кьосева Ц. Установление болгаро-советских дипломатических отношений в 1934 году и судьба посольской церкви в Софии. С. 46–52.....	№ 4
Лобачева Ю.В. Сербия, Югославянский комитет и сербо-хорватско-словенская эмиграция в Америке в 1914–1916 годах. С. 12–28.....	№ 4
Майорова О.Н. К вопросу о ходе переговоров власти и оппозиции за “круглым столом” 1989 года в Польше. С. 39–54	№ 3
Михеев С.М. Различия в описаниях событий и взаимоотношения текстов борисоглебского цикла. С. 3–19.....	№ 5
Мойсненко В.М. Этноязыковая принадлежность “русской мовы” во времена Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. С. 45–64.....	№ 5
Никифоров К.В. К 60-летию Института славяноведения РАН: В.К. Волков о перспективах развития славистики. С. 3–8.....	№ 2
Сендерович С.Я. К истории восточнославянского имени Владимир. С. 9–16.....	№ 2
Симонова Т.М. Дмитрий Философов – публицист и издатель. С. 53–70.....	№ 4
Старикова Н.Н. Словенский исторический роман второй половины XX века. С. 31–45.....	№ 6
Станков Н.Н. План Дауэса и политическая борьба в Германии в 1924 году в сообщениях чехословацкого посольства в Берлине. С. 71–84	№ 4
Улунян А.А. XX съезд КПСС: “Греческое измерение”. С. 25–38.....	№ 3
Хатунцев С.В. К вопросу об эволюции воззрений К.Н. Леонтьева на славяно-греческие взаимоотношения и Восточный вопрос в 60-х – начале 70-х годов XIX века. С. 3–16	№ 1
Шевченко К. В. Попытка лужицких сербов выйти из состава Германии в 1945–1946 годах. С. 3–24	№ 3
Шестьдесят лет Институту славяноведения РАН. С. 3–11.....	№ 4

СООБЩЕНИЯ

Бучанов И.И. Культура Чехии гуситского периода в работах отечественных историков конца 40-х годов XX – начала XXI века. С. 87–92.....	№ 5
Главачка М. Еще раз о поездке австрийских славян в Россию в 1867 г. С. 54–65.....	№ 1
Карлина Н.Н. “Польский вопрос” в произведениях Василия Аксенова. С. 75–80.....	№ 1
Луховицкий Л.В. Греческий оригинал “Написания о правой вере” Константина Философа: структурная организация и полемические задачи. С. 65–73.....	№ 5
Плотникова А.А. Русские старообрядческие села в Румынии: архаика и заимствования в народной культуре. С. 66–74.....	№ 1
Усачев А.С. Об одном эпизоде из истории русско-болгарских культурных связей эпохи Средневековья. С. 32–35.....	№ 2
Чвырь Н.В. В поисках своего прошлого: исторические представления болгар-католиков XVIII века. С. 74–86.....	№ 5

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Данилова О.С. Луи Леже – основоположник научного славяноведения во Франции. С. 81–89.....	№ 1
---	-----

ПУБЛИКАЦИИ

Горизонтов Л.Е. Институт славяноведения АН СССР: первые годы (по новым источникам). С. 36–57.....	№ 2
Венедиктов Г.К. Материалы к советско-болгарской дискуссии по некоторым вопросам современной палеославистики. С. 58–94.....	№ 2
Стыкалин А.С. О реакции В. Гомулки на снятие Н.С. Хрущева (октябрь 1964 года). С. 89–104.....	№ 3

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Айзпурвит Е. Альфред Людвикович Бем / Всеволод Измайлович Срезневский. Переписка. 1911–1936. С. 93–97.....	№ 4
Гаркуша Л.М. J. Voubin. Petr Chelčický. Myslitel a reformátor. С. 111–115.....	№ 5
Живов В.М. М.В. Корогодина. Исповедь в России в XIV–XIX веках. Исследование и тексты. С. 95–102.....	№ 2
Калинина Т.М. А.А. Тортика. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X в.). С. 93–100.....	№ 5
Калнынь Л.Э. В. Жобов. Звуковете в българския език. С. 97–102.....	№ 1
<u>Клепикова Г.П.</u> J. Siatkowski. Studia nad wpływami obcymi w Ogólnosłowiańskim atlasie językowym. С. 103–106.....	№ 2
Косик В.И. М. Йованович. Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. С. 85–89.....	№ 4
Косик В.И. Е.П. Серапионова. Карел Крамарж и Россия 1890–1937 годы. С. 115–118 ...	№ 5
Косик В.И. Деятели славянской культуры в неволе и о неволе. XX век. С. 120–121.....	№ 6
Лаптева Л.П. К.В. Шевченко. Лужицкий вопрос и Чехословакия (1945–1948). С. 105–111.....	№ 3
Лаптева Л.П. Ученое путешествие Ю.И. Венелина в Болгарию (1830–1831). С. 98–100..	№ 4
Михальченко С.И. А.Н. Пыпин и проблемы славяноведения. С. 90–91.....	№ 1
Мусин А.Е. Святые князья-мученики Борис и Глеб. С. 100–110.....	№ 5
Никифоров К.В. D. Jović. Jugoslavija. Država koja je odumrla. Uspom, kriza i pad Kardeljeve Jugoslavije (1974–1990). С. 111–114.....	№ 3

Никифоров К.В. Белоэмиграция у Югославији. С. 89–92	№ 4
Проскурнина М.Б. А.Г. Шешкен. Студии за македонската литература; Г. Тодоровский. Прикосновения: русско-македонские темы. С. 94–96	№ 1
Созина Ю.А. A. Zupan Sosic. Zavetje zgodbe: sodobni slovenski roman ob koncu stoletja. С. 115–120	№ 6
Шведова Н.В. А.Г. Машкова. Словацкий натурализм (30–40-е годы XX века). С. 91–93...	№ 1
Шведова Н.В. A. Halvonik. Premeny. Slovenská próza na rozhrani storočí. С. 107–109	№ 2

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Акимова О.А. 25 лет конференций “Славяне и их соседи”. С. 119–124	№ 2
Вельмезова Е.В. Международная конференция “Социологическое направление в советском языкознании 1917–1938 годов” (Шеффилд, 9–11 сентября 2006 г.). С. 117–119	№ 3
Горизонтов Л.Е., Робинсон М.А. Славяноведение в восточнославянских странах перед вызовами современности. Информация о научном проекте. С. 113–118.....	№ 4
Досталь М.Ю. Первое заседание Комиссии историков России и Словакии. С. 120–122 ...	№ 1
Досталь М.Ю., Лешкова О.О. Международная научная конференция “История и современное состояние отечественной славистики. К 170-летию основания кафедр славистики в университетах России”. С. 106–111	№ 1
Досталь М.Ю., Ефимова В.С. Дни Славянского института АН ЧР в Москве. С. 108–112	№ 4
Зогович С. К 25-летию юбилею Института старославянской культуры в Прилепе. С. 103–106	№ 1
Кириллов Ю.В., Поляков Д.К. Пражский форум молодых славистов. С. 119–123	№ 5
Носов Б.В. Международная научная конференция “Общественная и частная жизнь Великого княжества Литовского в XVIII веке”. С. 105–108	№ 4
Орехов А. М. Польский Октябрь 1956 года в международной политике: международная научная конференция в Варшаве. С. 115–116.....	№ 3
Проскурнина М.Б. Международная научная конференция “Вторая мировая война: опыт истории – опыт литературы. Центральная и Юго-Восточная Европа”. С. 111–113	№ 1
Протокол третьего заседания Президиума Международного комитета славистов, состоявшегося в Удине (Италия) 22–23 сентября 2006 года. С. 101–105	№ 4
Толстая С.М. Толстовские чтения в Институте славяноведения. С. 110–119.....	№ 2
Филатова Н.М. Конференция “Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре”. С. 114–119	№ 1

ЮБИЛЕИ

Валева Е.Л. К юбилею Валентины Владимировны Марьиной. С. 119–121.....	№ 4
Волокитина Т.В. К юбилею Галины Павловны Мурашко. С.122–123.....	№ 3
Иванов С.А. К юбилею Бориса Николаевича Флори. С. 122–123	№ 6
Мокиенко В.М. К юбилею Галины Алексеевны Лилич. С. 126–127	№ 2
Молошная Т.М. К юбилею Евгении Ивановны Деминой. С. 125	№ 2
Николаева Т.М. К юбилею Татьяны Владимировны Цивьян. С. 124–125	№ 3
Норман Б.Ю., Супрунчук Н.В. К юбилею Геннадия Афанасьевича Цыхуна. С. 123–124	№ 1
Станчев М. К юбилею Георгия Иосифовича Чернявского. С. 124–126	№ 1
К юбилею Юрия Васильевича Богданова. С. 121–122.....	№ 4
К юбилею Людмилы Нораировны Будаговой. С. 126–127.....	№ 5

К юбилею Сергея Васильевича Никольского. С. 120	№ 3
К юбилею Альбины Федоровны Носковой. С. 121	№ 3
К юбилею Иннесы Ильиничны Свириды. С. 124–125	№ 5
К юбилею Виктора Александровича Хорева. С. 122–124	№ 4

НЕКРОЛОГИ

А к с е н о в а Е.П. Памяти Марка Яковлевича Гольберга (1922–2007). С. 127	№ 4
Памяти Галины Петровны Клепиковой. С. 125–126	№ 4
Памяти Михаила Владимировича Фридмана (1922–2006). С. 126–127	№ 3

CONTENTS

ARTICLES

<i>Kossyk V.I.</i> (Moscow). Russian Ballet in Yugoslavia	3
<i>Valeva E.L.</i> (Moscow). History Studies Development in Contemporary Bulgaria	16
<i>Starikova N.N.</i> (Moscow). The Slovene historical novel of second half of XX century.....	31
<i>Ilyina G.Ya.</i> (Moscow). Writers Work in a Multi-Literary Environment (Based on Yugoslavian Literatures of Serbian-Croatian Language Area)	46
<i>Kryvoschapova Yu.A.</i> (Ekaterinburg). About one Symbolical Model in Slavic Folk Entomology	57
<i>Kolosova V.B.</i> (St. Petersburg). Ethno-Botanical Notes. I. A Cornflower.....	71
<i>Zhuykova M.V.</i> (Lutsk). Entertainment Metaphor in Language Units with Military Meanings: Cognitive and Cultural Aspects	80
From the dictionary "Slavic Antiquities"	90

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Sozina Yu.A.</i> A. Zupan Sosič. Zavetje zgodbe: sodobni slovenski roman ob koncu stoletja	115
<i>Kossyk V.I.</i> Деятели славянской культуры в неволе и о неволе. XX век	120

ANNIVERSARIES

<i>Ivanov S.A.</i> Toward the Anniversary of Borys Nikolaevitch Florya.....	122
Index of Articles and Materials Published in the Magazine in 2007.....	124

Сдано в набор 01.08.2007 Подписано в печать 20.09.2007 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Офсетная печать. Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 4,8 тыс. Уч.изд.л. 12,0 Бум.л. 4,0
Тираж 450 экз. Зак. 641

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Академиздатцентр «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
E-mail: jurslav@rambler.ru; zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен МАИК «Наука/Интерпериодика»

Отпечатано в ППП «Типография «Наука», 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Индекс 70891

ISSN 0132-1366 **Славяноведение, 2007, № 6**